

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
EUROPEAN SECURITY
CHALLENGES**

**Сборник научных трудов
Выпуск 3**

**ЕВРОПА В ЭПОХУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ
EUROPE IN THE PERIOD
OF GEOPOLITICAL UNCERTAINTY**

Москва 2018

ББК 66.4
УДК 327.5
П 78

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел проблем европейской безопасности

Отдел Европы и Америки

Редакционная коллегия:

Т.Г. Пархалина – канд. ист. наук (гл. ред.),
О.Н. Новикова – канд. ист. наук, *В.Н. Чернега* – д-р юрид. наук,
Никуличев Ю.В. – д-р культурол. наук,
Шанишьева Л.Н. – канд. филос. наук,
Ф.О. Трунов – канд. полит. наук

Редактор выпуска – *Ф.О. Трунов*

Проблемы европейской безопасности = European Security
П 78 Challenges: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Отд. европ. безопасности,
Отд. Европы и Америки; ред. кол.: Пархалина Т.Г. (гл. ред.) и др. –
Москва, 2018. – Вып. 3: Европа в эпоху геополитических неопре-
деленностей = Europe in the period of geopolitical uncertainty / сост.
Ф.О. Трунов. – 288 с.
ISBN 978-5-248-00836-0

Анализируются процессы, определяющие настоящее и будущее европей-
ского континента, перспективы «европейского проекта» в условиях геополитиче-
ской неопределенности, эволюция нынешней системы европейской безопасности,
обостряющиеся внешние и внутренние противоречия, военно-политические и эконо-
мические проблемы в трансатлантических отношениях.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

The magazine analyses processes, defining the present and future of European
continent, the perspectives of the „European project“, in the circumstances of geopolitical
uncertainty, the evolution of modern system of European security, exacerbating external
and internal contradictions, military-political and economic problems in Transatlantic
relations.

For researches, lectures, post-graduate students and students.

УДК 327.5
ББК 66.4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
<i>Introduction</i>	6

Раздел I.

Система европейской безопасности перед новыми вызовами

Part I.

The system of European security in the face of new challenges

С.В. Уткин	
<i>Utkin Sergey</i>	
«Фактор Трампа» в трансатлантических отношениях: Реакция Европейского союза	
<i>The Trump`s factor in transatlantic relations: European union reaction</i>	25
Ю.В. Никуличев	
<i>Nikulichev Yuriy</i>	
«Пробуждение спящей красавицы»: Программа PESCO между атлантизмом и европеизмом	
<i>«The Awakening of the Sleeping beauty»: The PESCO program between atlantism and europeanism</i>	47
В.Н. Чернега	
<i>Tchernega Vladimir</i>	
Внешняя политика Франции при президенте Макроне: Изме- нения в рамках преемственности?	
<i>French foreign policy during Macron presidency: Changes in the framework of continuity?</i>	64
Г.И. Кутырев	
<i>Kutyrev Georgiy</i>	
Стратегия национальной безопасности и военное строитель- ство Испании: В условиях новых вызовов	

<i>The national security strategy and process of armed forces building in Spain: In the face of new challenges.....</i>	87
А.В. Белинский, Д.А. Кочегуров	
<i>Belinsky Andrey, Kochegurov Dmitry</i>	
Реакция НАТО и ЕС на стратегический вызов со стороны РФ. (Обзор)	
<i>NATO and EU reaction to strategic challenge from Russia. (Review)</i>	104

Раздел II.

Субрегиональные аспекты безопасности:

Северная и Восточная Европа

Part II.

Subregional aspects of security: Northern and Eastern Europe

Ф.О. Трунов	
<i>Trunov Philipp</i>	
Североевропейское измерение деятельности НАТО на современном этапе	
<i>Northern european dimension of the NATO Activity during the modern period</i>	129
К.А. Карпова	
<i>Karпова Ksenia</i>	
Вопрос присоединения нейтральных государств Европы к НАТО: Пример Швеции	
<i>The issue of the accession of neutral states in Europe to NATO: The example of Sweden</i>	150
А.В. Манойло, Ф.О. Трунов	
<i>Manoylo Andrey, Trunov Philipp</i>	
Военно-политическая деятельность НАТО в странах Балтии на современном этапе	
<i>The military-political activity of Nato in the Baltic states during the modern period</i>	159
Ф.О. Трунов	
<i>Trunov Philipp</i>	
Особенности политико-военного позиционирования Польши в НАТО	
<i>The features of political-military positioning of Poland in NATO</i>	176

Л.Н. Шаншиева

Shanshieva Larisa

Республика Беларусь: Внешние и внутренние факторы безопасности

Republic of Belarus: The external and internal factors of Security 189

Т.Г. Биткова

Bitkova Tatyana

Россия и европейская безопасность: Взгляд из Румынии

Russia and european security: The view from Romania 211

Раздел III.

Новые измерения европейской безопасности

Part III.

New dimensions of European security

А.В. Белинский

Belinsky Andrey

Правый популизм как вызов для системы евро-атлантической безопасности

Right populism as a challenge for the system euro-atlantic security 235

В.Б. Белов

Belov Vladislav

Российско-германская хозяйственная кооперация в условиях санкционных режимов

Russian-german economic cooperation in the conditions of sanction regimes 255

А.В. Манойло

Manoylo Andrey

Основные принципы и направления формирования пространства кибербезопасности: Международный опыт

The main principles and directions of the creation of cybersecurity area: International experince 272

Сведения об авторах

About authors 284

ВВЕДЕНИЕ

INTRODUCTION

Эпоха геополитической неустойчивости и турбулентности, в которой оказался мир во втором десятилетии XXI столетия, одним из негативных следствий имеет разбалансировку систем международной и европейской безопасности. Последняя за четверть века после распада СССР и Советского блока прошла очень сложный путь от биполярной конфронтации и реального противостояния в Европе двух блоков – до однополярности (с доминированием США), затем многополярности – и вступила в начало фазы бесполярности, которая будет иметь следствием снижение значения государства и традиционных для второй половины XX столетия международных организаций. В то же время возрастает роль негосударственных акторов, способных оказывать политическое, экономическое и военное воздействие на процессы формирования нового мирового порядка, который на сей раз, по всей видимости, явится результатом не глобального конфликта (или мировой войны), но серии локальных кризисов и военных конфликтов.

В течение последних десятилетий наличие у ряда держав ядерного оружия было фактором сдерживания. Однако принятие администрацией Д. Трампа ряда концептуальных документов, касающихся внешней политики и национальной безопасности США [см.: National Security..., 2017], а также выделение дополнительных средств на совершенствование ядерного потенциала США свидетельствуют о возможности снижения порога применения ядерного оружия – это и планы по созданию тактического оружия малой мощности и заявления о возможности нанесения ядерного удара в ответ на угрозы неядерного характера, в том числе кибератаки.

Учитывая крайнюю напряженность в российско-американских отношениях, ситуацию в Украине и Сирии, наличие ядерного оружия у все большего количества акторов, готовность и способность России разрабатывать и применять гиперзвуковое оружие, новое поколение ракет и подводных лодок (о чем президент В. Путин заявил в послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г.) [Послание Президента., 2018], возможность выхода США и России из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (1987) (обе стороны обвиняют друг друга в его нарушении), отказ официального Вашингтона от двусторонней встречи по кибербезопасности в Женеве в феврале 2018 г. (в ответ Москва отказалась от встречи по стратегическим вопросам в Вене в марте этого же года), а также санкционную политику Белого дома, приходится констатировать, что уровень напряженности в настоящее время является самым высоким с начала 90-х годов прошлого века.

Могут ли повлиять на подобное развитие событий европейские и евро-атлантические институты в условиях очень серьезного кризиса в трансатлантических отношениях? Следует отметить, что по линии взаимодействия с институтами – НАТО, ЕС, ОБСЕ – мы наблюдаем хотя и достаточно жесткую позицию, но вместе с тем и определенную сдержанность.

Россия – НАТО. 1 апреля 2014 г. в ответ на действия России в Крыму НАТО приостановила все виды практического сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО, артикулируя свою позицию тем, что «бизнес как прежде невозможен». Вместе с тем работа самого Совета не была заморожена; за период с 2014 по 2018 г. он собирался несколько раз на уровне послов. Следует отметить, однако, что послы обменивались взаимными обвинениями и результаты заседаний были практически нулевыми. Решения Уэльского саммита Альянса (4–5 сентября 2014 г.) свидетельствовали о том, что НАТО от отражения новых угроз вернулась к истокам – к обеспечению коллективной обороны. В декларации по итогам саммита отмечалось, что план действий по готовности НАТО (NATO Readiness Action Plan) отвечал «на изменения среды безопасности на границах Альянса» и на «вызовы, порожденные Россией, и на их стратегические последствия» [Wales Summit., 2014]. План пред-

полагал постоянное присутствие триады вооруженных сил (сухопутных, военно-морских, военно-воздушных, а также межвидовых сил быстрого реагирования) и существенную военную активность НАТО в восточной зоне на ротационной основе.

Варшавский саммит Альянса 2016 г. продемонстрировал готовность трансатлантических союзников пойти на символическое укрепление (в виде четырех батальонов в среднем по 1 тыс. человек каждый) оборонных структур на восточном направлении [Warsaw Summit., 2016], но *неготовность пожертвовать Основопологающим актом Россия – НАТО (1997) (ОА)*, на чем настаивал ряд стран Центральной и Восточной Европы (речь шла о том положении ОА, где говорилось об отказе НАТО от постоянного размещения существенных боевых сил в новых районах базирования) [Основопологающий акт., 2009].

В начале 2018 г. генеральный секретарь Североатлантического альянса Й. Столтенберг даже сделал заявление, согласно которому он призвал союзников учитывать тот факт, что они имеют дело с «более самоуверенной Россией». «Мы не хотели бы повторения холодной войны и гонки вооружений, мы выступаем за политический диалог с Москвой» [Генсек НАТО., 2018]. В начале 2018 г. начальник Генерального штаба МО РФ генерал армии В.В. Герасимов посетил штаб-квартиру НАТО и вел переговоры с официальными военными представителями Альянса. В ходе встречи затрагивались такие вопросы, как ситуация в Украине, в Афганистане, транспарентность военной деятельности и снижение рисков военных столкновений (здесь следует отметить, что только в 2016 г. в регионе Балтийского моря произошло более 60 военных инцидентов в воздушном пространстве между самолетами РФ и стран НАТО).

Россия и НАТО проявляют так называемую стратегическую сдержанность: Россия – когда не размещает дополнительные военные контингенты в Псковской и Калининградской областях (кроме систем ПВО), НАТО – когда не хочет выходить из ОА РФ – НАТО и размещать существенные вооруженные силы на восточном фланге.

Безусловно, в краткосрочной и среднесрочной перспективе России и Альянсу вряд ли удастся вернуться к тому уровню сотрудничества, который существовал в 2000-е годы, когда в рамках СРН было создано 25 рабочих групп, в том числе по совместному миротворчеству и созданию ПРО европейского ТВД. Однако нельзя исключать, что интересы в сфере безопасности (Афганистан, например) приведут обе стороны хотя бы к такому уровню сотрудничества, который исключал бы взаимное сдерживание и восприятие друг друга в качестве противников.

Россия – ЕС. После событий в Крыму и начала боевых действий на юго-востоке Украины Евросоюз (по инициативе Германии и Великобритании) прекратил проведение совместных мероприятий и ввел санкции против РФ. Была приостановлена работа всех совместных органов и мероприятий, которые до этого составляли каркас провозглашенного во второй половине 2000-х годов стратегического партнерства.

В своей глобальной стратегии по внешней политике и политике безопасности ЕС провозгласил следующее: «Нарушение Россией международного права и дестабилизация ситуации в Украине наряду с затяжными конфликтами в регионе Черного моря стали вызовом для основ европейской системы безопасности. Мы будем едины в защите международного права, демократических прав человека, сотрудничества и права каждого государства свободно определять свое будущее... Мы не признаем незаконную аннексию¹ Крыма Россией и не смиримся с дестабилизацией всей Украины» [A Global Strategy., 2016]. Весной 2016 г. ЕС провозгласил пять принципов построения взаимоотношений с Россией, главным из которых является «избирательное взаимодействие». Оно предполагает, что ЕС будет сотрудничать с Москвой только по вопросам, которые представляют интерес для самого Евросоюза. Однако непонятно, как при этом будут учитываться вопросы, представляющие интерес для РФ.

Брюссель неоднократно подчеркивал, что поводом для, так сказать, «разблокировки» отношений будет являться прогресс в

¹ Имеется в виду присоединение Крыма к РФ в 2014 г. – *Прим. ред.*

реализации Минских соглашений (2015) по урегулированию в Украине. И здесь очень много неясностей: ЕС считает Россию участницей конфликта, вместе с тем Москва никогда не признает себя таковой. Возникает вопрос: как могут соглашения, основной целью которых было прекращение огня и спасение украинской армии (кстати говоря, эту задачу они выполнили и в 2014 г. в ходе боев за Иловайск, и в 2015 г. за Дебальцево), являться основой для разрешения конфликта в целом, ибо требования политического характера, предъявляемые украинским властям, будут означать поражение любого режима, находящегося в Киеве. Второй вопрос – о релевантности «Нормандского формата», эффективность которого вызывает большие сомнения в связи с очередным обострением отношений между Россией и Западом («дело Скрипалей» в Великобритании).

При всем этом следует отметить, что рабочие контакты между Россией и ЕС продолжаются, а товарооборот между ними в 2017 г. возрос на 27% [Russia – Trade..., 2018], однако они не могут способствовать замещению стратегии по созданию «общих пространств». Она была провозглашена в первой половине 2000-х и потерпела фиаско по той причине, что Россия и ЕС не имели общих целей по их формированию, а рассматривали друг друга в качестве конкурентов. Идея сотрудничества двух интеграционных образований – ЕС и ЕАЭС – пока, видимо, неосуществима по причине слабости ЕАЭС и вследствие позиции союзников России – Белоруссии и Казахстана.

Представляется рациональным вернуться к идее формирования Совета ЕС – Россия по вопросам безопасности, которая обсуждалась после кавказского кризиса осенью 2008 г. Это обусловлено тем, что, как считает известный российский европеист Ю. Борко, главной сферой общих интересов на ближайшие годы будет именно сфера безопасности [Борко, 2015]. И хотя в настоящий момент обе стороны заняты наращиванием собственных военных потенциалов (ЕС совместно с НАТО), основными и реальными угрозами их безопасности будут воинствующий исламистский терроризм, последствия изменения климата, непредсказуемость, исходящая из центра западного мира – Вашингтона (фактор

Трампа), распространение ОМУ и средств его доставки, милитаризация космоса, киберугрозы и ряд других. По всем этим вопросам ЕС и Россия не имеют альтернативы взаимному сотрудничеству.

Пока же с обеих сторон отсутствует политическая воля к осознанию причин нынешнего кризиса, их оценки и переосмысления. Не просматривается потенциал формирования архитектуры общеевропейской безопасности на основе баланса интересов Россия – ЕС. Информация о том, что «Нормандская четверка» в мае 2018 г. прошла в формате «тройки», т.е. без России, свидетельствует о том, что на фоне «дела Скрипалей» происходит эскалация напряженности.

Россия – ОБСЕ. Единственная организация в сфере евроатлантической безопасности с полноправным участием РФ остается ОБСЕ. До начала 2000-х годов Россия утверждала, что именно эта организация является краеугольным камнем европейской безопасности и именно с ее помощью пыталась противодействовать расширению НАТО. Однако когда этого не получилось, поскольку все страны бывшего Советского блока и даже республики бывшего СССР – все члены ОБСЕ – выразили четкое желание интегрироваться в Североатлантический альянс, а также, учитывая тот факт, что деятельность ОБСЕ к этому моменту сосредоточилась на мониторинговых миссиях по отслеживанию демократических процессов на постсоветском пространстве, Россия встала на позиции резкой критики ОБСЕ. В период так называемой «золотой эры» во взаимоотношениях РФ и НАТО (2002–2007) у российских элит, видимо, складывалось впечатление, что многие проблемы безопасности могут быть решены на площадке Совета Россия – НАТО.

Однако в 2008 г. после Бухарестского саммита Альянса, в ходе которого США попытались (правда, безуспешно, поскольку этому воспрепятствовали европейские союзники) предоставить Украине и Грузии План действий по членству в НАТО, Россия через предложение по Договору о европейской безопасности (ДЕБ) вновь попыталась вернуть ОБСЕ былое значение. После пятитдневной войны на Кавказе (август 2008 г.) различные варианты Договора о европейской безопасности обсуждались с Францией и Германией, а затем стимулировали начало дискуссии в рамках ОБСЕ о

будущем европейской безопасности, которая вылилась в так называемый «процесс Корфу». Были созданы десять специализированных групп: по вопросам выполнения всеми государствами норм и принципов ОБСЕ; по роли организации в решении задач раннего предупреждения, предотвращения и урегулирования кризисов и конфликтов; постконфликтной реабилитации; контролю над вооружением и мерам укрепления доверия; невоенным угрозам безопасности; вызовам в области экономики и экологии; правам человека, демократии и верховенству закона; повышению эффективности ОБСЕ и др.

Россия и страны Запада не пришли к общему знаменателю в ходе обсуждаемых вопросов, поэтому на саммите в Астане в 2010 г. не удалось согласовать новую повестку дня.

На фоне серьезной деградации отношений России с рядом евро-атлантических институтов в условиях украинского и сирийского кризисов ОБСЕ остается единственной площадкой, где еще возможны какие-то договоренности. Во-первых, речь может идти о возобновлении процесса контроля над вооружениями и формировании на новом этапе мер доверия, без чего невозможно представить выход из существующего кризиса. Во-вторых, об организации миротворческой миссии на юго-востоке Украины, но, по-видимому, не только для охраны сотрудников ОБСЕ, а в более широком масштабе. Наконец, о создании площадки в рамках ОБСЕ, на которой изучались бы и обсуждались причины нынешнего кризиса с извлечением уроков из него, без чего невозможно продвижение вперед.

При этом следует иметь в виду, что нынешний стратегический курс России сложился не под влиянием отдельных событий, но вследствие определенного числа явлений, проблем и кризисов, выстроенных в цепочку (вольно или невольно) встраивания России в существовавшую тогда систему безопасности на условиях Запада, что само по себе, учитывая фактор стратегической независимости РФ, не могло не вызвать противодействия.

В связи с неустойчивой геополитической ситуацией в мире невозможно хотя бы вкратце не остановиться на нынешнем состоянии трансатлантических отношений, которые никогда не были безоблачными, но с приходом в Белый дом президента Д. Трампа

вызывают удивление и опасения у тех политиков и экспертов, которые понимают, что эти стабильные отношения по линии США – Европа являются одной из основ международной стабильности.

В ходе своей предвыборной кампании и сразу после Д. Трамп неоднократно заявлял, что НАТО – это устаревший союз, который не отвечает требованиям времени. Одна из его основных претензий к европейским союзникам сводилась к тому, что они явно недоплачивают в деле обеспечения своей обороны и должны в срочном порядке увеличить расходы на оборону до 2% от уровня своего ВВП. Что касается экономического измерения трансатлантических отношений, то Трамп высказал намерение приостановить переговоры по трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП, *англ.* ТТИР). Однако вскоре после встречи с двумя европейскими лидерами – премьер-министром Великобритании Т. Мэй и канцлером ФРГ А. Меркель, а также вследствие давления, оказанного на него американским внешнеполитическим истеблишментом, Д. Трамп изменил свое мнение на прямо противоположное и стал утверждать, что НАТО – это ключевой Альянс, обеспечивающий безопасность Запада. Впоследствии в Брюсселе (на встрече, приуроченной к открытию нового здания Альянса) и на встрече «Большой семерки» в Италии американский президент вновь в жесткой форме потребовал от союзников увеличения военных расходов и вообще вел себя так, что А. Меркель заявила о том, что «Европа вынуждена брать на себя большую ответственность как за свою безопасность, так и за международную повестку дня» [Angela Merkel., 2017].

Главная проблема трансатлантических отношений сегодня состоит в том, что непредсказуемость исходит из центра коллективного Запада – из Вашингтона, а так называемая «твиттерная дипломатия» Д. Трампа лихорадит весь мир. Проблема нынешней администрации США состоит в том, что она еще не определилась с тем, какую политику выстраивать в отношении европейских союзников. Помимо этого, позиция Д. Трампа по ряду иных вопросов, касающихся международной безопасности и мировой экономики, входит в противоречие с позицией Брюсселя и ряда европейских столиц – это и выход из соглашений по климату и

многостороннего соглашения по Ирану, когда в одностороннем порядке Вашингтон нарушил международные договоренности, которые Брюссель считает принципиально важными, и повышение торговых пошлин на сталь и алюминий, что нанесет огромный ущерб европейским компаниям.

Новым элементом нынешних трансатлантических отношений является то, что вновь – с противоположным знаком – особую роль в них начинает играть Франция. Но если при Ш. де Голле и позже Франция рассматривалась как «enfant terrible» Альянса, поскольку тогдашние французские президенты предельно демонстративно противопоставляли свою позицию влиянию Вашингтона, то при Э. Макроне в бытность Д. Трампа Франция становится чуть ли не привилегированным партнером США в Европе. Несмотря на то что во внешней политике Э. Макрон сразу же взял курс на увеличение веса своей страны в Европе и мире и что он имеет видение многих проблем, отличное от видения Д. Трампа, ему удалось установить особые личные отношения с президентом Соединенных Штатов. И если на предыдущем этапе трансатлантические отношения во многом определялись тандемом Обама – Меркель, то в настоящее время своим главным партнером в Европе Д. Трамп считает Э. Макрона.

Придя к власти в Елисейском дворце, Э. Макрон сразу же озвучил сценарий создания европейского военного союза, который в случае его реализации сразу же выводил бы Францию на ведущую роль в Евросоюзе. Следует, однако, обратить внимание, что реализация этого сценария возможна при следующих условиях: 1) в случае роста расхождений между США и их европейскими партнерами в восприятии угроз безопасности; 2) в случае создания государствами ЕС эффективных институтов в области безопасности и обороны; 3) в случае готовности европейских государств существенно увеличить свои расходы на оборону – и в рамках НАТО и в ЕС, – с тем чтобы создать современные вооруженные силы, оснащенные высокотехнологичным вооружением и военной техникой, системами связи, разведки, управления войсками.

В своем выступлении в Сорбонне 26 сентября 2017 г. Э. Макрон предсказал в ближайшие годы отделение Европы от США,

предложив одновременно реформы в области экономики и безопасности [President Macron's., 2017], а это неизбежно будет иметь последствия для трансатлантических отношений. Нельзя исключить, что в рамках ЕС произойдет своеобразная перезагрузка с обретением большей самостоятельности в рамках трансатлантических отношений. В случае обретения большего единства удастся повысить уровень безопасности в рамках ЕС, а Европа может превратиться из потребителя в производителя стабильности.

Можно предположить, что именно на это была направлена европейская инициатива PESCO (Permanent Structured cooperation) – так называемое «Постоянное структурированное сотрудничество» в области обороны. Документы были подписаны в Брюсселе в начале ноября 2017 г. По словам Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, предлагаемая программа направлена на повышение эффективности обороны Европейского союза, мобильности вооруженных сил его государств-членов и сотрудничества с НАТО. PESCO предполагает снятие пограничных формальностей и масштабное строительство в ЕС транспортной инфраструктуры для переброски тяжелой военной техники. В ряде европейских стран считают, что именно позиция Д. Трампа, настораживающая его союзников в Европе, вызвала к жизни эту инициативу ЕС, которая была одобрена на саммите Евросоюза в декабре 2016 г. Для подготовки плана были созданы оперативные группы в Берлине, Париже, Брюсселе, которые работали над расширением зоны безопасности ЕС в сфере безопасности и обороны.

Судьба углубления европейской интеграции в области безопасности и обороны будет зависеть от трех факторов: от позиции Германии; от способности договариваться лидеров Германии и Франции; от позиции президента США, который явно демонстрирует по меньшей мере отсутствие интереса к европейским союзникам.

Для России принципиальное значение имеет ответ на вопрос – какие последствия для нашей страны будут иметь все эти очень серьезные изменения, связанные с трансформацией моде-

лей поведения основных игроков евро-атлантической и международной систем безопасности.

С середины 2000-х годов, т.е. с момента изменения мировой экономической конъюнктуры, следствием чего явился галопирующий рост цен на энергоносители, который привел к специфическому экономическому росту в России, мы констатировали нарастающее геополитическое соперничество между РФ и странами Евроатлантики на постсоветском пространстве. Сначала грузинский (2008), а затем и украинский кризисы стали центробежными факторами в отношениях Россия – США – ЕС. При этом ни Брюссель, ни Вашингтон, ни Москва не хотят открытого столкновения. Однако Кремль хочет компромисса, который состоял бы в признании Крыма и в предоставлении конституционных полномочий ЛНР и ДНР, в то время как Запад считает это неприемлемым.

И Россия, и страны Евроатлантики избавились от иллюзий, связанных с надеждами на интеграцию РФ в так называемый коллективный Запад с точки зрения институционально-нормативной базы. Одновременно, по крайней мере у части российского политического класса, исчезли иллюзии, связанные с избранием Трампа на пост президента США и возможностью достижения какой-либо сделки типа «второй Ялты» об установлении новых правил игры, которые могут прийти на смену принципам Парижской хартии (1990).

Предметом различных подходов и трактовок являются как причины нынешнего кризиса, так и пути выхода из него, включая механизмы поддержания балансов в евро-атлантической системе безопасности. Представители Евроатлантики исходят из определенных норм и стандартов поведения государств и восприятия России как одного из акторов, который должен им следовать. РФ же исходит из фактора равного с ключевыми западными игроками статуса. Именно поэтому Россия взяла курс на укрепление и использование в третьих регионах военной силы, полагая, что это поможет ей переломить тенденцию, связанную с выпадением из ядра экономического развития, а на все критикуемые ею действия Запада ответила зеркально: на Косово – Абхазией и Южной Осети-

ей; на попытки интеграции Украины – Крымом и Юго-Восточной Украиной.

Несмотря на драматизм и остроту кризиса в отношениях Россия – Запад, обе стороны пока еще констатируют наличие общих интересов: это и нераспространение ОМУ и ОМП, и контроль за новыми неядерными видами вооружений, и создание мер доверия и транспарентности в разных видах военной деятельности, и вопросы, связанные с энергобезопасностью, изменением климата, решением международных конфликтов. Однако поскольку обе стороны по-разному трактуют причины, ход украинского кризиса и Минские соглашения (2015), впереди нас ждут годы противостояния и лишь избирательное сотрудничество по перечисленным выше вопросам. Точкой соприкосновения могут стать сотрудничество между Россией и Европой по так называемому иранскому ядерному досье после решения Д. Трампа о выходе из соглашения по Ирану, что, безусловно, наносит удар как по международной безопасности в целом, так и по режиму нераспространения ядерного оружия в частности. Ситуация в Армении в связи со сменой руководства этой страны в ходе массовых мирных протестов также может привести к формированию новой модели взаимоотношений между ЕС и ЕАЭС, поскольку новое армянское руководство заявило о развитии партнерских отношений с двумя интеграционными комплексами, и ни один из них не поставил никаких предварительных условий (как это было в случае с Украиной).

Нынешний этап трансатлантических отношений, который характеризуется более противоречивым курсом Вашингтона к европейским союзникам – Трамп, в отличие от всех своих предшественников, не заинтересован в укреплении Евросоюза, хотел бы дестабилизировать ЕС, ограничить свободный товарооборот между США и Европой, – может привести как к переосмыслению роли США и Европы, так и к более углубленной интеграции в рамках ЕС в военно-политической сфере и более тесному сотрудничеству между НАТО и Евросоюзом.

Так, 15 мая 2018 г. в Брюсселе состоялось заседание Военного комитета Евросоюза на уровне начальников генеральных штабов [European Union., 2018]. Этот комитет существует давно, но как

своеобразный генштаб армий стран ЕС он стал действовать недавно, когда в ЕС приняли глобальную стратегию в области безопасности и обороны, а также под воздействием фактора Трампа. Участники заседания не скрывали, что в ЕС взят курс на более глубокую интеграцию. Она предполагает постоянное структурированное сотрудничество (PESCO), скоординированный обзор обороны, европейскую программу развития военной промышленности и военную мобильность. Обсуждались вопросы интенсификации сотрудничества ЕС и НАТО и формирования стабильного военного бюджета. При этом представители ЕС подчеркивают, что не ставят цель подмены Североатлантического альянса, а сферами их совместной деятельности будут военная мобильность, киберзащита и противодействие террористическим угрозам. Такая постановка вопроса отвечает задачам организации совместных военных учений. Было также подтверждено стремление создать Европейский военный фонд, чтобы проводить мероприятия в сфере безопасности и обороны.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что ряд реформ в ЕС, в том числе в военно-политической сфере, начался по инициативе президента Э. Макрона и был поддержан канцлером А. Меркель. Со всей очевидностью можно утверждать, что особенно после выхода Великобритании франко-германский тандем будет осевым в процессах укрепления военно-политической составляющей Евросоюза.

В этой сложной конфигурации, в условиях возрастающего давления Вашингтона на европейских союзников на различных треках (НАТО, Иран, торговля, «Северный поток-2») России имеет смысл делать ставку на восстановление более-менее нормальных отношений с Европой с учетом того, что европейские союзники США неизбежно начнут дрейфовать в сторону России. В дальнейшей, более долгосрочной перспективе следует иметь в виду возможность обсуждения на европейском уровне архитектуры безопасности континента, которое предполагало бы как правила поведения, т.е. нормы и стандарты общего пространства безопасности, так и политику расширения НАТО и ЕС, а также политику России на постсоветском пространстве. В политическом дискурсе

появился термин «стратегическое осовременивание» проблем безопасности, который предполагает современную трактовку контроля над вооружениями, мер доверия и безопасности, экономического взаимодействия и многих других. По всем этим вопросам необходимо начинать дискуссию уже сейчас.

Предлагаемый читателю сборник посвящен сложным вопросам, с которыми столкнулась система европейской безопасности во втором десятилетии XXI в. Структурно сборник поделен на три раздела. В первом анализируются новые вызовы, к коим следует отнести так называемый «фактор Трампа» и его влияние на трансатлантические отношения в целом; попытки стран Европы выстроить свою военно-политическую идентичность на новом этапе (PESCO), трудноконтролируемые миграционные потоки, приводящие к кризисным явлениям в правительствах стран Европы, и ряд других.

Второй раздел посвящен субрегиональным аспектам безопасности. Анализу подвергнуты вопросы присоединения нейтральных Швеции и Финляндии к НАТО, североевропейское измерение деятельности Североатлантического альянса, а также его военно-политическая деятельность в странах Балтии; исследованы особенности политико-военного позиционирования Польши; внешние и внутренние факторы безопасности Республики Беларусь; некоторые аспекты оценок со стороны Румынии нынешнего кризиса в отношениях России и Запада.

В третьем разделе анализируются новые измерения европейской безопасности, такие как рост правого популизма в ряде стран Европы; функционирование России и некоторых стран Европы, прежде всего Германии, в условиях санкционных режимов; ряд аспектов, связанных с киберугрозами и попытками выстраивания систем кибербезопасности.

В ходе изучения всех вышеперечисленных проблем редколлегии сборника и авторы руководствовались ключевым вопросом: а какое воздействие развивающиеся ныне процессы оказывают на интересы безопасности России, какие риски и возможности для на-

шей страны возникают в связи с транзитом от одного миропорядка к другому.

Список литературы

Борко Ю.А. Будущее отношений Россия – ЕС: Проблемы и перспективы // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. – 2015. – № 38 (54). – С. 2-5.

Генсек НАТО выступил за политический диалог со ставшей более «самоуверенной» Россией // RT [сайт]. – 2018. – 03.01. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/466894-gensek-nato-dialog-rossiya> (Дата обращения – 15.05.2018).

Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО (27 мая 1997 г.) // НАТО [сайт]. – 2009. – 12.10. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (Дата обращения – 15.05.2018).

Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [сайт]. – 2018. – 01.03. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (Дата обращения – 15.05.2018).

Angela Merkel in München: Kanzlerin gnadenlos ausgepiffen // Merkur [site]. – 2017. – 24.09. – Mode of access: <https://www.merkur.de/politik/angela-merkel-in-muenchen-gellendes-pfeifkonzert-gegen-kanzlerin-bundestagswahl-2017-zr-8702239.html> (Date of access – 15.05.2018).

A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. – Brussel, 2016. – 53 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (Date of access – 15.05.2018).

European Union Military Committee (EUMC), EU Chiefs of Defence, 15/05/2018 // EU [site]. – Mode of access: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/fac/2018/05/15/> (Date of access – 15.05.2018).

National Security Strategy of the United States of America. – Washington, 2017. – 35 p. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (Date of access – 15.05.2018).

President Macron's Initiative for Europe: A sovereign, united, democratic Europe (26.09.17) // France Diplomatie [site]. – 2017. – 26.09. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/european-union/events/article/president-macron-s-initiative-for-europe-a-sovereign-united-democratic-europe> (Date of access – 15.05.2018).

Russia – Trade // European commission [site]. – 2018. – 16.04. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/russia/> (Date of access – 15.05.2018).

Wales Summit Declaration // NATO [site]. – 2014. – 05.09. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Date of access – 15.05.2018).

Warsaw Summit Communiqué // NATO [site]. – 2016. – 09.07. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (Date of access – 15.05.2018).

Т.Г. Пархалина

**РАЗДЕЛ I.
СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ
PART I.
THE SYSTEM OF EUROPEAN SECURITY
IN THE FACE OF NEW CHALLENGES**

**С.В. УТКИН, 2018 ©
UTKIN SERGEY**

**«ФАКТОР ТРАМПА» В ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ: РЕАКЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
THE TRUMP'S FACTOR IN TRANSATLANTIC
RELATIONS: EUROPEAN UNION REACTION**

***Аннотация.** В статье ставится вопрос о настоящем и будущем развития трансатлантических отношений в период президентства Д. Трампа. В этой связи автором исследуются масштаб и глубина противоречий сторон по вопросам обеспечения обороны, иранской «ядерной сделке», торговым взаимоотношениям. Отдельное внимание уделяется взаимному восприятию сторон на доктринальном уровне. Делается вывод о перспективах эволюции трансатлантических отношений по ключевым направлениям.*

***Abstract.** The article points out the question about present and future development of transatlantic relations during the Trump's presidency. In this regard the author explores the scale and the deep of contradictions of the parties on the issues of defense, Iranian,, nuclear deal,,, trade cooperation. The paper pays special attention to mutual perception of the parties at the doctrinal level. The author concludes about the perspectives of the evolution of transatlantic relations at the key directions.*

***Ключевые слова:** США, Европейский союз, Трамп, оборона, торговля, санкции.*

***Keywords:** USA, European Union, Trump, defense, trade, sanctions.*

Избрание Д. Трампа президентом США в ноябре 2016 г. стало шоком для ведущих политических сил стран-участниц и самого института ЕС. Вплоть до выборов большинство аналитиков по обе

стороны Атлантики определенно прогнозировали победу Х. Клинтон, которая предполагала бы высокую степень преемственности с курсом президента США с 2009 г. Барака Обамы. Политическому мейнстриму ЕС в целом импонировало как содержание политики Б. Обамы по многим вопросам, так и стиль его поведения. Д. Трамп как по существу, так и по внешним особенностям политики, наоборот, стал полной противоположностью Б. Обаме [Perkins, 2017]. Поскольку Д. Трамп был весьма необычным кандидатом, в том числе для поддержавшей его Республиканской партии, различия между сменившимися друг друга лидерами оказались более разительными, чем это предполагали расхождения между республиканцами и демократами сами по себе.

По многим вызывающим политические разногласия темам для Д. Трампа характерны резкие корректировки его собственной позиции. В ряде случаев об этих изменениях даже ближайшие сотрудники президента узнают из его кратких и эмоциональных сообщений в популярной социальной сети Твиттер (Twitter) [Rex Tillerson., 2018]. Зарубежным партнерам потребовалось время, чтобы привыкнуть к такому положению дел, однако и готовность в принципе к таким поворотам не облегчает планирования и практического взаимодействия с США.

Исследователи международных отношений традиционно обращали большое внимание на то, что политическое единство Запада сочетается с довольно глубокими расхождениями, которые необходимо учитывать как Евро-Атлантическому сообществу, так и его внешним партнерам [Войтоловский, 2007]. Специфика президентства Д. Трампа подсветила и обострила разногласия, затушевывая трансатлантическое сходство и родство. Тем не менее вопреки алармистским оценкам [Traub, 2018] Запад как политическая общность имеет высокие шансы пережить это необычное президентство, после которого политический маятник политики США вполне может качнуться в обратном направлении.

В настоящей статье рассмотрен ряд проблемных блоков, которые формируют поле разногласий между Соединенными Штатами Д. Трампа и ЕС, но одновременно подчеркивают общность озабоченностей, возникающих в связи с состоянием международ-

ной среды на двух берегах Атлантического океана. Поскольку ЕС далеко не всегда удается обеспечить полное единство внешнеполитических подходов стран-участниц, внимание обращается и на расхождения внутри Европейского союза.

Доктринальные установки

Стратегии, принимаемые на уровне государств и международных организаций, часто начинают быстро устаревать вскоре после принятия под влиянием непредвиденных внешних обстоятельств. Тем не менее такие документы позволяют отследить официально утвержденное видение изменений международной среды и желаемого будущего.

Для ЕС основополагающим внешнеполитическим документом остается Глобальная стратегия [A Global Strategy., 2016], одобренная в июне 2016 г., еще до победы Д. Трампа на президентских выборах, и привлекающая заметное внимание со стороны исследователей [см.: Глобальная стратегия., 2017]. Отдельный подраздел стратегии посвящен «более сплоченной Атлантике». Отмечается особая роль НАТО как основы системы евро-атлантической безопасности, значимость соглашения о Трансатлантическом партнерстве в сфере торговли и инвестиций (ТТП), важность взаимодействия с США и Канадой по вопросам урегулирования кризисов, борьбы с терроризмом, киберпространства, миграции, энергетики и изменения климата. Фактически по всем этим темам политика Д. Трампа существенно осложнила поиск взаимопонимания с ЕС, а то и вовсе сделала его временно бесперспективным.

В июне 2017 г., когда резкие изменения в политике США уже стали очевидны, команда Верховного представителя ЕС по иностранным делам Ф. Могерини представила доклад по результатам первого года реализации Глобальной стратегии. Соединенным Штатам в докладе посвящено одно предложение во введении: «Новая американская администрация реформирует роль Америки на международной арене» [Implementing the EU., 2017]. Отмечены успехи по укреплению взаимодействия ЕС и НАТО – решения в этом направлении были приняты еще в декабре 2016 г.

В Соединенных Штатах, в свою очередь, в декабре 2017 г. была представлена новая Стратегия национальной безопасности (СНБ) [National Security.., 2017], в которой, по мнению многих экспертов [Boot, 2017], нашли отражение не столько политические приоритеты самого Д. Трампа, сколько более взвешенный и традиционный для Республиканской партии подход команды советника по национальной безопасности Г. Макмастера, остававшегося на своей должности до апреля 2018 г., когда его сменил известный своими резко консервативными взглядами Дж. Болтон. В СНБ США включен раздел, посвященный Европе, в котором подчеркивается общность ценностей и важность совместного противодействия угрозам, в первую очередь посредством механизмов НАТО, для успешности которых европейские союзники должны увеличить оборонные расходы. ЕС в 55-страничном документе упомянут дважды: один раз через запятую с НАТО как объект, воспринимаемый Россией в качестве угрозы [National Security.., 2017, р. 25], и второй – в описании экономических намерений США в Европе – как один из акторов наряду с выходящей из Союза Великобританией и другими странами, с которыми Соединенные Штаты будут работать в целях обеспечения честных и равноправных торговых практик и устранения барьеров для роста [National Security.., 2017, р. 28].

Фактически на доктринальном уровне ЕС пока избежал прямого упоминания разногласий с США, а Соединенные Штаты ограничились намеком на острые вопросы – обязательства в рамках НАТО и торговлю, подчеркивая при этом значимость трансатлантического единства перед лицом недружественного поведения России и Китая.

Для ЕС само видение международных отношений как арены столкновения великих держав является предметом для растущего беспокойства. Действовать солидарно в кризисных ситуациях у Евросоюза получается не всегда. Еще большей проблемой остаются скорость реакции и конфиденциальность подготовки решений – и то и другое сложно обеспечить при необходимости согласовать позиции 28 государств – членов объединения. Рабочей гипотезой стратегов ЕС оказывается предположение, что в этом беспокойном

мире у стран-участниц возникает больше стимулов для сплочения, а важнейшей задачей становится недопущение размывания основополагающих принципов ЕС [Geopolitical Outlook., 2018]. Однако на практике международная турбулентность не останавливается у границ ЕС, а сплочение как реакция на проблемы принимается далеко не всеми государствами-членами.

Вопросы обороны

НАТО стала объектом критики со стороны Д. Трампа еще в период предвыборной кампании, как объект неоправданных расходов, которые должны быть более справедливо распределены между союзниками [A guide to., 2017]. Вскоре после избрания президент сделал успокаивающие заявления, признавая, что НАТО удастся адаптироваться к вызовам времени [Trump on NATO., 2017]. В мае 2017 г. в Брюсселе президент принял участие в саммите Альянса, который сосредоточился на беспокоивших его вопросах распределения расходов и участия союзников в борьбе с терроризмом [NATO leaders., 2017].

Д. Трамп не стал препятствовать практической реализации согласованного в июле 2016 г. на Варшавском саммите НАТО развертывания сил Альянса в странах Балтии и Польше [NATO declares., 2017]. Президент, а также вице-президент М. Пенс приняли ряд символических шагов, чтобы заверить в своей поддержке страны – участницы блока, наиболее критически настроенные в отношении России. Наиболее заметной из этих мер стало выступление Д. Трампа в дни саммита в Варшаве, в котором он лишь однажды упомянул Россию в связи с ее «дестабилизирующими действиями в Украине и других местах», но похвалил Польшу за высокий уровень оборонных расходов [Remarks by President., 2017]. На последовавшее в мае 2018 г. предложение Польши разместить на своей территории постоянную базу США, что нарушало бы Основополагающий акт Россия–НАТО, немедленной официальной реакции Белого дома не последовало, хотя движение в этом направлении, в том числе под влиянием антироссийской позиции Конгресса США, нельзя исключить [Judson, 2018].

Во многих странах – участницах НАТО наметился рост оборонных расходов, но заявленного показателя в 2% ВВП в Европе достигают лишь Великобритания, Эстония, Греция и Польша [NATO Members., 2018]. Было бы опрометчиво связывать эту тенденцию именно с требованиями Д. Трампа. Вопрос о недостаточном вкладе европейских союзников в дела Альянса поднимался регулярно на протяжении многих лет. Один из заметных всплесков обсуждения этого вопроса был связан с высказываниями министра обороны США Р.Гейтса, прозвучавшими еще в 2011 г. [Remarks by Secretary., 2011]. В ряде государств-членов готовность к движению в направлении увеличения расходов сформировалась на фоне острой фазы конфликта в Украине в 2014–2015 гг. При этом цель в 2% ВВП для крупных экономик зачастую по-прежнему рассматривается как нерациональная – так, Германия предполагает достичь лишь уровня в 1,5% к 2025 г. [Germany aims., 2018].

В первые полтора года президентства Д. Трампа, действия которого существенно ограничивались позицией Конгресса и многочисленными скандалами, корректировал не столько политику в отношении НАТО, сколько риторику. В значительной степени Альянс продолжил инерционное движение по колее, определенной еще в 2016 г. Однако опасения в связи с Д. Трампом как «разрушителем» сложившихся договоренностей и институтов не сняты полностью. Возможность продемонстрировать преувеличенный или, наоборот, оправданный характер этих опасений была у президента США на саммите НАТО в Брюсселе в июле 2018 г.

Со стороны ведущих стран Европы корректировку подходов к оборонным вопросам определили не столько какие-либо решения, принятые Соединенными Штатами непосредственно в рамках НАТО или характер текущего взаимодействия с союзниками по Альянсу, сколько общее впечатление о меняющемся характере политики Белого дома. В значительной степени на это повлиял и выход из ЕС Великобритании. Королевство – одно из крупнейших и наиболее серьезных с точки зрения военного потенциала стран, одновременно являлось одной из опор оборонной составляющей ЕС и сдерживавшей своей евроскептической позицией поступательное развитие оборонных механизмов объединения.

Канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Э. Макрон сделали ряд заявлений о том, что ЕС должен в большей степени полагаться на себя, в том числе в вопросах обороны [Merkel: Europe can., 2018]. В долгосрочной перспективе достижению этой цели должен содействовать формат Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO) [Permanent Structured., 2018]. Эта опция была зафиксирована еще в подписанном в декабре 2007 г. Лиссабонским договоре, являющемся правовой основой ЕС, и впервые использована в декабре 2017 г., когда соответствующую договоренность поддержали 25 из 27 остающихся в ЕС после Брекзита стран (Дания и Мальта воздержались от участия). Проекты PESCO предполагают интенсификацию совместных учений и совместную работу над различными оборонными системами. Соединенные Штаты восприняли инициативу с некоторой настороженностью, указывая на риски нерационального использования ресурсов, которые могли бы пригодиться в рамках НАТО [US fears closer., 2018]. Понятно, что в случае успешного наращивания потенциала оборонной промышленности ЕС конкуренция для военно-промышленного комплекса США в отдельных областях может возрасти, по меньшей мере непосредственно на рынках государств – членов объединения. Однако даже потенциальная результативность PESCO сама по себе скорее не приведет к кардинальному изменению картины евро-атлантической безопасности. Целый ряд стран, согласившихся на участие в PESCO, существенно больше озабочены сохранением дееспособности НАТО и наращиванием двустороннего сотрудничества с США, чем успехом этого проекта ЕС.

В конце XX – XXI в. европейские государства – члены Альянса активно использовали свои вооруженные силы для решения проблем в странах, расположенных за пределами зоны ответственности блока. Однако это были небоевые миссии, широкие по спектру выполняемых задач (от миротворческих до тренировочных). В этой связи странам – участницам ЕС оказывается непросто даже предположить возможность не миротворческой миссии, а масштабной военной акции по типу кампаний США в Афганистане и особенно в Ираке, на которые ЕС пошел бы без взаимодействия с

Соединенными Штатами Америки и тем более вопреки позиции последних. Оборонные механизмы в Европейском союзе формируются скорее впрок, чем для насущных нужд. В случае если администрация США выступит с инициативой некоей военной операции и попросит страны НАТО о поддержке, вполне вероятно, что с участием европейцев можно будет сформировать «коалицию желающих», как это сделал Дж. Буш-мл. в 2003 г. для войны в Ираке, и неоднозначное отношение лично к президенту Д. Трампу не стало бы препятствием.

«Российская дилемма»

Политика в отношении Советского Союза, а затем России, всегда входила в число приоритетных тем для обсуждения между союзниками по НАТО и их партнерами. С 2014 г. украинский кризис дополнительно обострил это обсуждение. Входящие в западные союзы страны смогли быстро сформировать и реализовать согласованную, хотя и не во всем идентичную, политику давления на Россию, в первую очередь посредством санкций. Сторонники принятого курса опасались, что Д. Трамп, придя к власти, облегчит или вовсе разрушит санкционный режим. Эти соображения, по-видимому, не были беспочвенными. Как в период предвыборной кампании, так и после избрания, когда в США стали обсуждаться дополнительные меры против России в связи с приписываемым ей вмешательством в президентские выборы 2016 г., Д. Трамп давал понять, что не считает санкции удачным инструментом и намерен восстановить отношения с Россией [Donald Trump., 2016].

Однако, каковы бы ни были первоначальные намерения нового президента, последующее развитие санкционной политики определил резко антироссийски настроенный Конгресс. Кульминацией усилий конгрессменов летом 2017 г. стал Акт о противодействии противникам Америки посредством санкций (CAATS) [Countering America's., 2017], сформировавший каркас для дальнейшего давления на Россию, Иран и Северную Корею. Хотя принятые ранее санкции ЕС к тому моменту оставались предметом консенсуса, дальнейшее и, что важно, одностороннее усиление

давления со стороны США не вызвали однозначной поддержки европейских союзников. Ввиду экстерриториального характера принимаемых США санкционных мер эта озабоченность принимает вполне материальное измерение – европейские компании, работающие с США или использующие в транзакциях американскую валюту, вынуждены подчиняться решениям, к которым ни правительства их стран, ни ЕС не имели отношения.

В закон СААТС включен ряд отсылок к трансатлантическим отношениям. В части закона, посвященной «противодействию российскому влиянию в Европе и Евразии», ЕС, НАТО и отдельные страны Европы упоминаются как партнеры, в контакте с которыми следует организовать такое противодействие (СААТС, Sec. 252 (7-9)). Противодействие российскому влиянию поддерживает специальный фонд, размеры которого Конгресс определил в 250 млн долл. Средства из него направляются на защиту от кибератак, коррупции и т.п. уязвимых стран-участниц и государств – кандидатов НАТО и ЕС (СААТС, Sec. 254). Как отдельный подпункт в законе выделена «поддержка усилий стран Европы и Евразии по уменьшению их зависимости от российских источников энергии», а как политика США, в частности, закреплено «продолжение противодействия трубопроводу Северный поток-2» (СААТС, Sec. 257 (a (9), c)) [Countering America's..., 2017].

В определенной степени жесткая позиция Конгресса стала как раз реакцией на противоположные намерения Д. Трампа в отношении России, с которыми конгрессмены в подавляющем большинстве были резко не согласны. Через систему исполнительных органов у президента остаются некоторые возможности варьировать интенсивность использования сформированных Конгрессом инструментов, но считаться с заданным направлением политики как исполнительной власти США, так и зарубежным партнерам придется на протяжении длительного времени.

Позиция Конгресса Соединенных Штатов в высокой степени отражает озабоченности и приоритеты нескольких европейских государств – в первую очередь стран Балтии и Польши. С другой стороны, Германия и Австрия, в наибольшей степени заинтересованные в развитии энергетического сотрудничества с Россией, еще

в процессе подготовки САATS заявили о своем несогласии с формируемым курсом Белого дома, в частности потому, что энергоснабжение Европы «забота Европы, а не США» [Foreign Minister., 2017]. В целом позиции противников санкционного давления на Россию в ЕС постепенно усиливаются. Даже беспрецедентная скоординированная высылка странами Запада более 120 российских дипломатов [Western allies., 2018] в связи с подозрением в причастности России к использованию отравляющего вещества на территории Великобритании не переломила эту тенденцию. Сформированное к июню 2018 г. партиями «Пять звезд» и «Лига» после длительных переговоров итальянское правительство во главе с Дж. Конте стало первым из крупных стран ЕС, выступивших с таких позиций [Italy breaks., 2018]. Дискуссия о санкциях развивается на фоне хорошо известного различия в состоянии экономических отношений между США и Россией, как незначительными друг для друга торговыми партнерами, с одной стороны, и ЕС и Россией, как существенными, а на некоторых направлениях ключевыми партнерами – с другой. Иными словами, санкции и иное противодействие США России в сфере экономики, в первую очередь, затронут именно европейских союзников Америки, причем это воздействие сохранится и в том случае, если страны – участницы ЕС в какой-то момент откажутся от собственных санкционных ограничений.

Д. Трамп может попытаться вернуть себе инициативу в вопросах политики в отношении России, но ввиду позиции Конгресса такие шаги вряд ли помогут преодолеть сложившиеся противоречия. Намерения главы Белого дома предпринимать действия, расходящиеся с представлениями политического мейнстрима США, могут блокировать не только конгрессмены, но и его ближайшее окружение, однажды уже проигнорировавшее президентское желание пригласить В.В. Путина в Белый дом [After forging., 2018].

Парадоксальным образом подчеркнутая мягкость президента Соединенных Штатов Америки в его высказываниях о России сближает его с теми европейскими странами, где Д. Трампа недолюбливают и опасаются, и отдаляет от тех, для которых США ос-

таются важнейшим союзником при любом лидере. Однако ввиду существующих в политической системе США сдержек и противовесов, а также специфики принятого в Соединенных Штатах санкционного инструментария, относительно слабые экономически и политически ключевые критики России в Европе и раздираемый межпартийными противоречиями по многим вопросам, но не по вопросу РФ Конгресс, во многом определяют будущую политику, а Д. Трампу и европейским грандам останется в меру сил минимизировать ущерб, наносимый ее последствиями.

Торговое противостояние

На некоторых направлениях политики, как это показано выше, Д. Трамп, по крайней мере в первые полтора года своего президентства, не смог завладеть политической инициативой, но там, где у него сохраняются возможности действовать, он реализует программу своих предвыборных обещаний, в том числе весьма спорных. Это в первую очередь касается торговой политики. С ее корректировкой многие избиратели Трампа связывают надежды на улучшение экономического положения промышленности США, в том числе за счет уменьшения преимуществ, которыми, по мнению американского президента, пользуются европейские партнеры.

Притом что трансатлантические экономические отношения были и остаются чрезвычайно интенсивными, это не избавляло их от противоречий и до начала президентства Д. Трампа. Переговоры о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) вызывали протесты в ряде стран ЕС, в первую очередь со стороны профсоюзного движения. По мнению некоторых наблюдателей, напряжение между противниками и сторонниками переговоров внутри Европейского союза достигло такого уровня, что во многих столицах даже обрадовались возможности их прервать ввиду соответствующего решения Д. Трампа, принятого в начале его президентства [Dullien, 2017]. Последующая попытка администрации США использовать формат переговоров о ТТИП для решения интересующих ее торговых вопросов закончилась неудачей [Trump Is Willing., 2018]

Перспектива соглашения о свободной торговле с точки зрения ЕС прочно увязана с реализацией государством – партнером Парижского соглашения по климату (2016) [EU Tells Trump., 2018]. В июне 2017 г. Д. Трамп объявил о выходе Соединенных Штатов из соглашения [Paris Agreement., 2017]. В свойственной ему манере глава Белого дома позднее уточнил, что США могли бы вернуться в соглашение, если бы им удалось согласовать «совершенно другую сделку», поскольку существующее соглашение является «ужасной сделкой» [Donald Trump says., 2018]. В соответствии с правилами Парижского соглашения выход может произойти только через четыре года после вступления документа в силу, т.е. в ноябре 2020 г., после президентских выборов в США, но до инаугурации вновь избранного главы государства. При этом ряд штатов (16 по состоянию на май 2018 г.) решениями своих правительств объявили о продолжении соблюдения соглашения в случае выхода из него США и сформировали «Климатический альянс Соединенных Штатов Америки» для координации действий. Для ЕС Парижское соглашение – это часть гарантий того, что в условиях свободной торговли партнеры не будут получать преимущества за счет более низких экологических стандартов. Таким образом, хотя формально перспектива переговоров о трансатлантической свободной торговле не была закрыта Д. Трампом, фактически США и ЕС, вероятно, не смогут даже начать движение в этом направлении как минимум до 2021 г.

Д. Трамп рассчитывает, что на торговые соглашения, которые представляются ему выгодными, партнеров подтолкнет жесткая торговая политика США. В марте 2018 г. он объявил о введении 25%-ных пошлин на импорт стали и 10%-ных – на импорт алюминия, не сделав исключений для союзников [Trump announces., 2018]. В отношении стран ЕС, Канады и Мексики решения вступили в силу в июне 2018 г. Эти меры могут оказаться лишь первыми зримыми признаками все более протекционистского курса США при Д. Трампе.

Европейский союз болезненно отреагировал на введенные Соединенными Штатами ограничения. Торговая политика относится к компетенциям, полностью переданным в ЕС на наднацио-

нальный уровень. Соответственно, Европейская комиссия должна выработать политику, которая обеспечила бы объединению возможности не просто нести потери, но активно вести торговую войну. Заявления комиссара ЕС по торговле шведки по национальности С. Мальмстрём предполагают именно такую линию поведения. ЕС объявил о предстоящем введении ответных мер в отношении продукции США – от арахисового масла до мотоциклов – и о планах по согласованию политики с другими пострадавшими, в первую очередь Канадой, Мексикой, Японией и Индией [EU trade., 2018]. В объединении уверены, что тарифы США нарушают правила Всемирной торговой организации (ВТО) и будут использовать ее арбитражные механизмы для урегулирования спора [EU opens., 2018]. Следующей целью Д. Трампа могут стать популярные германские производители автомобилей [As Trump., 2018]. В целом именно ФРГ, обладающая ведущей экономикой в ЕС, оказывается наиболее частым адресатом комментариев американского президента относительно неоправданных преимуществ, получаемых партнерами за счет США [Trump slams., 2017].

Притом что по обе стороны Атлантики звучат заявления о вынужденном характере принимаемых мер, в конечном счете обмен ударами будет наносить ущерб мировой торговле в целом. Характер и график введения будущих тарифных ограничений сложно предсказать, что повышает неуверенность бизнеса, приводит к падению стоимости крупных компаний на биржах. Логика протекционизма может легко распространиться по миру, а механизмы ВТО окажутся слишком медлительными для глобальной торговой войны. Сам Д. Трамп не пытается избегать драматических формулировок: «Торговые войны – это хорошо, их легко выиграть» [Trump doubles., 2018]

Судьба соглашения по Ирану

Заклученный в июле 2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе, предполагающий ее ограничение мирными целями и тщательный международный мониторинг в обмен на отмену ключевых санкций, считался выдающимся дипломатическим достижением, обеспе-

ченным совместными усилиями государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН, а также ЕС. Для объединения здесь важно не только решение конкретно иранского вопроса, но и принципиальное доказательство перспективности урегулирования международных споров через сложные переговоры, а не военные акции. Д. Трамп в мае 2018 г. объявил о выходе США из соглашения с последующим восстановлением и ужесточением санкций против этой страны с августа 2018 г. [Remarks by President., 2018]. Помимо угрозы «развала» соглашения, в котором другие партнеры по переговорам, включая Иран, пока выразили намерение остаться, ЕС, как и в случае санкций в отношении России, обеспокоен экстерриториальным характером принимаемых мер. Именно компании из Европейского союза принялись с энтузиазмом осваивать иранский рынок после согласованной в рамках СВПД отмены санкций. Товарооборот между ЕС и Ираном за два года (2016–2017) вырос более чем в 2,5 раза [McCarthy, 2018]. Большинство крупных компаний тем не менее выбор между работой с США и работой с Ираном будет сделан в пользу США. Возможны и исключения: так, французская «Рено» (Renault) – производитель, в первую очередь, автомобилей экономического класса, популярных в небогатых странах, объявила о намерении остаться в Иране, несмотря на санкции [Renault to remain., 2018].

Евросоюз прорабатывает меры, которые позволили бы, по крайней мере малому и среднему бизнесу из ЕС, продолжить работать с Ираном, получая из фондов объединения компенсацию за наносимый санкциями США ущерб [European allies., 2018]. Это важно не только и, возможно, не столько с точки зрения сохранения и увеличения доходов производителей из ЕС, сколько в плане сохранения для Ирана стимула продолжить участвовать в соглашении.

Намерения администрации Д. Трампа в отношении соглашения, а также в отношении Ирана, не до конца ясны. Не участвуя в СВПД, Соединенные Штаты могут тем не менее прямо или косвенно помочь ЕС сохранить соглашение или же активно содействовать его окончательному «развалу». Советник Д. Трампа по национальной безопасности Дж. Болтон, известный своими жесткими

высказываниями по Ирану, включая призывы к нанесению авиаударов и смене режима в Тегеране, уверяет, что его слова по этому поводу, произносившиеся до его вступления в нынешнюю должность, не являются политикой действующей администрации Соединенных Штатов Америки [Bolton: 'Regime change'., 2018]. Тем не менее сам факт назначения Дж. Болтона в апреле 2018 г. на ключевую позицию может оцениваться как предзнаменование будущего ужесточения политики.

ЕС официально сохраняет единую позицию по иранскому соглашению, но вслед за решением США появились признаки возможного раскола, который активная политика Д. Трампа при желании сможет усугубить. Так, о необходимости большей «эмпатии» в отношении позиции Белого дома в отношении Ирана заговорило правительство Польши [Poland says., 2018].

Стилистические разногласия

Многие элементы политики Д. Трампа воспринимались бы существенно более обыденно, если бы их не усугубляли необычная риторика и поведение 45-го президента США. Он изъясняется нарочито простым языком, просто и даже примитивно объясняет для своих избирателей сложные международные проблемы и предлагает решения в соответствии с этой простой логикой. Он с недоверием относится к многосторонним соглашениям и международным организациям, а значение этих механизмов является основой основ европейского интеграционного процесса. На встречах с зарубежными коллегами Д. Трамп часто выглядит излишне заносчивым, эгоистичным, грубым – качества, которые даже с тактической точки зрения неудачны для переговорщика. В то же время он как раз ориентируется на достижение по разным вопросам политики сделок, подобных известным ему из мира бизнеса. Международные связи США он пытается измерить в денежном выражении и приходит к выводу, что многие традиционные партнерства не приносят его стране достаточной выгоды. Грубость и несговорчивость Трампа быстро превратились в феномен, живущий самостоятельной жизнью, вне зависимости от реальных успехов и неудач его политики [Donald Trump blames., 2018]. Со вре-

менем, в значительной степени под влиянием острейшей критики в СМИ США, Д. Трамп несколько адаптировался к принятым в международном общении стандартам, хотя и не пытается ломать сложившихся стереотипов, которые, вероятно, импонируют части его избирателей.

Вряд ли правильно делать на основании поведения президента США выводы о различиях между европейской и американской политической культурой. В Европе тоже заметен растущий запрос на популистов, способных простым языком говорить с широкими народными массами. Этот тренд не следует автоматически экстраполировать в будущее. Оказываясь у власти, популисты, как и политики других типов, начинают расходовать свой политический капитал – многие принимаемые решения оказываются безрезультатными или вредными, обещания не исполняются, реакция на те или иные события оказывается неудачной. Нельзя исключать, что в какой-то другой момент времени уже умеренному и рациональному президенту США придется иметь дело с резким популистом из той или иной крупной европейской страны. На уровне органов Евросоюза в силу потребности в консенсусных решениях крайности сглаживаются, но сам ЕС оказывается под ударом популистов в государствах-членах. Им, как и Д. Трампу, удобно обращать недовольство избирателей на сложные международные договоренности как корень бед. Такое совпадение повесток не является тайной для администрации Д. Трампа, о чем свидетельствуют высказывания назначенного в мае 2018 г. послом США в Германии Р. Гренелла, интерпретировавшего процессы в Европе, как пробуждение возглавленного Д. Трампом «молчаливого большинства – тех, кто отвергает элиты и пузырь, в котором они живут» [U.S. ambassador., 2018]. Этот комментарий нового посла наряду с его же сообщением в Твиттер с указанием германским компаниям немедленно покинуть Иран были встречены в ФРГ ожидаемой волной возмущения, не предвещающей успокоения трансатлантических отношений в ближайшие годы.

Д. Трамп выиграл выборы под протекционистскими лозунгами и начинает воплощать их в жизнь. Именно на этом направ-

лении наиболее вероятен рост противоречий со странами ЕС, который постепенно может привести к деградации традиционных партнерских отношений в других областях. Обеспечение обороноспособности посредством механизмов НАТО оказывается здесь наиболее консервативной сферой, – несмотря на некоторые разногласия, ни США, ни их европейские союзники не обладают достаточным желанием и возможностями, чтобы отказаться от сложившейся архитектуры Альянса.

Необычное президентство Д. Трампа может уйти в историю уже в начале 2021 г. или даже раньше, но некоторые решения, принимаемые как им самим, так и его влиятельными противниками в политической системе США, могут оказаться весьма устойчивыми. Санкционные режимы и протекционистские барьеры значительно легче ввести, чем отменить. Закрытие рынков и искажение конкуренции оказывается на руку группам интересов, которые могут поддержать сохранение принятых мер в будущем. Вряд ли Трампу удастся полностью разрушить многомерные трансатлантические связи, к чему он, по-видимому, и не стремится, но компенсировать объективно наносимый ущерб и вернуться к повестке свободной торговли стороны смогут далеко не сразу после появления в Белом доме другого лидера.

Список литературы

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. – М.: Крафт+, 2007. – 454 с.

Глобальная стратегия безопасности ЕС 2016: Аналитический доклад / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева; РАН. ИМЭМО. – М., 2017. – 33 с.

After forging new ties with North Korea, Trump administration turns to Russia // Washington Post. – 2018. – 15.06. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/after-forging-new-ties-with-north-korea-trump-administration-turns-to-russia/2018/06/15/8f559209-c51f-4821-987b-76925472dec3_story.html (Date of access – 15.06.2018).

As Trump Seeks Ban on German Luxury Cars Such as Mercedes-Benz, the 'Big Three' Shed \$20.2 Billion // Fortune [site]. – 2018. – 31.05. – Mode of

access: <http://fortune.com/2018/05/31/donald-trump-mercedes-benz-german-luxury-tariffs-daimler/> (Date of access – 06.06.2018).

Bolton: 'Regime change' in Iran not policy of Trump administration // Reuters. – 2018. – 13.05. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-bolton/bolton-regime-change-in-iran-not-policy-of-trump-administration-idUSKCN1IE0VH> (Date of access – 08.06.2018).

Boot M. Trump Security Strategy a Study in Contrasts // Council on Foreign Relations [site]. – 2017. – 18.12. – Mode of access: <https://www.cfr.org/expert-brief/trump-security-strategy-study-contrasts> (Date of access – 10.05.2018).

Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, 2 August 2017 // US Department of Treasury [site]. – Mode of access: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Pages/caatsa.aspx> (Date of access – 15.05.2018).

Donald Trump dismisses US sanctions threat to Russia // BBC. – 2016. – 29.12. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-38460286> (Date of access – 15.05.2018).

Donald Trump blames 'fake news' for photos suggesting disagreement at G7 meeting // The Telegraph. – 2018. – 16.06. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/06/15/donald-trump-blames-fake-news-photos-suggested-disagreement/> (Date of access – 12.05.2018).

Donald Trump says US could re-enter Paris climate deal // The Guardian. – 2018. – 29.01. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/28/donald-trump-says-us-could-re-enter-paris-climate-deal-it-v-interview> (Date of access – 18.05.2018).

Dullien S. Trump's poisoned TTIP chalice // European Council on Foreign Relations [site]. – 2017. – 28.04. – Mode of access: https://www.ecfr.eu/article/commentary_trumps_poisoned_ttip_chalice (Date of access – 17.05.2018).

EU opens WTO case against Trump's steel and aluminium tariffs // The Guardian. – 2018. – 01.06. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/business/2018/jun/01/eu-starts-retaliation-against-donald-trumps-steel-and-aluminium-tariffs> (Date of access – 06.06.2018).

European allies struggle to curb impact of US sanctions // Deutsche Welle. – 2018. – 18.05. – Mode of access: <http://www.dw.com/en/european-allies-struggle-to-curb-impact-of-us-sanctions/a-43838300> (Date of access – 07.06.2018).

EU Tells Trump: No Paris Climate Deal, No Free Trade // Forbes [site]. – 2018. – 08.02. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/davekeating/>

2018/02/08/eu-tells-trump-no-paris-climate-deal-no-free-trade/ (Date of access – 18.05.2018).

EU trade chief marshals leading world economies against Trump // Politico [site]. – 2018. – 05.06. – Mode of access: <https://www.politico.eu/article/eu-trade-chief-marshals-leading-world-economies-against-trump/> (Date of access – 06.06.2018).

Foreign Minister Gabriel and Austrian Federal Chancellor Kern on the imposition of Russia sanctions by the US Senate // Auswärtiges Amt [site]. – 2017. – 15.06. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/170615-kern-russland/290666> (Date of access – 15.05.2018).

Geopolitical Outlook for Europe: Confrontation vs Cooperation // European Political Strategy Centre. – 2018. – 08.06. – Mode of access: https://ec.europa.eu/epsc/sites/epsc/files/epsc_brief_geopolitical.pdf (Date of access – 09.06.2018).

Germany aims to spend 1.5 percent of GDP on defense by 2025: minister // Reuters. – 2018. – 14.05. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-germany-military-nato/germany-aims-to-spend-15-percent-of-gdp-on-defense-by-2025-minister-idUSKCN1IF22U> (Date of access – 11.05.2018).

A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. – Brussel, 2016. – 53 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web_0.pdf (Date of access – 15.05.2018).

A guide to Trump's past comments about NATO // CBS NEWS. – 2017. – 12.04. – Mode of access: <https://www.cbsnews.com/news/trump-nato-past-comments/> (Date of access – 11.05.2018).

Implementing the EU Global Strategy. Year 1.: Report // European Commission [site]. – 2017. – 19.06. – Mode of access: https://europa.eu/globalstrategy/en/implementing-eu-global-strategy-year-1_ (Date of access – 15.05.2018).

Italy breaks with European allies and voices support for Russia after populist party takes power // The Independent. – 2018. – 06.06. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/italy-prime-minister-giuseppe-conte-russia-sanctions-end-populist-five-star-vladimir-putin-crima-a8385626.html> (Date of access – 06.06.2018).

Judson J. Does a permanent base in Poland make sense? // Defense News. – 2018. – 29.05. – Mode of access: <https://www.defensenews.com/land/2018/05/29/talk-on-setting-up-permanent-base-in-poland-heats-up-but-does-it-make-sense/> (Date of access – 01.06.2018).

McCarthy N. Why The EU Has The Most To Lose If The Iran Deal Collapses // Forbes [site]. – 2018. – 08.05. – Mode of access: <https://www.forbes.com>

bes.com/sites/niallmccarthy/2018/05/08/why-the-eu-has-the-most-to-lose-if-the-iran-deal-collapses-infographic/ (Date of access – 12.05.2018).

Merkel: Europe can no longer rely on US protection // The Hill [site]. – 2018. – 10.05. – Mode of access: <http://thehill.com/homenews/administration/387067-merkel-europe-cant-count-on-us-to-protect-us-anymore> (Date of access – 11.05.2018).

National Security Strategy of the United States of America. – Washington, 2017. – 42 p. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (Date of access – 15.05.2018).

NATO declares enhanced Forward Presence battlegroups fully operational // IHS Jane's Defence Weekly [site]. – 2017. – 31.08. – Mode of access: <http://www.janes.com/article/73463/nato-declares-enhanced-forward-presence-battlegroups-fully-operational> (Date of access – 11.05.2018).

NATO leaders agree to do more to fight terrorism and ensure fairer burden sharing // NATO [site]. – 2017. – 26.05. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_144154.htm (Date of access – 11.05.2018).

NATO Members Post New Defense-Spending Increase // Bloomberg [site]. – 2018. – 15.03. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-15/nato-members-post-new-defense-spending-rise-amid-trump-pressure> (Date of access – 1.06.2018).

Paris Agreement on climate change: US withdraws as Trump calls it 'unfair' // Fox News. – 2017. – 01.06. – Mode of access: <http://www.foxnews.com/politics/2017/06/01/trump-u-s-to-withdraw-from-paris-climate-pact-calls-it-unfair-for-america.html> (Date of access – 12.05.2018).

Perkins A. Europe loved Obama. Trump's excesses remind us precisely why // The Guardian. – 2017. – 11.01. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/11/europe-loved-obama-trump-us-president-democracy> (Date of access – 08.05.2018).

Permanent Structured Cooperation (PESCO) – Factsheet. European External Action Service // EU [site]. – 2018. – 05.03. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/34226/permanent-structured-cooperation-pesco-factsheet_en (Date of access – 12.05.2018).

Poland says EU needs more 'empathy' toward U.S. over Iran deal / Reuters. – 2018. – 26.05. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-poland/poland-says-eu-needs-more-empathy-toward-u-s-over-iran-deal-idUSKCN1IR0KL> (Date of access – 06.06.2018).

Remarks by President Trump on the Joint Comprehensive Plan of Action // White House [site]. – 2018. – 08.05. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2018/05/08/remarks-president-jcpta>

whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-comprehensive-plan-action/ (Date of access – 12.05.2018).

Remarks by President Trump to the People of Poland // White House [site]. – 2017. – 06.07. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-people-poland/> (Date of access – 11.05.2018).

Remarks by Secretary Gates at the Security and Defense Agenda, Brussels, Belgium // U.S. Department of Defense [site]. – 2011. – 10.06. – Mode of access: <http://archive.defense.gov/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=4839> (Date of access – 12.05.2018).

Renault to remain in Iran despite risk of US sanctions, CEO says // France 24. – 2018. – 15.06. – Mode of access: <http://www.france24.com/en/20180615-french-automaker-renault-remain-iran-despite-risk-usa-sanctions-ceo-ghosn> (Date of access – 15.06.2018).

Rex Tillerson found out he was fired as secretary of State from President Donald Trump's tweet // CNBC [site]. – 2018. – 13.03. – Mode of access: <https://www.cnbc.com/2018/03/13/tillerson-learned-he-was-fired-from-trump-tweet.html> (Date of access – 08.05.2018).

Traub J. RIP the Trans-Atlantic Alliance, 1945–2018 // Foreign Policy [site]. – 2018. – 11.05. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2018/05/11/rip-the-trans-atlantic-alliance-1945-2018/> (Date of access – 11.05.2018).

Trump announces steel and aluminum tariffs Thursday over objections from advisers and Republicans // Washington Post. – 2018. – 01.03. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/business/wp/2018/03/01/white-house-planning-major-announcement-thursday-on-steel-and-aluminum-imports/> (Date of access – 18.05.2018).

Trump doubles down: «Trade wars are good, and easy to win» // CNBC [site]. – 2018. – 02.03. – Mode of access: <https://www.cnbc.com/2018/03/02/trump-trade-wars-are-good-and-easy-to-win.html> (Date of access – 06.06.2018).

Trump Is Willing to Reopen TTIP Amid EU-U.S. Trade Dispute, Ross Says // Bloomberg [site]. – 2018. – 29.03. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-29/trump-willing-to-reopen-ttip-amid-eu-u-s-trade-spat-ross-says> (Date of access – 12.05.2018).

Trump on NATO: «I said it was obsolete. It's no longer obsolete» // Washington Post. – 2017. – 12.04. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2017/04/12/trump-on-nato-i-said-it-was-obsolete-its-no-longer-obsolete/> (Date of access – 11.05.2018).

Trump slams Germany's US trade surplus as 'bad' // Deutsche Welle. – 2017. – 26.05. – Mode of access: <http://www.dw.com/en/trump-slams-germanys-us-trade-surplus-as-bad/a-38986975> (Date of access – 06.06.2018).

U.S. ambassador to Germany Richard Grenell suggests he wants to «empower» the right // Washington Post. – 2018. – 04.06. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/news/world/wp/2018/06/04/trumps-envoy-to-germany-wants-to-empower-conservatives-but-he-doesnt-appear-to-me-an-merkel/?noredirect=on&utm_term=.9cd9f6ba6625 (Date of access – 06.06.2018).

US fears closer EU defence ties could undermine NATO // PressTV. – 2018. – 14.02. – Mode of access: <https://www.presstv.com/DetailFr/2018/02/14/552380/NATO-EU-wheelberger-Jim-Mattis> (Date of access – 12.05.2018).

Western allies expel scores of Russian diplomats over Skripal attack // The Guardian. – 2018. – 27.03. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/mar/26/four-eu-states-set-to-expel-russian-diplomats-over-skripal-attack> (Date of access – 12.05.2018).

Ю.В. НИКУЛИЧЕВ, 2018 ©
NICKULICHEV YURIJ

**«ПРОБУЖДЕНИЕ СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ»:
ПРОГРАММА PESCO
МЕЖДУ АТЛАНТИЗМОМ И ЕВРОПЕИЗМОМ
«THE AWAKING OF THE SLEEPING BEAUTY»:
THE PESCO PROGRAM BETWEEN ATLANTISM
AND EUROPEANISM**

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс возникновения и эволюции инициативы PESCO. Исследуются основные направления деятельности данного механизма, перспективы и трудности их реализации. Выделяются сценарии будущего PESCO в зависимости от состояния евро-атлантических отношений. Делается вывод о роли и месте этой платформы в архитектуре безопасности Европейского союза.*

***Abstract.** The article addresses the process of emergence and evolution of the PESCO initiative. Analyzing the most pressing problems of the military cooperation between the EU members, the author describes the possible scenarios of PESCO's development in the years to come, focusing on the prospects of political and military relations between the European Union and the USA.*

***Ключевые слова:** PESCO, ЕС, военное сотрудничество, Германия, Франция, Трамп.*

***Keywords:** PESCO, the EU, military cooperation, Germany, France, Trump.*

Когда в декабре 2016 г. Совет ЕС принял решение об учреждении программы Постоянного структурированного сотрудниче-

ства по вопросам безопасности и обороны (Permanent Structured Cooperation – PESCO), нашлись наблюдатели, в том числе на Западе, которые поспешили поставить это в связь с теми внутриатлантическими противоречиями, которые принесла с собой администрация Д. Трампа. Конфликтное начало, присущее нынешним властям США, хорошо известно, но в отношении PESCO оно могло стать разве что катализатором – катализатором тех процессов, которые давно идут в общеевропейском военном строительстве. «Прямым текстом» PESCO было анонсировано еще в 2007 г. как отдельное положение Лиссабонского договора ЕС, ст. 42(6) которого устанавливала: «Государства-члены, которые отвечают более высоким критериям военных потенциалов и приняли на себя в этой сфере более жесткие обязательства с целью выполнения максимально сложных миссий, устанавливают постоянное структурированное сотрудничество в рамках Союза»¹ [Consolidated texts..., 2008]. Наконец, следует помнить, что PESCO складывалось в последние годы как часть определенного целого – глобальной стратегии Европейского союза в вопросах внешней и оборонной политики, объявленной еще в 2016 г., – программы принципиально долгосрочного характера и слишком обширной, чтобы усматривать в ней какую-либо прямую и непосредственную реакцию на эксцессы нынешней администрации США [Brattberg, 2018].

Другое дело, что, объявляя установку на «стратегическую независимость», европейские военно-политические инициативы последнего времени явно или неявно – это опять-таки легко прочитывается как в документах, так и в соответствующих аналитических работах – реагируют на *всю сумму* внутриатлантических противоречий, сегодня очевидных в ретроспективе чуть ли не с первых лет создания НАТО, но особенно с 1990-х годов. Возникает

¹ В русском переводе текста договора «структурированное» переведено как «организованное». На английском языке эта часть договора изложена следующим образом: «Those Member States whose military capabilities fulfil higher criteria and which have made more binding commitments to one another in this area with a view to the most demanding missions shall establish permanent structured cooperation within the Union framework [см.: Consolidated texts..., 2008].

центральный для всей этой темы вопрос: как PESCO концептуально соотносится с НАТО и в какие практические формы выльется это соотношение в будущем? Декларативно новые европейские внешнеполитические и военные инициативы вполне ожидаемо никак не противопоставлены ни НАТО, ни США как ее основному центру влияния. Однако контент-анализ документов сразу же показывает, что уже сегодня Североатлантический альянс воспринимается как нечто весьма и весьма «внешнее» по отношению к PESCO и выделяется в соответствующих дискуссиях и аналитике больше «отсутствием», чем «присутствием». Но это в риторике, лексике и подтексте: ниже рассмотрим возможные сценарии того, как эта проблема может развиваться в плоскости практической политики.

PESCO: эволюция идеи

В конце 2017 г. Евросоюз принял решение («уведомление» стран-участниц) об официальном запуске PESCO. На начало 2018 г. о своем участии в программе заявили 25 государств: это все страны бывшей «Европы-28» за исключением Дании, Мальты и Великобритании, осуществляющей Брекзит. 20 государств – участников программы состоят в НАТО; к ним добавились традиционно условно нейтральные Австрия, Финляндия, Ирландия и Швеция. Из государств – членов НАТО в PESCO не участвуют Албания, Исландия, Черногория, Норвегия, Турция, Канада и США¹.

К моменту объявления программы был наработан уже широкий круг идей (эксперты говорят примерно о 50 возможных проектах), вокруг которых могло бы строиться дальнейшее сотрудничество стран-участниц. По состоянию на весну 2018 г. сформировано 17 крупных проектов (см. приложение). Это, среди прочего, разработка сети логистических центров для поддержки

¹ Соответственно, государствами – участниками PESCO стали Австрия, Бельгия, Болгария, Чехия, Хорватия, Кипр, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Италия, Ирландия, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словения, Словакия, Испания и Швеция. – *Прим. авт.*

военных операций, унификация механизмов стратегического командования и контроля, стандартизация военного транспорта, создание специальной радиосистемы, обеспечивающей совместимость различных радиоплатформ, организация центра передового опыта для учебных подразделений вооруженных сил стран – участниц ЕС [Permanent Structured... projects, 2018].

Предусмотрен строгий контроль в отношении того, как участвующие государства будут исполнять взятые на себя обязательства: это будет ежегодная «оценка», осуществляемая службой Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности с ее руководителем (с 2014 г. – Ф. Могерини) и Европейским оборонным агентством¹. Для оценки чисто военных («операционных») аспектов исполняемых проектов предусмотрено участие других структур Европейского союза.

Предполагается, что для достижения поставленных целей страны-участницы будут наращивать свои военные расходы (до уровня не менее 2% от объема ВВП). При этом инвестиции в проекты оборонного значения должны держаться на уровне не менее 20% от общего уровня военных расходов, а в военно-технические НИОКР – на уровне 2% от того же общего уровня военных расходов. Наиболее приоритетной областью должны стать совместные проекты («проекты сотрудничества»), финансирование которых может осуществляться, среди прочего, через Европейский оборонный фонд². Государствам-членам при этом предлагается участвовать, как минимум, в одном из проектов PESCO, в будущем же они

¹ Европейское оборонное агентство – основанное в 2004 г. агентство Европейского союза, орган его внешней политики и политики безопасности, главными функциями которого являются развитие оборонного потенциала, содействие европейскому сотрудничеству в области вооружений, повышение конкурентоспособности европейского рынка военной техники и усиление эффективности европейских оборонных исследований и технологий. – *Прим. авт.*

² Европейский оборонный фонд – фонд, созданный в 2017 г. в целях координации и увеличения национальных инвестиций в оборонные НИОКР и механизмы по отработке совместимости между национальными армиями. – *Прим. авт.*

могут предлагать к рассмотрению любой новый проект, отвечающий целям «структурированного сотрудничества». Был образован секретариат программы с координирующими функциями. Декларирована «инклюзивная направленность» и транспарентность PESCO в отношениях с теми европейскими государствами, которые на сегодняшний день не присоединились к программе [Notification on permanent..., 2018].

Изначальной целью PESCO, как отмечают аналитики, было запустить процесс, который сообщил бы Европейскому союзу способность «*без содействия со стороны США*» справляться с кризисами, которые возникают за пределами ЕС, но так или иначе воздействуют на Союз [EU Defence..., 2018]. Более конкретно речь шла о таких проблемах, как сопровождавшийся вооруженными конфликтами процесс распада Югославии в 1990-е годы или более поздние очаги организованного насилия и нестабильности в Ливии (с 2011 г.), Сирии (с 2011 г.) и Мали (с 2012 г.). Предполагалось, что для этого необходима прогрессирующая интеграция, в конечном итоге ведущая к состоянию, понимаемому как общая оборона, «не дублирующая НАТО» [Permanent Structured... Policies, 2017, p. 7]. Если PESCO определить одним словом, пишет один из аналитиков, – это процесс. «Это институциональный процесс, инициированный авангардом ЕС, с тем чтобы Европейский союз приобрел «автономный военный потенциал», где последний – это нечто, находящееся в состоянии независимости от США [Idid., 2017, p. 8].

В публикациях отмечаются следующие особенности PESCO, отличающие проект от прежних оборонных инициатив, в разное время выдвигавшихся в Западной Европе.

В PESCO заложен *инкрементальный* (постепенно-пошаговый) подход к европейскому военному строительству. Программа, воплощая в себе идею тактики «малых шагов», популярной еще при начале организации европейских сообществ (1950-е годы), рассчитана на долгосрочный период, а не на немедленную реализацию.

Решения в рамках PESCO имеют *обязательную силу*: коль скоро государство присоединилось к «структурированному сотрудничеству», оно обязано следовать его декларированным

принципам, рекомендациям и решениям, принимаемым структурами управления программой.

Весь процесс *структурирован*: это ответ на вопрос, что значит «структурированное» в концепции и названии PESCO. Программа имеет в виду четкую организацию (структурирование) всего того, чем на сегодняшний день располагает европейское оборонное сообщество – финансы, вооружения, механизмы планирования, операционный потенциал. В таком подходе должны проявиться «пробелы в возможностях и потенциалах» (англ. Capability gaps), затем подлежащие заполнению мерами военного строительства. Для «структурированного сотрудничества» принципиальное значение имеет унификация вооружений. «До сих пор европейцы могли себе позволить 17 типов танков, 29 типов фрегатов и эсминцев и 20 типов боевых самолетов» [Permanent Structured... Policies, 2017].

Проекты PESCO планируют пересмотреть подобный подход» [PESCO и НАТО., 2017]. Согласно логике программы, принципиальное значение имеет улучшение транспортной инфраструктуры гражданского и двойного назначения – мостов, шоссе и железных дорог, взлетно-посадочных полос аэродромов и портов. «Изначально во время холодной войны операционный театр снабжения и транспортировки войск НАТО был достаточно ограничен – от крупных портов на побережье в Северной Франции, Бельгии, Голландии и в Германии в низовьях Рейна до территории за этой рекой. Ключевую роль как тогда, так и теперь играли морские коммуникации в Атлантике. Теперь коммуникации НАТО протягиваются далеко на восток – за Эльбу, до восточной границы Польши и Прибалтики включительно. Фактически речь идет об улучшении логистики и военных перевозок на территории всех новых государств – членов НАТО в Центральной и Восточной Европе на близких подступах к России. По-видимому, новые исходные центры военной логистики скоро разместятся в Германии и Польше» [PESCO и НАТО., 2017].

Дальняя цель всего этого – выйти за пределы «сотрудничества», как оно понималось прежде, к «подлинной интеграции», к «общей обороне» и в перспективе к построению «европейской ар-

мии». Как часто подчеркивается, для европейской обороны PESCO – это то, чем был Маастрихтский договор (1992) для еврозоны, т.е. своего рода «оборонная еврозона».

Наконец, программа в общем и целом ориентирована на страны, которые идут *в авангарде* европейских процессов, и в этом смысле PESCO ассоциируется с широко обсуждаемыми сегодня идеями «разноскоростной европейской интеграции», «концентрических кругов» и «ядра» Европы. Собственно, именно ориентация на государства, «которые отвечают более высоким критериям военных потенциалов», и была заложена в Лиссабонском договоре ЕС, впервые в развернутом виде деклариовавшем идею «структурированного сотрудничества» [Consolidated texts., 2008]. Предполагается, что «прогресс, достигнутый немногими, пойдет на пользу всем». Принцип «авангарда», однако, не исключает открытости программы в отношении менее развитых стран, хотя, как отмечают многие аналитики, ситуация изначально ставила перед организаторами «структурированного сотрудничества» сложную дилемму – понизить уровень требований, чтобы привлечь как можно больше стран-участниц, или повысить его и свести число государств-членов к небольшому компактному «ядру». Как вопрос «разделения труда и усилий» эта дилемма, конечно, сохранится и в будущем. Пока очевидно одно – PESCO будет (или не будет) выстроено только на одном фундаменте – на германо-французской оси военного сотрудничества: собственно, именно по этой линии и шла организация программы в последнее время. К «внутреннему кругу» PESCO также относят Италию и Испанию. Наблюдатели также отмечают сильную мотивацию к участию в ней со стороны Финляндии, Эстонии, Чехии, Словакии, Греции и менее выраженную – со стороны Бельгии, Люксембурга и Нидерландов (всего блока Бенилюкс), а также Швеции, Португалии, Румынии, Болгарии, Латвии, Литвы и Кипра; пока не до конца определенной остается позиция Польши.

Итак, в концепции PESCO присутствует два основных компонента, определяемых как «обязательства» и «проекты». Присоединяясь к программе, государства берут на себя четко определенные обязательства – увеличить свои военные расходы, привести

стратегически значимые элементы своих вооруженных сил в соответствие с определенными стандартами, участвовать в общих программах по модернизации (закупкам) военной техники, в частности под эгидой Европейского оборонного агентства. Одновременно страны-участницы должны участвовать как минимум в одном конкретном проекте.

По мнению аналитиков, PESCO принесла с собой радикальный разрыв с прежними концепциями и практиками военного строительства в ЕС. В каких именно отношениях? Со времен Маастрихтского договора и по положениям ряда последующих договоров (Амстердамского, Ниццкого, Лиссабонского) ответственность за коллективную безопасность Европейских сообществ возлагалась на Западноевропейский союз (ЗЕС), учрежденный еще в 1948 г. То была исторически первая попытка создать единые вооруженные силы Европы. Проблемой ЗЕС, однако, изначально стало то, что европейские члены НАТО долгое время именно с Альянсом и связывали свои представления об общей обороне. Но поскольку за пределами Североатлантического блока оставался целый ряд европейских государств, в объединенной Европе со временем осознали необходимость в чисто европейской политике безопасности: результатом стало то, что сегодня называется Общей политикой безопасности и обороны – концепция и институция, учрежденная Лиссабонским договором и целиком находящаяся под юрисдикцией ЕС. ЗЕС сделался «излишним», в 2011 г. его упразднили, а все функции передали новым европейским структурам. Но появился вопрос, как все эти изменения, собственно, соотносятся с НАТО? И следующий вопрос: как в плоскости военной политики и военного строительства объединить европейские страны с различающимися военными потенциалами и «уровнями притязаний»?

Что касается второго вопроса, если начать с него, то на различных форумах скоро установилось общее согласие в том, что европейская оборона отныне требует усиленного сотрудничества государств друг с другом, взаимодействия и особой гибкости как в принятии решений, так и собственно в акциях военного характера. Проект конституции ЕС (2004) впервые изложил идею «струк-

турированного сотрудничества» между государствами, обладающими «более развитым военным потенциалом», позволяющим им решать «задачи, требующие особого внимания» в военной сфере: позже это положение будет более развернуто воспроизведено в ст. 42.6 и 46 Лиссабонского договора [Consolidated texts., 2008].

Движение к осуществлению этих целей в ближайшие годы, однако, оказалось столь медленным, что за PESCO прочно закрепилось прозвание «спящей красавицы Лиссабонского договора». Поворотной точкой, возможно, стали украинские события 2014 г., объективно поставившие перед ЕС вопрос, как ему реагировать на события вблизи своих границ [Fiott, Missiroli, Tardy, 2018, p. 20]. Эксперты указывают и на другие факторы: «Террористические атаки в Европе, продолжающиеся конфликты в Сирии и Ливии (оба из которых обернулись миграционным кризисом 2015–2016 гг.), шок от референдума по Брекзиту в Великобритании и неожиданного избрания Д. Трампа президентом США – все эти факторы сошлись воедино, чтобы европейцы наконец-то прониклись серьезностью в отношении собственной безопасности – и собственной обороны тоже» [Idid., 2018, p. 20]. Наконец, резко обострились новые вызовы и угрозы – в первую очередь, проблемы киберпреступности, незаконного оборота оружия, организованной преступности – PESCO призвано реагировать и на них.

Итак, «спящая красавица» постепенно пробуждалась. В 2011 г. к «структурированному сотрудничеству» призвали Италия и Испания. С 2016 г. работа в этом направлении активизировалась в Европейском совете: последовал еще целый ряд инициатив. В июле 2017 г. тема была основательно проработана на встрече Франко-германского совета по безопасности и обороне, после чего Франция, Германия и Испания организовали специальную рабочую группу для потенциальных участников PESCO. Остальное известно: в течение ноября–декабря 2017 г. все уведомления были подписаны и официальные решения приняты.

Итак, что сегодня отличает PESCO от прежних оборонных начинаний Евросоюза (и от того, как национальная оборона осуществляется в странах, не присоединившихся к программе)? Это перевод процесса военного строительства в четкие институцио-

нальные рамки. Собственно говоря, сказать что-либо сверх этого о PESCO на данный момент нечего. Вопрос, следовательно, стоит так: чем и как будут заполнены эти институциональные рамки? И как «новая оборонная идентичность» Европы соотносится с НАТО? Ниже даны сценарии возможного развития процессов в этом плане.

Сценарии будущего платформы PESCO

Сценарий I. «PESCO не состоится». Этот сценарий стоит рассматривать ввиду тех все более острых противоречий внутри ЕС, которые обозначились в последнее время и касаются, как всегда, вопросов экономики, согласования решений по внутренней политике и границ. Насколько концепция «структурированного сотрудничества» осуществима, когда сама Европа «структурируется» на ядро и периферию? Данный сценарий тем более вероятен после Брекзита и начала президентства Д. Трампа, а также все более широкого распространения влияния популистских сил, ставящих под вопрос само существование объединенной Европы. ЕС при развитии этого сценария будет постоянно терять в своей способности эффективно координировать общую оборонную политику, особенно если при этом он утратит и сильных политических лидеров уровня А. Меркель. Тогда неизбежен возврат к прежнему положению дел и установкам, т.е. роли НАТО и США как фундамента.

Сценарий II. «Business as usual, сохранение статус-кво». В этом сценарии общая оборонная политика ЕС будет двигаться по уже давно определившейся траектории, – возможно, с незначительными улучшениями в том, что касается потенциалов и качества принятия решений. Серьезных успехов «структурированному сотрудничеству» это, однако, не гарантирует, как не обещает и заметного прогресса в продвижении Евросоюза к «стратегической автономии». На видимую перспективу отношения с НАТО остаются тоже в ситуации статус-кво – без серьезных улучшений и ухудшений. В этом сценарии, необходимо подчеркнуть, есть много факторов неопределенности. Что, собственно говоря, на практике будут означать концепции «авангарда» и «миссий, требую-

щих особого внимания»? Миссии какого характера имеются в виду? Удастся ли обеспечить движение единым фронтом для государств-участников, широко различающихся своими военно-стратегическими культурами, восприятием угроз, уровнями экономики?

Сценарий III. «На пути к успеху». Это сценарий существенного, хотя в каких-то отношениях пока еще ограниченного, продвижения Евросоюза к более эффективной оборонной политике. Фактором этого успеха, собственно говоря, может стать сама PESCO, если будет развиваться так, как это заложено в сегодняшних планах. Надлежащее исполнение технических проектов «структурированного сотрудничества», увеличение расходов и числа НИОКР по разработке военной техники, общий рост затрат на оборону, более эффективное их использование через расширение кооперации и более четкую специализацию между участниками – все это может создать кумулятивный эффект. Он может серьезно усилить возможности общеевропейской политики в сфере обороны и безопасности, хотя, возможно, и не приведет к полной стратегической независимости ЕС от США. Вряд ли Европейский союз собственными силами сумеет создать тот объем потенциала сдерживания различных угроз, которые объединение считает для себя актуальными. Некоторые эксперты находят именно такой сценарий наиболее вероятным, указывая при этом на то, что он, однако, может привести и к существенному обострению противоречий между ЕС и США: «Если Европа сможет зайти столь далеко, почему бы ей не пройти и весь путь до конца» [Howorth, 2017].

Сценарий IV. «Внутриатлантическое размежевание». Этот сценарий, даже если на сколько-нибудь обозримую перспективу он и малореалистичен, стоит рассматривать ввиду тех противоречий между США и объединенной Европой, которые инспирируются по другую сторону Атлантики – в Вашингтоне. В США не только эпизодически раздаются голоса о том, что ЕС должен стать более независимым и «зрелым» игроком в международных делах, – сегодня это стало уже устоявшейся традицией определенного аналитического дискурса. Когда Д. Трамп говорит, что «США сыты по горло тем, что приходится кормить европейцев, привыкших ез-

дить зайцем, и необходимо переосмыслить самые основы Альянса» [Howorth, 2017], это далеко не только его личная позиция: примерно так же в президентской кампании 2016 г. высказывались Б. Сандерс и Р. Пол, а в исследовательском сообществе США появилась не одна книга на тему о том, что «союзники обходятся куда дороже, чем они того реально стоят» [Idid., 2017]. Пишут даже о том, что Вашингтон должен четко определить срок прекращения членства США в НАТО и отозвать свои войска из Европы. Например: следующая администрация должна «в первый же свой день» послать европейским государствам-партнерам четкий сигнал: «Занимайтесь сами своей обороной – мы возвращаемся домой» [Bacevich, 2016].

В период формирования НАТО ее генеральный секретарь лорд Г.Л. Исмей говорил: предельно общая задача НАТО – «держат русских [советских] – вне [Альянса], американцев – внутри, а немцев [ФРГ] – под контролем» [LORD ISMAY., 2018]. Сегодня Германия вместе с Францией активнее всех участвует в европейском военном строительстве, США критикуют НАТО и чуть ли не собираются «возвращаться домой»... Да, много же воды утекло под мостами Сены, Рейна и Потомака!

Приложение

Военно-технические проекты PESCO Описание и распределение проектов между участниками [Permanent Structured... projects, 2018]

1	2
Организация европейского медицинского командования (European Medical Command) Германия	Цель – создать систему надежного медицинского обеспечения военных миссий и операций силами многонациональных медицинских подразделений, легко развертываемых для оказания первой медицинской помощи, включая обнаружение пострадавших и их эвакуацию. Собственно Европейское медицинское командование должно осуществлять планирование, управление и координацию в данной области, а также гармонизацию национальных медицинских стандартов, подготовку и сертификацию кадров.

**«Пробуждение спящей красавицы»:
Программа PESCO между атлантизмом и европеизмом**

1	2
Создание европейской программно-определяемой радиосистемы (European Secure Software Defined Radio) Франция	Цель – создание радиотехнологической системы, которая позволяет с помощью особого программного обеспечения координировать действия военных подразделений независимо от того, какие собственные радиоплатформы они используют. Система призвана обеспечить безопасность коммуникаций, значительно улучшая передачу данных и голосовой информации.
Организация сети логистических хабов в Европе для поддержки операций (Network of logistic Hubs in Europe and support to Operations) Германия	Сеть логистических хабов для поддержки военных операций призвана усовершенствовать логистическое обеспечение миссий и операций европейских вооруженных сил. Цель проекта – найти трансграничные решения для организации единого логистического «зонтика». Проект нацелен на улучшение логистического планирования и установление единых стандартов в этой области для осуществления самых сложных миссий.
Военная мобильность (Military mobility) Нидерланды	Цель проекта – стандартизация и упрощение процедур трансграничных перемещений военных подразделений. Акцент ставится на устранение бюрократических процедур в отношении перемещения военных подразделений по железнодорожным путям, шоссейным магистралям, по воздуху и по морю.
Организация Центра передового опыта для учебных миссий ЕС (European Union Training Mission Competence Centre) Германия	Задача Центра – готовить высококвалифицированные кадры для работы в национальных учебных центрах ЕС, где они, в свою очередь, должны обучать инструкторов в странах деятельности. Несколько таких учебных центров уже создано.
Организация Центра «сертифицированного» европейского тренинга для европейских армий. (European Training Certification Centre for European Armies) Италия	Задача Центра – содействовать стандартизации различных процедур, принятых в европейских армиях. Ориентирован преимущественно на средний и более высокий командный состав, который должен владеть всем спектром функций командования и контроля. Ставятся также задачи обучения для таких сценариев, как «гуманитарное содействие населению», «стабилизация ситуаций в военное время» и «постконфликтное урегулирование».

1	2
<p>Энергетическое обеспечение операций (Energy Operational Function) Франция</p>	<p>У проекта двойная цель. С одной стороны, он нацелен на развитие новых систем энергообеспечения для военных лагерей, развертываемых в ходе совместных операций. С другой – закладывается установка на то, чтобы энергетическая проблематика учитывалась на всех стадиях планирования операций – от начала до конца.</p>
<p>Пакет комплекса мер в отношении стихийных бедствий (Deployable Military Disaster Relief Capability Package) Италия</p>	<p>Предусматривает организацию специального учебно-тренировочного центра для содействия операциям, осуществляемым как ЕС, так и государствами за пределами Союза. Ориентирован на борьбу с природными бедствиями, эпидемиями и любыми чрезвычайными ситуациями среди гражданского населения.</p>
<p>Проект по развитию полуавтономных противоминных технологий (Maritime (semi-) Autonomous Systems for Mine Countermeasures) Бельгия</p>	<p>Цель проекта – развитие особых подводных технологий полуавтономного типа для обнаружения мин под водой и на суше для защиты судов, гаваней и любых офшорных систем. Нацелен на широкое использование самых современных подводных минных детекторов и беспилотных летательных аппаратов.</p>
<p>Организация системы портового и морского наблюдения (Harbour & Maritime Surveillance and Protection) Италия</p>	<p>Цель – создать систему наблюдения и защиты морских пространств – от гаваней до приморских территорий и морских коммуникаций. Планируется организация единой системы сенсорного оборудования, соответствующего программного обеспечения и технологий наземного, подводного и воздушного наблюдения – системы, которая позволит обнаруживать широкий спектр морских угроз. Будет включать в себя пункты командования и контроля, размещаемые в гаванях и на прибрежных территориях.</p>
<p>Усовершенствование системы морского наблюдения (Upgrade of Maritime Surveillance) Греция</p>	<p>Проект нацелен на модернизацию систем морского наблюдения с интеграцией наземных, морских и воздушных платформ, что позволяло бы осуществлять передачу информации в режиме реального времени. Ставится цель расширить возможности анализа морской обстановки и реагирования на возникающие угрозы, в том числе относящиеся к энергетической и экологической безопасности.</p>

**«Пробуждение спящей красавицы»:
Программа PESCO между атлантизмом и европеизмом**

1	2
<p>Создание базы обмена информацией в ответ на кибернетические атаки и угрозы (Cyber Threats and Incident Response Information Sharing Platform) Греция</p>	<p>Главная задача – разработка более активных защитных механизмов противодействия кибернетическим атакам, которые использовали бы не только традиционные защитные экраны, а гораздо более продвинутые меры. Предполагается также построение широкой сети обмена разведывательной информацией в области кибернетической безопасности между государствами-участниками.</p>
<p>Организация сети взаимодействия для обеспечения кибернетической безопасности и формирования команд быстрого реагирования на кибернетические угрозы (Cyber Rapid Response Teams and Mutual Assistance in Cyber Security) Литва</p>	<p>Планы по организации команд быстрого реагирования на кибернетические угрозы позволяют участникам обеспечить более высокие уровни защиты в этой области. Предполагается, что такие команды смогут действовать не только для помощи другим государствам-членам, но и институтам ЕС, а также любым государствам, с которыми у ЕС установлены партнерские отношения. Разрабатывается специальный программный пакет, позволяющий обнаруживать, идентифицировать и устранять кибернетические угрозы.</p>
<p>Разработка системы командования и контроля для миссий и операций Общей политики обороны и безопасности (Strategic Command and Control (C2) System for CSDP Missions and Operations) Испания</p>	<p>Проект ориентирован на усовершенствование командных и контрольных систем для стратегического уровня миссий и операций ЕС. Должен содействовать процессу принятия военных решений в ЕС, более четкому планированию и осуществлению боевых операций, а также координации вооруженных сил ЕС. Интеграция информационных систем объединит функции разведки, наблюдения, командования и контроля и логистики.</p>
<p>Производство бронированных боевых машин пехоты, амфибийных машин, легких транспортных средств (Armoured Infantry Fighting Vehicle / Amphibious Assault Vehicle / Light Armoured Vehicle) Италия</p>	<p>Предполагается разработка и производство прототипов нового поколения боевых машин на универсальной платформе, что позволит поддерживать задачи быстрого развертывания, маневра, разведки, логистики, командования и контроля и медицинской помощи. Новые средства передвижения также должны усилить мероприятия в рамках общей оборонной политики ЕС, содействуя более строгой координации действий между европейскими армиями.</p>

1	2
Поддержка стрельбы с закрытых позиций (Евроартиллерия) (Indirect Fire Support (EuroArtillery) Словакия	Проект нацелен на разработку новейших артиллерийских мобильных систем повышенной точности. Производимые платформы должны обеспечить действия в бою, использование нелетальных вооружений и универсальную систему контроля огня – все это для более четкой координации подразделений в многонациональных операциях.
Ядро оперативно развертываемых операций по реагированию на кризисные ситуации (EUFOR Crisis Response Operation Core (EUFOR CROC) Германия	Цель проекта – содействовать организации полного спектра технологий и процедур для реагирования на кризисные ситуации.

Список литературы

PESCO и НАТО: Взаимодополнение военных усилий, направленных на Восток. – 2017. – 15.11. – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/11/15/pesco-i-nato-vzaimodopolnenie-voennyh-usiliy-napravlennyyh-na-vostok> (Дата обращения – 12.05.2018).

Bacevich A. Ending Endless War: A Pragmatic Military Strategy // Foreign Affairs [site]. – 2016. – 1.09. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-08-03/ending-endless-war>

Brattberg E. Trump's European Misstep // Carnegie [site]. – 2018. – 12.02. – Mode of access: <http://carnegieendowment.org/2018/02/12/trump-s-european-misstep-pub-75518> (Date of access –12.05.2018).

Consolidated texts of the EU treaties as amended by the treaty of Lisbon // UK government [site]. – 2008. – 21.01. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228848/7310.pdf (Date of access –12.05.2018).

EU Defence and Military: An Analysis of PESCO and Other EU Security Initiatives. – 2018. – 05.01. – Mode of access: <https://www.brugesgroup.com/blog/eu-defence-military-analysis-1> (Date of access –12.05.2018).

Fiott D., Missiroli A., Tardy Th. Permanent Structured Cooperation. What's in the Name. – The EU institute for Security Studies, 2017. – 71 p. – Mode of access: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_142_ONLINE.pdf (Date of access –12.05.2018).

Howorth J. Strategic autonomy and EU-NATO Cooperation: squaring the circle // Security Policy Briefs [site]. – 2017. – 10.05. – Mode of access: <http://www.egmontinstitute.be/strategic-autonomy-and-eu-nato-cooperation/> (Date of access –12.05.2018).

LORD ISMAY // NATO [site]. – 2018. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/su/natohq/declassified_137930.htm (Date of access –12.05.2018).

Notification on permanent structured cooperation // The EU Commission [site]. – 2018. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113-pesco-notification.pdf> (Date of access – 12.05.2018).

Permanent Structured Cooperation (PESCO). – Factsheet // The EU Commission [site]. – 2018. – 5.03. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/34226/permanent-structured-cooperation-pesco-factsheet_en (Date of access –12.05.2018).

Permanent Structured Cooperation (PESCO) first collaborative PESCO projects // The EU Commission [site]. – 2018. – 5.03. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/media/32079/pesco-overview-of-first-collaborative-of-projects-for-press.pdf> (Date of access –12.05.2018).

Permanent Structured Cooperation: National Perspectives and State of Play. European Parliament. Directorate General for External Policies / The EU commission, Policy Department. – 2017. – 87 p. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603842/EXPO_STU%282017%29603842_EN.pdf (Date of access –12.05.2018).

**В.Н. ЧЕРНЕГА, 2018 ©
TCHERNEGA VLADIMIR**

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ МАКРОНЕ: ИЗМЕНЕНИЯ
В РАМКАХ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ?
FRENCH FOREIGN POLICY DURING MACRON
PRESIDENCY: CHANGES IN THE FRAMEWORK
OF CONTINUITY?**

***Аннотация.** В статье рассматривается внешняя политика Франции при президенте Э. Макроне. Отмечается стремление нового президента придать внешней политике более динамичный стиль и одновременно внести в нее, по сравнению с предшественниками, больше элементов реализма и прагматизма. Вместе с тем констатируется, что базовые основы курса Франции на международной арене практически не изменились. В результате сохранилось фундаментальное противоречие, все более проявлявшееся при предшественниках Э. Макрона, – между попытками проводить самостоятельную «державную» линию и установкой на углубление европейской интеграции и сотрудничества в рамках НАТО. В этой связи исследуется, как данная проблема сказывается на российско-французских отношениях.*

***Abstract.** The article considers the foreign policy of France under the president Emmanuel Macron. The paper shows the desire of the new president to give the foreign policy more dynamic style and also to contribute to it more elements of realism and pragmatism. At the same time, it is stated that the basic fundamentals of French course on the world arena has practically not changed. As a result, it is persisted a fundamental contradiction, emerged under the predecessors of Emmanuel Macron, – between the attempts to*

conduct an independent policy of a «great power» and to deepen european integration strongly connected with cooperation within the framework of the NATO. In this regard it is also analysed how this problem influence over French-Russian relations.

Ключевые слова: Франция, внешняя политика, Макрон, европейская интеграция, НАТО, Трамп, Россия.

Keywords: France, foreign policy, Macron, European integration, NATO, Trump, Russia.

С момента избрания Э. Макрона президентом Французской Республики в мае 2017 г. прошло более года – срок достаточный, чтобы сделать первые выводы о его курсе на международной арене. В этой связи стоит отметить, что опыт Э. Макрона в области внешней политики и дипломатии до прихода к власти в Елисейский дворец был невелик. В 2012–2014 гг. во время работы в качестве заместителя главы руководителя президентской администрации Ф. Олланда он курировал вопросы, связанные с функционированием зоны евро. В 2014–2016 гг., когда Э. Макрон был министром экономики, промышленности и цифровых технологий, ему довелось заниматься двусторонними и многосторонними связями Франции по своей линии, в частности, в рамках ЕС, «Группы семи» (G7) и «Большой двадцатки» (G20).

Следует также напомнить, что кампания по выборам президента выявила раскол страны по ряду важнейших проблем внешней политики. Автор уже имел возможность довольно подробно рассмотреть эту ситуацию в своих предшествующих публикациях [Чернега, 2018]. В настоящей статье представляется возможным лишь упомянуть, что на этих выборах по существу столкнулись две тенденции. Первая из них – евро-атлантистская, предполагающая дальнейшее продвижение Франции по пути интеграции в ЕС и ее активное участие в НАТО. Вторая тенденция – «державно-суверенистская», уходящая своими корнями в голлистскую традицию и требующая усиления самостоятельности страны в международных делах и, соответственно, ослабления ее зависимости от Европейского союза и Североатлантического альянса. Ее можно с некоторой долей условности назвать также общеевропейской, поскольку она в различных вариациях основывается на идее «Большой

шой Европы», в рамках которой важная роль отводится России. В избирательную кампанию 2017 г. из одиннадцати претендентов на пост президента восемь в той или иной степени отражали именно эту тенденцию. Суммарно они набрали в первом туре почти 50% голосов избирателей.

Избрание Э. Макрона в принципе означало победу евроатлантистской тенденции, поскольку он представлял себя убежденным сторонником углубления интеграции в ЕС и сотрудничества в рамках НАТО. Вместе с тем в его подходе были заметные отличия по этим вопросам еще до прихода к власти по сравнению с Ф. Олландом.

Э. Макрон, которого многие эксперты называли «синтезатором» противоречивых установок, в своих предвыборных публикациях и речах пытался сочетать поддержку евроатлантистского курса с обещанием продвигать «державный» статус страны, особенно в отношениях с Китаем, Россией, а также США. Однако, как он подчеркивал, во все более глобализирующемся мире Франция с ее скромной ресурсной базой внешней политики могла делать это только в рамках ЕС. Он должен превратиться в новый «полюс мощи» (при этом сначала ему нужно «перестроиться», чтобы преодолеть нынешнюю череду разноплановых кризисов). Отмечая важность НАТО для безопасности Запада и сохранения связей Франции с США, во время своей предвыборной кампании Э. Макрон в то же время ратовал за ослабление зависимости официального Парижа от Белого дома и поддерживал идею создания автономной европейской обороны. Россию, с которой при Ф. Олланде ухудшились отношения, Э. Макрон называет европейской державой, с которой нужно развивать диалог и сотрудничество, в частности по Украине и Сирии, но «с позиций твердости». Большой реализм Э. Макрон проявлял по сравнению с Ф. Олландом в вопросах урегулирования сирийского конфликта, поскольку считал первоочередным приоритетом борьбу с «Исламским государством» (ИГ) (запрещенная в России организация), а не уход Б. Асада от власти [Macron, 2016, p. 203, 208–209].

После прихода к власти Э. Макрон и на практике сразу же обозначил свое стремление реализовать более прагматичный и

сбалансированный курс, чем был у его предшественника. С одной стороны, он уже 29 мая 2017 г. провел переговоры с В.В. Путиным в Версальском дворце, традиционно воспринимаемом как символ величия Франции. Встреча должна была продемонстрировать линию на «диалог с позиций твердости». На этих переговорах было, кстати, принято совместное решение учредить гражданский форум «Трианонский диалог». Он был призван способствовать взаимопониманию двух стран через обсуждение актуальных проблем представителями гражданских обществ. С другой стороны, он пригласил на празднование Дня взятия Бастилии 14 июля в 2017 г. президента США Д. Трампа, несмотря на настороженное отношение к нему большей части французских неолиберальных элит и СМИ.

Инициативы Э. Макрона по углублению интеграции в ЕС: «забегание вперед» или «ориентеры для будущего»?

29 августа 2017 г. на традиционной ежегодной встрече главы государства с французскими послами Э. Макрон впервые выступил с развернутым видением внешней политики страны. Он указал, в частности, что Франция не должна отказываться от «государственных» амбиций в меняющемся в сторону «большей многосторонности» мировом порядке. Как ядерная держава и постоянный член Совета безопасности ООН она обязана поддерживать связи с другими грандами мировой политики и «играть роль противовеса в случае появления дисбалансов между ними» [Discours du Président., 2017]. Помимо России и США, президент несколько раз упомянул в этом контексте Китай и Индию как поднимающихся великих держав, с которыми нужно считаться все больше. К приоритетным направлениям французской политики он отнес и традиционное – Африку, которую назвал «континентом будущего» ввиду ее растущего удельного веса в населении мира и глобальной экономике. Коснувшись Сирии, Э. Макрон указал на необходимость диалога с Россией, Ираном и Турцией для урегулирования конфликта [Idid., 2017].

Вместе с тем он повторил свой тезис о том, что главным внешним приоритетом для Франции все же является Европейский

союз. Франция должна способствовать углублению интеграции и реформам в ЕС, с тем чтобы объединение, с одной стороны, лучше осознавало и реагировало на запросы населения государств-членов, с другой – смогло отвечать на новые вызовы, в частности, технологическую революцию, связанную с внедрением цифровых технологий и разработками в области искусственного интеллекта. ЕС должен также стать «фактором умиротворения» в контексте возрастающего соперничества мировых держав, что требует от него большей сплоченности и новых возможностей в сфере внешней политики и безопасности. Особое значение в этой связи приобретает активизация франко-германского тандема, призванного играть роль подлинного «мотора» интеграционных процессов в ЕС [Discours du Président..., 2017].

Более конкретно на сей счет Э. Макрон высказался в своем выступлении в Сорбоннском университете 26 сентября 2017 г., которое, помимо прочего, должно было продемонстрировать его динамичный и решительный личный стиль. По сути, он изложил в нем обширную и амбициозную программу преобразований в ЕС, открывающую перспективу трансформации его в асимметричное федеральное государство. Отметив вызов цифровой революции, в которой главенствуют США и «подтягивающийся» к ним Китай, а также геополитический и геоэкономический вызовы со стороны обоих гигантов, неблагоприятные изменения климата, миграционный кризис и международный терроризм, вооруженные конфликты в ряде регионов, он подчеркнул, что эти проблемы не могут быть решены государствами – членами ЕС в одиночку. У них нет другого выхода, кроме как превращать объединение в реальный «полюс мощи» в экономическом, политическом и военном планах [Initiative pour l'Europe..., 2017]. На пути к этому стоят такие препятствия, как национализм, «суверенизм», протекционизм и «идентаризм» (т.е. приверженность народов своей национально-культурной идентичности), которые уведут Европейский союз в прошлое и поэтому должны изживаться. Поскольку не все государства – члены объединения готовы к необходимым переменам, нужно сформировать в нем интеграционное «ядро» в рамках зоны евро [Transcription du discours..., 2018], которая, как известно, объе-

диняет 19 стран – участниц ЕС. Речь, таким образом, шла об идее асимметричной, разноскоростной Европы, с которой выступили еще в марте 2016 г. руководители Франции, Германии, Италии и Испании на встрече в Версале [Pfflimlin, 2017].

Конкретизируя и развивая эту идею, Э. Макрон подтвердил предложения, которые он выдвигал во время президентской избирательной кампании, а именно: образование общего бюджета стран – участниц зоны евро и учреждение поста министра финансов для нее, что, с точки зрения многих экспертов, означало бы создание «экономического правительства» этой части ЕС. Но теперь он дополнил их новыми предложениями, охватывающими широкий круг областей – от финансово-налоговой до безопасности и обороны. Особое внимание он уделил формированию единой политики в налоговой сфере, отсутствие которой до сих пор считалось слабым местом зоны евро, равно как и Европейского союза в целом [Initiative pour l'Europe., 2017].

В собственно экономической сфере, согласно подходу Э. Макрона, приоритет нужно отдать формированию единого рынка цифровых технологий. Ряд предложений президента Франции был также направлен на усиление общей сельскохозяйственной политики. Предвыборный лозунг «более социальной Европы» трансформировался в идею создания «фундамента» единой социальной политики (пока данная сфера относится к компетенции государств-членов). В частности, речь шла о введении единой «вилки» минимальной заработной платы и определенной унификации систем социальной защиты [Initiative pour l'Europe., 2017]. Помимо прочего, это позволило бы предупреждать социально-трудовой демпинг со стороны государств – членов ЕС с пониженными социальными стандартами (в первую очередь, из числа восточноевропейских стран) в отношении более развитых. Данная проблема наряду с квотами на прием мигрантов, как известно, послужила причиной полемики Э. Макрона с руководством Польши [Emmanuel Macron., 2017].

Большое внимание президент уделил также концепции «Европы, которая защищает своих граждан» – прежде всего от международного терроризма. Он предложил, в частности, учредить Ев-

ропейскую прокуратуру по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, а для контроля над миграцией – Европейский офис по предоставлению убежища и новый единый орган по защите границ ЕС с более значительными полномочиями, чем у уже существующего органа FRONTEX (ФРОНТЕКС) [Discours du Président., 2017].

Стоит особо упомянуть предложения Э. Макрона о создании автономной европейской обороны, которая, как он считает, становится жизненной необходимостью в многополярном мире, особенно перед лицом террористического вызова и «самоустранения» США. Еще в июле 2017 г. Франция выступила с инициативой образования специального фонда для такой обороны, которая была поддержана Европейской комиссией. В данном выступлении Э. Макрон дополнил ее предложениями о формировании к 2021 г. Общих сил вмешательства, а также стратегии для них. В целях сближения деятельности разведок президент выдвинул идею учреждения Европейской разведывательной академии [Discours du Président., 2017; Initiative pour l'Europe., 2017].

Главенствующую роль к продвижению к перечисленным целям, как подчеркнул Э. Макрон, должна играть франко-германская ось. В этой связи он заявил о своем намерении заключить 22 января 2018 г. новый вариант Елисейского договора (1963) между двумя странами, который позволил бы им стать реальным авангардом интеграционных процессов в ЕС [Initiative pour l'Europe., 2017]. Стоит напомнить, что действующий ныне Елисейский договор был подписан президентом Франции Ш. де Голлем и канцлером ФРГ К. Аденауэром 22 января 1963 г. в Париже и символизировал франко-германское примирение 17 лет спустя после Второй мировой войны. При этом Ш. де Голль видел в этих последних исключительно «Европу наций», т.е. союз государств, более или менее тесно координирующих свою политику, особенно в экономической сфере.

В отличие от сторонника «державно-суверенистской» тенденции Ш. де Голля, Э. Макрон, однако, не ограничился лишь идеей заключения нового договора. Франция и Германия, заявил он, могут и должны подать другим странам ЕС конкретный при-

мер углубления европейской интеграции, полностью к 2024 г. перейдя на единые правовые нормы и правила, регламентирующие деятельность предприятий, и двигаясь к слиянию рынков [Initiative pour l'Europe., 2017].

Как видно, в этой своей программе Э. Макрон выдвинул значительно более смелые предложения в вопросах углубления интеграции внутри ЕС, чем его предшественники, включая и Ф. Олланда. Пока, однако, большинство его предложений «повисли в воздухе». Одна из причин этого – затянувшийся кризис с формированием нового кабинета в ФРГ после парламентских выборов 24 сентября 2017 г.: лишь в марте 2018 г. было создано правительство «большой коалиции» во главе с А. Меркель. Эта политическая неопределенность, безусловно, весьма негативно сказалась на работе франко-германского «мотора». Так, не был выдвинут проект нового Елисейского договора, не просматривается пока и перспектива слияния рынков двух стран. Хотя Э. Макрону удалось добиться от А. Меркель в апреле 2018 г. согласия на выработку «дорожной карты» углубления европейской интеграции, однако в ходе переговоров канцлер ФРГ не продемонстрировала большого оптимизма. Германская сторона опасается, что именно она должна быть главным донором соответствующих реформ, хотя наибольшие выгоды в экономическом и политическом плане получит Франция, обладающая существенно меньшими ресурсами.

Идея предпочтительной интеграции в границах зоны евро вызвала настороженность или откровенную враждебность стран, не входящих в нее, в частности Польши и Венгрии. Достаточно критически отреагировала на инициативу главы Франции и Европейская комиссия в лице ее председателя Ж.-К. Юнкера, который призвал «объединять Европу, а не разделять ее» [Président Jean-Claude Juncker., 2017]. Следует также учитывать рост евроскептицизма во многих государствах – членах ЕС, выразившийся в том числе в увеличении влияния правопопулистских сил. Не случайно Э. Макрон в своем выступлении в Европейском парламенте 17 апреля 2018 г., говоря об этой ситуации, употребил термин «гражданская война» [Discours du président., 2018]. Конечно, это было эмоциональное преувеличение в духе латинского красноре-

чия, но оно отразило явную обеспокоенность президента Франции отсутствием единства в ЕС по вопросу его будущего.

Несколько более результативным оказался призыв Э. Макрона ускорить продвижение к автономной европейской обороне. 13 ноября 2017 г. по инициативе Франции и Германии 23 государства – члена ЕС (из 28) договорились о создании механизма Постоянного структурированного сотрудничества ЕС по вопросам обороны (Permanent Structured Cooperation – PESCO), де-юре учрежденного еще Лиссабонским договором (2007). Этот шаг вызвал бурную реакцию в европейских СМИ, увидевших в нем начало реального строительства автономной от США архитектуры безопасности. При этом Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини назвала его «историческим моментом в жизни Европы» [La défense européenne., 2017].

На практике речь пока идет главным образом об усилении кооперации участвующих в реализации PESCO стран – участниц ЕС в области разработки и производства вооружений с целью добиться экономии средств благодаря унификации ряда важнейших их типов. Именно на это нацелен Фонд европейской обороны, который должен начать функционировать в 2019 г. после утверждения его функций и юрисдикции Европейским парламентом. Первые два года его бюджет будет составлять 500 млн евро, в 2021 г. он должен увеличиться до 1–1,5 млрд. Как ожидается, фонд будет также привлекать инвестиции государств-членов – суммарно до 5 млрд евро в год. Приоритетным направлением для него будет отбор совместных проектов и финансирование соответствующих НИОКР. Унификация, по расчетам Европейской комиссии, должна в будущем, в масштабах всего ЕС, ежегодно обеспечивать экономию средств на сумму от 20 млрд до 100 млрд евро [Union européenne., 2017, p. 3].

Следует подчеркнуть, что для полноценной европейской обороны необходимы объединенное командование, согласованные военная доктрина и стратегия, общие силы (в том числе быстрого реагирования) и инфраструктура для проведения тех или иных операций. «Камнем преткновения» на этом пути является,

как и ранее, вопрос разделения компетенций с Североатлантическим альянсом, который располагает отлаженным военным механизмом. Следует напомнить, что, согласно ст. 28 А Лиссабонского договора (2007), для государств – членов ЕС, одновременно являющихся членами НАТО (25 из 28), Альянс является «фундаментом коллективной обороны и инстанцией по ее осуществлению» [Treaty of Lisbon, 2007]. Изменение этой статьи требует консенсусного решения со стороны стран – участниц Европейского союза, которое с учетом предпочтительности НАТО перед ЕС для ряда стран (в частности, Польши и стран Балтии) весьма труднодостижимо. Тенденция к сохранению трансатлантических уз, хотя и ослабла, все еще значима и для Германии [Von Bredow, 2015].

Показательно, что Э. Макрон и А. Меркель неоднократно подчеркивали, что НАТО в любом случае остается «полезной» организацией. Более того, по словам Э. Макрона, Альянсу нужно придать «второе дыхание» [Frankfurter Allgemeine, 2017, S. 3]. Но это, с учетом отсутствия у ЕС необходимой военной инфраструктуры и логистики, заранее ставит процесс организации европейской обороны в зависимость от НАТО, контролируемой США, и по большому счету придает ей маргинальный характер.

Таким образом, инициативы Э. Макрона в области европейской интеграции, хоть и получили одобрение неолиберальных элит Франции и ряда других стран ЕС, но пока в лучшем случае кажутся «ориентирами для будущего».

Балансирование Франции между поднимающимися державами Азии

Э. Макрон постарался компенсировать недостаток прогресса на этом направлении повышенной активностью на «державном треке» политики Франции. В январе 2018 г. он нанес государственный визит в Китай, в ходе которого стороны продемонстрировали единство мнений по таким важным политическим вопросам, как борьба с международным терроризмом и необходимость добиваться выполнения Парижских соглашений по климату (2015), от реализации которых отказывается администрация Д. Трампа. Кроме того, был подписан ряд важных экономических контрактов,

в частности на поставку в Китай самолетов «Airbus 320» на сумму в 18 млрд евро и строительство в КНР центра по трансформации отработанного ядерного топлива стоимостью в 10 млрд евро. Э. Макрон проявил также большой интерес к проектам Китая в рамках «Один пояс – один путь», хотя к некоторым из них, как показали дальнейшие события, отнесся настороженно. Как отмечали французские СМИ, из-за отмеченных контрактов Э. Макрон практически не затрагивал вопрос о правах человека в стране, на чем настаивали французские и международные правозащитные НПО [Ce qu'il faut., 2018].

Уже в марте 2018 г. состоялся визит Э. Макрона в Индию, который подтвердил его претензию на роль Франции в качестве противовеса между двумя ведущими азиатскими державами. По итогам переговоров с официальным Нью-Дели были подписаны важные экономические контракты, а также протоколы о намерениях. В частности, речь в них шла о строительстве в Индии французской компанией «Orano» («Орано») крупной атомной электростанции, поставках индийским ВВС французских многоцелевых истребителей типа «Rafale» («Рафаль»), а также двигателей для индийской авиакомпании «Spice Jet» («Спайс джет»). Одновременно были заключены соглашения о взаимном использовании военных баз в Индийском океане, со стороны Франции для Индии такая возможность предоставлялась в отношении объектов на о-ве Реюньон, в Джибути (а также предположительно в ОАЭ). Очевидная антикитайская направленность данных договоренностей не вызвала сомнений. Комментируя их, Э. Макрон даже сказал, что «новые варианты китайского Шелкового пути угрожают балансу сил в Индийском океане» [Defranoux, 2018]. В первую очередь, президентом Франции имелись в виду китайские инфраструктурные проекты в Пакистане. Помимо прочего, официальный Париж тем самым отреагировал и на открытие Китаем в августе 2017 г. своей первой заграничной военной базы в Джибути. Франция, как показано ниже, всегда отстаивала свои позиции в Африке, а ее собственная база в Джибути обеспечивала контроль над ситуацией в Аденском заливе.

Проблемы урегулирования ситуации в нестабильных государствах Ближнего Востока и Африки: шаги Э. Макрона

Президент попытался также активизировать политику Франции на стратегически особенно значимом ближневосточном направлении. Стараясь не ослаблять сотрудничество с Саудовской Аравией и Катаром (в частности, в военно-технической области), которое интенсивно развивали его предшественники, он одновременно объявил приоритетом Франции стабилизацию ситуации в Ливии. Как известно, именно военная интервенция Франции вместе с Великобританией при опосредованной поддержке США и ряда союзников по НАТО в 2011 г. явилась главной причиной возникновения очага нестабильности в этой африканской стране, что спровоцировало перемещение потока беженцев из нее в Европу.

Французская дипломатия начала уделять повышенное внимание Ливии как на многостороннем уровне (ООН, Лига арабских государств, группа стран Сахеля), так и на двустороннем. В июле 2017 г. во Франции была даже организована встреча лидеров двух крупнейших противоборствующих ливийских группировок – премьер-министра Ф. Сарраджа и маршала Х. Хафтара. Они приняли совместную декларацию об установлении перемирия и проведении парламентских и президентских выборов весной 2018 г. Однако практических последствий эти переговоры не имели [Clavel, 2017]. Политический и экономический вес Франции в этой стране оказался недостаточным перед лицом других игроков, в частности США, России и Египта. Последний проводит там собственную линию, несмотря на продвинутое сотрудничество с Францией в военно-технической области. Как известно, еще при Ф. Олланде Египет приобрел два корабля «Mistral» («Мистраль»), изначально строившихся для России, но не поставленных ей из-за конфликта на Украине. Египетская сторона закупила также 12 многоцелевых самолетов «Rafale». При Э. Макроне была достигнута договоренность о поставке еще 12 машин типа «Rafale» на очень выгодных для египетского партнера условиях [Lamigeon, 2015]. При этом, как и в случае с Саудовской Аравией и Катаром, официальный Париж закрыл глаза на характер египетского режи-

ма, который французские СМИ единодушно считают диктаторским и репрессивным.

Разумеется, Э. Макрону пришлось также заниматься сирийским конфликтом, тем более что действия его предшественника на посту президента на данном направлении не привели к скольконибудь значимому прогрессу. Так, в результате занятой Ф. Олландом непримиримой позиции в отношении режима Б. Асада и его призывов к вооруженной интервенции против последнего, не всегда поддерживаемых даже США и Великобританией, Франция оказалось в этой стране в «положении вне игры». Французское участие в международной антитеррористической коалиции во главе с США, целью которой являлась борьба с «Исламским государством» в Ираке и Сирии, не дало существенных с военной и политической точек зрения результатов.

Данная ситуация тем более остро воспринималась частью национальных элит, что Франция стояла у истоков сирийской государственности и долгое время пользовалась большим влиянием на официальный Дамаск¹. Э. Макрон, как уже отмечалось выше, еще до прихода к власти пытался обозначить более прагматичный подход к решению конфликта, «выведя за скобки» в качестве предварительного условия немедленный уход Б. Асада от власти. Эту позицию он подтвердил, став президентом, в частности, на встрече с В. Путиным 29 мая 2017 г. В то же время он обозначил для официального Дамаска «красную линию» в отношении применения химического оружия [Macron etoutine., 2017]. В развитие этой линии 14 апреля 2018 г. Франция совместно с США и Великобританией нанесла ракетный удар по правительственным войскам

¹ С 1920 г. Сирия после распада Османской державы являлась французской подмандатной территорией. На сирийской территории располагались достаточно крупные контингенты французских войск и многочисленные военные базы, а сама она имела важное стратегическое значение для французской колониальной империи, что особенно отчетливо проявилось в период борьбы режима Виши и голлистов в годы Второй мировой войны. В 1946 г. Франция согласилась на провозглашение Сирией независимости. – *Прим. ред.*

Сирии, бездоказательно обвинив сирийские власти в складировании и использовании ими химического оружия.

Значимость борьбы с ИГ Э. Макрон подчеркнул и в выступлении перед французскими послами 29 августа 2017 г. Однако он одновременно заявил, что уже после урегулирования конфликта власти Сирии должны быть преданы суду [Discours du Président., 2017]. Понятно, что такая перспектива исключала согласие официального Дамаска на участие Франции в процессе налаживания межсирийского диалога и координации борьбы с ИГ. Тем не менее французская дипломатия попыталась создать Контактную группу по Сирии, которая включила бы, с одной стороны, Саудовскую Аравию и Катар, с другой стороны, Россию, Турцию и Иран. Сама Франция, разумеется, играла бы в ней ключевую роль медиатора. Идея эта оказалась мертворожденной, потому что эту роль в дискуссиях региональных держав уже играла Россия.

Стремление Франции наладить диалог по Сирии с Турцией натолкнулось на далекую от решения курдскую проблему. Франция помогала сирийским курдам оснащать и обучать их военные отряды. Официально речь шла о помощи демократическим силам Сирии, в реальности в основном состоявшим из курдских ополченцев-пешмерга (Отряды национальной самообороны – военное крыло курдской партии Демократический союз Сирии). Французский спецназ и военные советники стали оказывать им помощь задолго до формального включения официального Парижа в борьбу с ИГ в сентябре 2015 г. в рамках операции «Chammal» («Шамаль») [Деланоз, 2018, с. 43].

В этой ситуации военные действия, начатые Турцией в январе 2018 г. против пешмерга в районе сирийского города Африн (операция «Щит Евфрата»), который ранее был ими отбит у ИГ, поставили Францию в весьма сложное положение. Следует отметить, что французское общественное мнение поддерживало курдов. Э. Макрон попытался выступить с посреднической миссией, но в ответ встретил жесткую реакцию Анкары и лично президента Р.Т. Эрдогана, обвинившего Париж в пособничестве «курдским террористам» [Kaval, 2018].

Эта неудача, судя по всему, вряд ли остановит попытки Франции утвердиться в Сирии, не внося принципиальных изменений в свою линию в отношении режима Б. Асада. По мнению французского специалиста И. Деланоз, официальный Париж стремится воспользоваться трудностями урегулирования сирийского конфликта в рамках переговорных площадок в Астане и Сочи, создание которых было инициировано РФ при поддержке Ирана и Турции. Так, в декабре 2017 г. Э. Макрон фактически противопоставил данному процессу свою инициативу по формированию «Группы пяти» (другое название: «Small group», т.е. «Малая группа»), в которую вошли кроме Франции США, Великобритания, Саудовская Аравия и Иордания.

Впервые группа собралась во французской столице в январе 2018 г. По замыслу Э. Макрона, она должна составить альтернативу в деле урегулирования «конъюнктурному триумвирату» в лице России, Ирана и Турции и тем самым способствовать повышению роли Франции [Деланоз, 2018, с. 42–44]. Этим, думается, обусловлены неоднократные призывы Э. Макрона к США «не уходить» из Сирии. В апреле 2018 г. в интервью, которое Э. Макрон дал право-консервативному каналу США «Fox News» накануне своего государственного визита в эту страну, он подчеркнул: «Нам придется строить новую Сирию, и поэтому влияние Соединенных Штатов там мне кажется очень важным» [Emmanuel Macron., 2018]. Однако в этом же интервью президент Франции упомянул о необходимости сотрудничать в данном процессе с Россией и Турцией [Ibid.]. В ходе переговоров между Э. Макроном и В.В. Путиным, состоявшихся на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге 24–25 мая 2018 г., был поставлен вопрос о координации деятельности между группой и Астанинским форматом, в частности для того, чтобы способствовать выработке новой конституции Сирии [Malingre, 2018].

Определенную гибкость президент Франции проявил также в попытке стать посредником в кризисе, который разразился в июне 2017 г. между Катаром, с одной стороны, Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Бахрейном, с другой стороны, обвинившими катарское руководство в чрезмерном сближении с Ираном и разо-

равшими дипломатические отношения с эмиратом. Хотя посредничество большого успеха не имело, оно позволило официальному Парижу сохранить весьма важное для французской экономики в целом и военно-промышленного комплекса в частности сотрудничество со всеми участниками этого противостояния. Франция связана с Саудовской Аравией значительными контрактами, в том числе на поставку вооружений. Эта страна является также крупным инвестором на французской территории. Катар приобрел у Франции 24 самолета типа «Rafale» и начал переговоры о покупке еще 12. Одной из французских компаний был обещан также контракт на строительство метро в Дохе. Обновление катарской инфраструктуры в перспективе чемпионата мира по футболу (2022) позволяет французскому бизнесу надеяться на заключение новых сделок. Важность отношений с ОАЭ определяется прежде всего тем, что там с 2009 г. находится уже упоминавшаяся военная база Франции, которой официальный Париж придает стратегическое значение [Falez, 2017].

Вместе с тем Э. Макрон продолжил линию своего предшественника Ф. Олланда на уравнивание французской политики в регионе некоторым сближением с Ираном. Ещё после подписания 14 июля 2015 г. в Вене между этой страной и Группой «5+1» (РФ, США, Великобритания, Франция, КНР и ФРГ) Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), направленного на решение иранской «ядерной проблемы», официальный Париж начал активно восстанавливать связи с ИРИ. В августе 2015 г. тогдашний министр иностранных дел Л. Фабиус совершил визит в Тегеран в сопровождении большой группы французских бизнесменов. В ходе него речь шла о заключении значительного числа контрактов, касающихся, в частности, нефтяной промышленности Ирана, поставок французских автомобилей, строительных проектов.

Судя по всему, Э. Макрон был готов пойти на активизацию и политических отношений. Однако в связи с заявлениями Д. Трампа о неприемлемости СВПД для США он начал лавировать. Продолжая высказываться в пользу данного соглашения, президент Франции вместе с тем стал выражать беспокойство по поводу ракетной программы Ирана, а также его претензий на доминирую-

щую роль в регионе и поддержки режима Б. Асада в Сирии. По этим вопросам он по сути солидаризовался с Д. Трампом. Французская газета «Монд» не без основания назвала эту линию «стратегией эквилибристики» [Semo, 2018]. В то же время, когда США 8 мая 2018 г. все же вышли из СВПД, Э. Макрон сыграл большую роль в том, что на саммите ЕС в Софии 17 мая 2018 г. европейские лидеры заявили о поддержке соглашения [Mevel, 2018]. Эту свою линию он подтвердил и на переговорах с В.В. Путиным на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге 24–25 мая 2018 г. Оба лидера подчеркнули обязательность выполнения СВПД, при этом, однако, Э. Макрон все же настаивал на необходимости подписания «дополнительного» соглашения по отмеченным выше вопросам в перспективе до 2025 г. [Malingre, 2018].

Как уже отмечалось, среди приоритетных направлений внешней политики Франции Э. Макрон назвал африканское. Для Франции ее политическое, экономическое и военное присутствие в Африке, прежде всего в ее бывших колониях в западной части континента, еще со второй половины XIX в. было важнейшей составляющей ее «державности». Людские, а также природные ресурсы этих территорий – в частности, нефть, уран, железная руда, бокситы, сельскохозяйственная продукция – имели с точки зрения официального Парижа стратегическое значение. После деколонизации все французские президенты уделяли вновь возникшим африканским государствам повышенное внимание. Франция без стеснения вмешивалась в их внутренние дела, организовывала государственные перевороты или, наоборот, подавляла их, поддерживала ту или иную сторону в гражданских войнах или, когда считала нужным, отражала вторжения извне [Bat, 2012].

В качестве примера можно сослаться на боевую операцию «Serval» («Сервал»), которую французские войска провели в 2013 г. в Мали против формирований туарегов-сепаратистов и структур международного терроризма (в том числе филиалов «Аль-Каиды» в Африке) [Glaser, 2016, p. 50, 55]. Это стало начальной фазой стабилизации обстановки в Мали с участием широкого круга стран – участниц ЕС и ООН (особенно Германии). С 2014 г. операция «Serval» была трансформирована в «Barchan» («Бархан») с участи-

ем Мали, Мавритании, Буркина-Фасо и Чада. Свои подразделения в зону действия операции «Бархан» направили Германия, Италия, Испания, о своей готовности послать туда боевые вертолеты заявила в январе 2018 г. Великобритания. Ф. Олланд, который активно посещал французские части, расположенные в этом регионе, неоднократно заявлял об «особой ответственности» Франции в находящихся в нем странах. Иначе говоря, они должны оставаться во французской сфере влияния, хотя сам этот термин официальный Париж, как и другие западные столицы, отвергает, называя его пережитком прошлого. Э. Макрон не стал исключением из правила. Вскоре после избрания он посетил французские подразделения в Мали, где подтвердил необходимость продолжать бороться с исламистами и другими незаконными вооруженными группировками на пространстве Сахеля и обещал выделить для этого дополнительные военные ресурсы. Здесь необходимо отметить, что Франция активно поддерживает вовлечение ЕС в урегулирование проблем на африканском направлении, тем частично компенсируя недостаток собственных ресурсов. В случае с Э. Макроном это также соответствовало его установкам на расширение взаимодействия в рамках объединения, о чем речь шла выше. Многонациональные контингенты в составе миссий ЕС задействованы сейчас в Мали и Сомали (обучение правительственных войск), а также и в Центрально-Африканской Республике (по выполнению задач по миротворчеству и поддержанию мира). В феврале 2018 г. Э. Макрон добился от ЕС выделения средств на сумму 410 млн евро для обучения и оснащения частей пяти африканских государств – Буркина-Фасо, Мавритании, Мали, Нигера и Чада, участвующих в операции «Бархан» [Barluet, 2018].

Э. Макрон обещал также увеличить экономическую помощь Франции африканским государствам на цели развития с нынешних 0,37% ВВП до 0,55% (в абсолютно выражении – с 9 млрд до 15 млрд евро). В частности, более значительные средства должны быть направлены в сферу образования. Эта помощь, с одной стороны, призвана уменьшить миграционный поток из данных государств во Францию, с другой стороны, способствовать сохранению в них позиций французского языка и культуры как важных фак-

торов «мягкой силы». Согласно прогнозам, к 2050 г. население Африке составит около 25% человечества, при этом 700 млн человек будут проживать в странах, где пока велика численность носителей французского языка [Glaser, 2016, p. 27].

Противоречия политики Франции: влияние на отношения с РФ

Как видно из изложенного, Э. Макрон стремится обновить на основе большего реализма и прагматизма внешнеполитический курс Франции, сохраняя при этом большинство его базовых основ. Сочетать объективно противоречащие друг другу установки Э. Макрон пытается и в отношении России. С одной стороны, он, как уже отмечалось, сразу после избрания встретился с В. Путиным, что, с учетом отношения к нему неолиберальных элит и СМИ Франции, было довольно смелым шагом. Э. Макрон сохранил линию на взаимодействие с Россией в рамках «Нормандской четверки». В октябре 2017 г. в выступлении в Европейском суде по правам человека и на встрече с генеральным секретарем Совета Европы он призвал Россию «остаться в нашем общем доме от Лиссабона до Владивостока», подчеркнув, что «мы обязаны говорить о демократии и правах человека, но должны избегать поучений» [Transcription du discours., 2018; Déclaration conjointe., 2017]. О необходимости «возвращения России в Европу» и в этой связи о полезности ее членства в Совете Европы он говорил также на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге 24–25 мая 2018 г. [Malingre, 2018]. Как указано выше, Э. Макрон старается развивать конструктивный диалог с Россией по ядерной проблеме Ирана и по урегулированию в Сирии, что ярко проявилось на названном форуме. Важно, что в ходе его было подписано около 50 соглашений о сотрудничестве в экономической области между французскими и российскими партнерами. В целом, как подчеркивают СМИ Франции, Э. Макрон, перед лицом унилатерализма США хотел бы способствовать возрождению в Европе подобия «концерта наций» с участием ЕС, России и других стран, не входящих в объединение [Kauffmann, 2018].

С другой стороны, Франция присоединилась к Великобритании и поддержавшим ее странам ЕС и НАТО в весьма сомни-

тельном «деле Скрипалей», не дожидаясь выводов экспертов Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Как известно, в апреле 2018 г. Франция выслала четырех российских дипломатов и подверглась аналогичной мере со стороны России. Официальный Париж, как уже отмечалось, выступил вместе с США и Великобританией с вооруженной акцией 14 апреля 2018 г. против властей Сирии в связи с не менее сомнительной историей с применением химического оружия в Восточной Гуте. Удары также были нанесены до соответствующего расследования ОЗХО, несмотря на риск прямого военного столкновения там с российскими силами. При этом Э. Макрон заявлял, что Франция будет всячески избегать такого столкновения [Syrie. SNCF..., 2018, p. 3].

В этой связи стоит еще раз вернуться к интервью, которое Э. Макрон дал американскому телеканалу «Fox News» в апреле 2018 г. В нем президент утверждал, что его целью является «возвращение Франции ее величия», т.е. как бы указывал на преемственность своей политики с курсом генерала Ш. де Голля. В то же время он повторил тезис, популярный в западных элитах, особенно в Соединенных Штатах Америки и Великобритании, что В. Путин «везде вмешивается – в Европе, в США – с целью ослабить нашу демократию» [Emmanuel Macron., 2018]. Иначе говоря, он использовал идеологический аргумент, к тому же весьма сомнительный по своей сути. Между тем Ш. де Голль всегда считал идеологии лишь формой прикрытия национальных интересов.

Таким образом, Э. Макрону не удалось устранить коренного противоречия французской внешней политики. Он пытается одновременно активизировать европейскую интеграцию, усиливая «связку» с Германией, сохраняя взаимодействие с НАТО, США и Великобританией, но при этом проводить «державную» политику там, где это возможно. Однако если Франции и Германии действительно удастся запустить механизм углубления интеграции в ЕС, в котором германский партнер уже имеет преобладающий вес, очевидно, что это будет вести к снижению самостоятельности Парижа в международных делах. Вместе с тем, как показал опыт взаимодействия Э. Макрона с Д. Трампом, когда «державные» порывы

Франции не совпадают с намерениями США, ей приходится маневрировать, чтобы не поставить под вопрос атлантическую солидарность. Как долго Франция Э. Макрона сможет проводить эту противоречивую политику, покажет время.

Список литературы

Деланоэ И. Какая роль у государств, не принадлежащих к региону Ближнего Востока // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – 2018. – № 4. – С. 39–56.

Чернега В.Н. Геополитический выбор Франции // Международная жизнь / МИД России. – 2018. – № 5. – С. 44–66.

Barluet A. Bruxelles finance la force du G5 Sahel // Le Figaro. – 2018. – 23.02. – P. 3.

Bat J.-P. Le syndrome Foccart. La politique française en Afrique, de 1959 à nos jours. – Paris: Editions Gallimard, 2012. – 824 p.

Von Bredow W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. – Wiesbaden (Germany): Springer Fachmedien, 2015. – 301 S.

Ce qu'il faut retenir de la visite d'Emmanuel Macron en Chine // Franceinfo. – 2018. – 10.01. – Mode of access: https://www.francetvinfo.fr/monde/chine/ce-qu-il-faut-retenir-de-la-visite-d-emmanuel-macron-en-chine_2552949.html (Date of access – 30.04.2018).

Clavel G. Pourquoi Macron a fait de la Lybie la priorité de sa politique? // Huffington Post. – 2017. – 29.11. – P. 3.

Déclaration conjointe du Président de la République Emmanuel Macron avec le Secrétaire Général du Conseil de l'Europe, Thorbjørn Jagland // Elysee [site]. – 2017. – 31.10. – Mode of access: <http://www.elysee.fr/declarations/article/declaration-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-avec-le-secretaire-general-du-conseil-de-l-europe-thorbjorn-jagland/> (Date of access – 30.04.2018).

Defranoux L. Inde: le grand jeu stratégique de Macron // Libération. – 2018. – 11.03. – P. 1.

Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs // Elysee [site]. – 2017. – 29.08. – Mode of access: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs/> (Date of access – 30.04.2018).

Discours du président de la République au Parlement européen // Elysee [site]. – 2018. – 17.04. – Mode of access: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-au-parlement-europeen/> (Date of access – 30.04.2018).

Emmanuel Macron: «L'Europe n'est pas un supermarché. L'Europe est un destin commun» // El Temps. – 2017. – 21.06. – Mode of access: <https://www.letemps.ch/monde/emmanuel-macron-leurope-nest-un-supermarche-leurope-un-destin-commun> (Date of access – 30.04.2018).

Emmanuel Macron sur Fox News: «I'll make France great again!» // Le Figaro. – 2018. – 22.04. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/international/2018/04/22/01003-20180422ARTFIG00230-emmanuel-macron-sur-fox-news-i-ll-make-france-great-again.php> (Date of access – 30.04.2018).

Falez N. Qatar. Emmanuel Macron de retour dans un Golf en crise // Moyen-Orient. – 2017. – 06.12. – P. 3.

Frankfurter Allgemeine. – 2017. – 06.12. – 12 S.

Glaser A. Arrogant comme un français en Afrique. – Paris: Librairie Arthème Fayard, 2016. – 191 p.

Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique // Elysee [site]. – 2017. – 26.09. – Mode of access: <http://www.elysee.fr/declarations/article/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique/> (Date of access – 30.04.2018).

Jégo M. Erdogan tance Macron, accusé de soutenir les Kurdes de Syrie // Le Monde. – 2018. – 31.03. – P. 3.

Kaval A. Erdogan tance Macron, accusé de soutenir les Kurdes de Syrie // Le Monde. – 2018. – 31.03. – P. 3.

Kauffmann S. «En Russie, Emmanuel Macron va tenter de faire émerger le «concert des nations» manquant» // Le Monde. – 2018. – 23.05. – P. 3.

La défense européenne commence à prendre forme // European Commission [site]. – 2017. – 22.06. – Mode of access: <http://www.europe1.fr/international/la-defense-europeenne-commence-a-prendre-forme-3369401> (Date of access – 30.04.2018).

Lamigeon V. Comment l'Égypte compte payer ses Rafale // Entreprise. – 2015. – 16.02. – P. 1.

Macron E. Révolution. – Paris: XO Editions, 2016. – 268 p.

Macron et Poutine se testent à Versailles // Le Monde. – 2017. – 30.05. – P. 3.

Malingre V. Le pari russe d'Emmanuel Macron // Le Monde. – 2018. – 25.05. – P. 3.

Mevel J-J. Macron appelle Merkel à se mobiliser pour l'Europe // Le Figaro. – 2018. – 17.05. – P. 3.

Pfflimlin E. Sommet de Versailles; pour une UE à plusieurs vitesses // Le Monde. – 2017. – 07.03. – P. 3.

Président Jean-Claude Juncker – Discours sur l'état de l'Union 2017 // European Commission [site]. – 2017. – 13.09. – Mode of access: https://ec.europa.eu/commission/news/president-juncker-delivers-state-union-address-2017-2017-sep-13_fr (Date of access – 30.04.2018).

Semo M. Iran: la stratégie d'équilibriste de la France // Le Monde. – 2018. – 03.01. – P. 3.

Syrie. SNCF, hôpitaux, CSG...ce qu'il faut retenir de l'interview d'Emmanuel Macron sur TF1 // Le Monde. – 2018. – 12.04. – P. 1–3.

Transcription du discours de clôture du Président de la République, Emmanuel Macron, à la conférence contre le financement du Terrorisme «No Money For Terror» // Elysee [site]. – 2018. – 27.04. – Mode of access: <http://www.elysee.fr/declarations/article/transcription-du-discours-de-cloture-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-conference-contre-le-financement-du-terrorisme-no-money-for-terror/> (Date of access – 30.04.2018).

Treaty of Lisbon // EU [site]. – 2007. – 17.12. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12007L/TXT&from=EN> (Date of access – 30.04.2018).

Union européenne: la Commission lance un fonds européen de la défense // Vie publique. – 2017. – 7.06. – P. 3.

**Г.И. КУТЫРЕВ, 2018 ©
KUTYREV GEORGIY**

**СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ИСПАНИИ:
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ
THE NATIONAL SECURITY STRATEGY AND PROCESS
OF ARMED FORCES BUILDING IN SPAIN:
IN THE FACE OF NEW CHALLENGES**

***Аннотация.** В статье определяются роль и место Испании в системе европейской безопасности в условиях современных вызовов и угроз. В этой связи исследуется развитие политики королевства в сфере международной безопасности на концептуальном и практическом уровнях. Внимание уделяется ходу и направленности процесса военного строительства Испании. Делается вывод о перспективах участия страны в решении ключевых проблем международной безопасности.*

***Abstract.** The article determines the pole and place of Spain in the system of European security in the face of modern challenges and threats. In this regard the author explores the developments of Kingdom's policy in the sphere of international security at the conceptual and practical levels. The attention is paid to the dynamics and direction of the process of armed forces building in Spain. The paper concludes on the perspectives of the country's participation in the solution of the key problems in the sphere of international security.*

***Ключевые слова:** Испания, НАТО, европейская безопасность, оборона, угрозы, реформа вооруженных сил.*

***Keywords:** Spain, NATO, European security, defense, threats, reform of armed forces.*

На сегодняшний день Испания является парламентской монархией с консолидированной демократией, развитой экономикой¹ и принадлежит к числу стран, которые влияют на принятие решений по вопросам как европейской, так и международной экономической и политической повестки дня. Уникальное географическое положение Испании (между Европой и Северной Африкой, а также Средиземноморьем и Атлантикой), исторические связи со странами Иberoамерики придают ей значимую геостратегическую роль в международной системе безопасности.

Испания является одной из крупнейших европейских стран – участниц НАТО (с 1982 г.), Европейских сообществ/ЕС (с 1986 г.), а также ОБСЕ, ОЭСР и ООН. При реализации внешнеполитического курса королевство стремится активно использовать возможности как евро-атлантических, так и глобальных (в том числе Совета Безопасности ООН) институтов.

Испания глубоко интегрирована в Североатлантический альянс. Так, в Мадриде расположен Центр по совершенствованию техник обезвреживания взрывных устройств [Брифинг. Противодействие..., 2014] как результат политики Испании и ее партнеров на теракты в Мадриде 2005 г. В Валенсии расположен штаб бригадного уровня сил быстрого реагирования НАТО². В военно-морской базе Рота (*исп. Rota*)³ были развернуты корабли ВМС

¹ По объему ВВП – 14-я в мире (1113 млрд долл. евро) и 4-я в еврозоне, по объему инвестиций – 11-я в мире и 2-я в Иberoамерике, по экспорту товаров – 7-я в ЕС. Испания занимает одно из ведущих мест в мире по выработке электроэнергии из возобновляемых источников энергии наряду с Китаем, Германией, США и Японией. – *Прим. авт.*

² СБР НАТО были сформированы в 2003 г. и комплектуются по принципу ежегодной очередности контингентами одного крупного (среднего) и двух-трех малых европейских стран – участниц НАТО. В 2015/16 гг. основная нагрузка в комплектовании СБР была возложена на Испанию. – *Прим. ред.*

³ Совместная военно-морская база Испании и США в районе одноименного города (с 1955 г.). На базе размещены также подразделения Корпуса морской пехоты и части ВВС США. ВМБ Рота – первый порт, в который заходят корабли ВМС США, направляющиеся в Средиземное море. – *Прим. авт.*

США, оснащенные системой ПРО «Иджис» и являющиеся морским компонентом интегрированной группировки ПВО / ПРО НАТО в Европе. По мнению западных экспертов, «объединение средств разных государств-партнеров является эффективным способом создания нового защитного потенциала Альянса и обеспечит в конечном итоге более высокую степень защищенности, чем та, которая может быть достигнута самостоятельно отдельной страной» [Плегер, 2013, с. 21]. Свой вклад в развитие совместной системы ПВО Испания, как указывает отечественный военный исследователь И. Иванов, обеспечивает и участием «в разработке и производстве ЗРК [зенитно-ракетных комплексов] наземного и морского базирования, обладающих способностью перехвата баллистических целей на средних и малых высотах и дальностях» [Иванов, 2017].

Из числа средиземноморских государств – членов НАТО Испания находится на втором месте после Италии по большинству количественных показателей, связанных с развитием ЕС. Это численность личного состава (182 тыс. и 121 тыс. в 2016 г.), общему уровню расходов на военные цели (19,98 млрд и 10,10 млрд долл.) и объему расходов на одного гражданина (380 и 285 долл.) [Defence Expenditures..., 2016, p. 1–7]. По уровню боеспособности и оснащенности вооружениями и военной техникой, в том числе с учетом развитости собственного ВПК, Испания стоит наравне с Италией [см.: Храмчихин, 2014].

В рамках деятельности профильных международных структур (ООН, НАТО, ЕС) королевство активно участвовало в деятельности по миротворчеству и поддержанию мира. На данный момент королевские вооруженные силы участвуют в урегулировании вооруженных конфликтов в Европе (Косово), Азии (Афганистан, Ирак, Сирия, Ливан), Африке (Мали). В целях стабилизации обстановки в данных регионах ВС страны тесно сотрудничают со специальными службами и МИД королевства. Параллельно Испания принимает участие в военно-тренировочной деятельности НАТО, особенно его морской компоненте. В частности, ВМС Испании на ротационной основе предоставляют корабли в состав 2-й постоянной морской и 2-й постоянной контрминной групп, дейст-

вующих в Средиземном (с 2004 г.) и Черном (с 2008 г.) морях. Так, в мае 2018 г. ВМС Испании (представленные ракетным фрегатом «Виктория») приняли участие в учениях «Морской щит – 2018» («Sea Shield 18») в акватории Черного моря (с участием Украины).

Являясь страной – участницей евро-атлантических институтов, Испания выстраивает свой военно-политический курс под воздействием сложной комбинации внутренних и внешних факторов, учитывая геополитические и экономические интересы так называемого коллективного Запада и его наиболее влиятельного актора в данный момент – США.

Политика в сфере международной безопасности опирается на имеющуюся ресурсную базу, в том числе ее ставшую весомой экономическую составляющую. Так, выступая 15 марта 2017 г. в Конгрессе, председатель правительства Испании М. Рахой отметил, что экономика страны представляет пример сбалансированного и быстрого восстановления от мирового финансово-экономического кризиса. Согласно опубликованному Министерством экономики, промышленности и конкурентоспособности Испании макроэкономическому сценарию на 2018–2021 гг., рост ВВП страны хоть и замедлится, но будет продолжать расти (на 2,4% в 2019 г. и 2,3% в 2020 г.) [Spain Macroeconomic..., 2018].

Как известно, к концу 2000-х годов Испания оказалась в «ловушке» долгового кризиса. Так, королевство вошло в число самых неблагополучных в ЕС стран (в так называемую группу PIIGS, куда еще вошли Португалия, Италия, Греция и Исландия). Однако благодаря жестким реформам, предпринятым правительством стран (налоговой, государственного управления и финансового сектора) и кредитным программам «Тройки» (представителей Еврокомиссии, Европейского центрбанка и Международного валютного фонда), иберийским странам и особенно Португалии удалось к 2015 г. выбраться из «долговой ямы» и добиться экономического роста. Главными факторами, повлиявшими на состояние национальной экономики с 2015 г., стали: рост внутреннего потребительского спроса, сокращение инфляции, наращивание объемов испанского экспорта [Обзор состояния..., 2016, с. 48].

При рассмотрении внешнеполитического курса необходимо принимать такой значимый фактор внутреннего развития Испании, как полиэтничность ее населения. Помимо испанцев население страны составляют баски, галисийцы и каталонцы. В стране также зарегистрировано 4,7 млн иностранцев (12% к численности населения королевства), из которых 32% – румыны и марокканцы, 6,9 – выходцы из Великобритании, 4,8 – Эквадора, 4% – Италии [Обзор состояния..., 2016, с. 2].

В условиях глобализации Испания, как и другие акторы мирополитической системы, сталкивается с широким и быстро меняющимся спектром угроз безопасности. Их условно можно разделить на традиционные (вооруженные конфликты, распространение оружия массового уничтожения, шпионаж, применение иными государствами военной силы), так и новые, в первую очередь основанные на применении военно-силовых рычагов.

Из числа первых особое внимание следует обратить на вооруженный конфликт на востоке Украины (2014–2015) как составную часть общего ухудшения отношений Запада и России. Его основной причиной видный аналитик Д.В. Тренин видит ситуацию после окончания холодной войны, когда «европейским странам не удалось создать всеобъемлющую систему безопасности в Европе, которая включала бы и Россию» [Тренин, 2018]. Укрепление новых центров влияния – особенно РФ и КНР, в том числе значительный рост военной мощи, – вызывает растущую настороженность США и их европейских партнеров. Так, как указывал отечественный исследователь А.Ю. Безруков, согласно новой Стратегии национальной безопасности администрации Д. Трампа, новые центры влияния «намеренно вынашивают долгосрочные планы подрвать американскую безопасность и процветание» [Безруков, 2018]. Ряд исследователей, в частности Д.В. Тренин, не исключают углубления размежевания между Западом и его оппонентами, консолидация которых может даже привести к образованию «своего рода евразийской Антанты» [Тренин, 2018]. Эти факторы будут требовать наращивания усилий от Испании в рамках НАТО (в том числе численности войск в составе общих военных группировок Альянса) и в меньшей степени ЕС, что может поста-

вить королевство перед проблемами как роста военных расходов, так и заметного увеличения численности вооруженных сил.

Растущее давление на Испанию оказывает рост активности структур международного терроризма. Как указывала отечественный исследователь данной тематики О.Н. Новикова, эта угроза включает несколько составляющих: «ядро» «Исламского государства» (запрещено в РФ) на территории Сирии и Ирака [см.: McGurk, 2017], «Аль-Каида», их «ответвления» в нестабильных странах Азии и Африки, более мелкие не аффилированные с ними группировки, а также террористы-одиночки [Новикова, 2017, с. 8]. Для стран – участниц ЕС и НАТО наибольшая угроза исходит от прибывающих (под видом беженцев) террористов из Магриба, а также спящих ячеек и экстремистов. Так, 17 августа 2017 г. фургон «Fiat Talento» сбил пешеходов на пешеходной туристической улице Рамбла в Барселоне. В общей сложности жертвами теракта стали 16 человек, а ответственность взяло на себя ИГ. Еще в 2004 г. Мадрид стал местом террористических атак, а потому данная угроза воспринимается королевством вдвойне остро.

Параллельно возрастают риски для безопасности королевства, связанные с факторами национализма и экстремизма. На данном направлении до 2011 г. наибольшую тревогу вызывали действия баскской национал-сепаратистской организации ЭТА¹. 20 октября 2011 г. представителями ЭТА было объявлено об «окончательном прекращении вооруженной деятельности» [Баскская группировка., 2011] и переходе к достижению целей через демократические инструменты. 16 апреля 2018 г. ЭТА заявила о самороспуске [ETA anuncia., 2018].

Стоит отметить, что в Каталонии, где сепаратистские настроения зародились примерно в то же время, что и у басков, из-

¹ ЭТА (исп. ETA – Euskadi Ta Askatasuna), что переводится как «Страна Басков и свобода» – леворадикальная националистическая организация сепаратистов. ЭТА провозглашала своей целью создание независимой страны в баскском регионе Испании и юго-западных провинциях Франции Лабур, Басс-Наварра и Суль (которые ранее были территориями Испании), а главным методом борьбы – «герилью», «революционную войну» против метрополии (Испании). – *Прим. авт.*

начально практически отсутствовала агрессивная направленность по отношению к Испании. На протяжении длительного периода времени каталонские сепаратисты «вооруженным методом борьбы с центральной властью предпочитали ориентацию на мирное существование различных политических сил» [Хенкин, 2012]. Тем не менее политический кризис, разразившийся после референдума о независимости Каталонии 1 октября 2017 г., и последующая за ним декларация независимости, одобренная местным парламентом 27 октября 2017 г. [Парламент Каталонии., 2017], стали серьезным испытанием для системы национальной безопасности Испанского королевства. В результате правительство по главе с М. Рахоем приняло решение об активации ст. 155 Конституции по принуждению автономии к выполнению своих конституционных обязательств, что произошло впервые за 40 лет существования испанской демократии.

В условиях дигитализации всех сфер жизни, в том числе экономических процессов, Испания, как и ее партнеры по ЕС и НАТО, столкнулась с угрозой своей кибербезопасности. Так, 12 мая 2017 г. началось массовое распространение вредоносной программы-вымогателя денежных средств «Wanna Cry» – одними из первых были атакованы компьютеры в Испании, а затем и в других странах. К числу значимых новых угроз также следует отнести изменение климата, а также пандемии и эпидемии. Мониторинг и выработка мер противодействия этим вызовам находятся в ведении правительства, тесно взаимодействующего с Генеральными кортесами [Яковлев, 2011, с. 84].

В 2017 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности (СНБ), которая пришла на смену аналогичному документу 2013 г., подготовленному в разгар мирового финансово-экономического кризиса. Следует отметить, что до 2011 г. в Испании не существовало подобного документа: страна не имела традиции составления белых, зеленых книг и стратегий в области безопасности, которые появились в 1990-х годах в США, России, Германии, Франции, Японии. В 1992, 2000 и 2003 гг. были подготовлены Директивы национальной обороны, Белая книга в области обороны, а также Стратегический пересмотр политики в облас-

ти обороны [Arteaga, 2011]. Основной акцент в СНБ (2017) сделан на так называемые «гибридные угрозы». Они понимаются как «методы и действия, которые нацелены на уязвимые точки оппонента, эти уязвимости могут быть обусловлены исторической памятью, законодательством, старыми практиками, геостратегическими факторами, сильной поляризацией общества, идеологическими различиями, технологическими недостатками» [Spain's 2017 National.., 2017, p. 16].

Опираясь на спектр угроз безопасности и анализ стратегий Испании в этой сфере, специалисты выделяют следующие приоритеты в этой области [Molina, 2014, p. 54]:

- поддержание обороноспособности государства и вооруженных сил на должном уровне;
- противодействие широкому спектру угроз безопасности, в том числе транснационального характера (особенно нелегальной миграции, международного терроризма и организованной преступности);
- обеспечение непрерывного доступа к источникам энергии и другим природным ресурсам, поставки которых зависят от зарубежных контрагентов, а также защита инфраструктуры государства, являющейся основой жизнеобеспечения Испании;
- продвижение вопросов разоружения, контроля над вооружениями, нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ);
- создание эффективной системы по защите интересов граждан Испании на международной арене.

Геостратегические интересы Испании: региональный спектр

Партнеры по Европейскому союзу. Участие в интеграционных процессах в ЕС рассматривается в качестве одной из основополагающих целей внешней политики Испании, ибо «усиление Европейского союза в долгосрочной перспективе усиливает саму Испанию» [Spain and the CSDP., 2015]. Данный тезис закреплён в официальных документах по национальной обороне страны. Так, например, в Директиве национальной обороны Испании (2003) отмечается, что Испания более эффективно отстаивает свои инте-

рессы в рамках коллективных действий и механизмов с партнерами по ЕС и НАТО [Zapatero, 2004]. Так, королевство является последовательным сторонником наращивания инструментария Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза, принимая участие во всех (!) ее миссиях с участием вооруженных сил за пределами Европы (по состоянию на июнь 2018 г.). Особого внимания заслуживает участие Испании в Европейском агентстве обороны. В 2015 г. на пост исполнительного директора агентства был назначен испанский дипломат Х. Доменик, а на авиабазе в Сарагосе был развернут постоянный штаб Европейского военнотранспортного командования (ЕТАС). Данная структура, созданная в 2011 г., способствует повышению мобильности войск государств – участников проекта.

Представленное положение обуславливает и интерес Испании к урегулированию тех очагов напряженности, которые возникают вблизи евро-атлантической региональной подсистемы (особенно на востоке Украины, в Сирии и Ираке, Ливии). Испанские власти поддерживают курс руководства ЕС на сближение с Украиной, развивая с ней взаимодействие как по двусторонним каналам, так и по линии объединения в целом.

На этом фоне у официального Мадрида не может не вызывать беспокойство процесс Брекзита (с 2016 г.), серьезно ослабляющий совокупную ресурсную базу ЕС. Для Испании процесс выхода Великобритании из объединения имеет важное измерение и на национальном уровне – это актуализация вопроса о принадлежности Гибралтара. Официальный Мадрид продолжает оспаривать суверенитет этой заморской территории Великобритании, что особенно важно с учетом геостратегического положения Гибралтара: он расположен между Южной Европой и Северной Африкой и контролирует морской проход из Средиземного моря в Атлантический океан.

Соединенные Штаты Америки. На фоне ухудшения отношений ЕС и части государств – членов объединения (в первую очередь, ФРГ) с США после прихода к власти Д. Трампа (45-й президент Соединенных Штатов с января 2017 г.), в отношениях официального Вашингтона и Испании не наблюдается аналогич-

ного спада. Думается, что это прежде всего обусловлено отсутствием заметных попыток Испании превратиться в полновесный центр притяжения евро-атлантической региональной подсистемы (как у Германии), а значит, и конкурировать с США.

Россия. С 2014 г. отношения Испании и России развивались по нисходящему треку, что полностью вписывалось в логику общего дистанцирования Запада и России. Согласно Стратегии национальной безопасности (2017), Россия признается важным международным актором и постоянным членом Совета Безопасности ООН, поэтому ее участие в системе международной безопасности имеет значение для поиска многосторонних решений проблем, стоящих перед международным обществом. В то же время официальный Мадрид не признает законности референдума о вхождении Крыма в состав России [Spain's 2017 National., 2017]. Помимо выражения солидарности с партнерами по ЕС это обусловлено обострением «каталонского вопроса».

Ближний Восток и Северная Африка. Эти регионы выступают де-факто одними из основных продуцентов угроз безопасности Испании. Резкий рост конфликтности на Ближнем Востоке – согласно СИПРИ, в 2016 г. на территории семи из 16 государств региона велись боевые действия [SIPRI Yearbook., 2017] – требует повышения эффективности системы охраны для протяженного побережья королевства Испании. При этом королевство стремится не потерять своей исторически значимой роли связующего звена между Европой и арабским миром. Фокусными партнерами официального Мадрида в этой связи являются Марокко и Алжир. Сохранение в них относительно стабильной обстановки облегчает решение проблемы обеспечения безопасности как основной территории Испании, так и двух анклавов королевства (Сеуты и Мелильи).

Латинская Америка с учетом нахождения в регионе новых центров влияния представляется значимым партнером Испании. Однако это не снимает остроты проблемы прибытия в королевство нелегальных мигрантов из стран Южной Америки – в первую очередь, Колумбии, Эквадора, Доминиканской Республики. Эта про-

блема усугубляет трудности борьбы с беженцами, прибывающими в Испанию из нестабильных государств Магриба.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе присутствие Испании (в том числе экономическое) является ограниченным и носит точечный характер. Очень небольшое по объемам королевство принимает участие и в противодействии угрозам безопасности в регионе (в частности, морскому пиратству).

Институциональная структура политики национальной обороны Испании и трансформация вооруженных сил

Институциональная структура политики национальной обороны Испании формируется на основе двух документов: Конституции Испании (1978) [Испанская Конституция, 1995] и Органического закона Испании № 5/2005 «О национальной обороне», который регулирует вопросы обороны страны и принципы деятельности испанских вооруженных сил за рубежом. Формально верховным главнокомандующим вооруженными силами является монарх (король Филипп VI), реальная власть сосредоточена в руках правительства. Правительство обязано получить предварительное одобрение Конгресса депутатов (нижней палаты Генеральных кортесов) для любого использования вооруженных сил страны за пределами ее территории.

В 2013 г. был создан Совет по национальной безопасности при председателе правительства Испании, который стал консультативным и координирующим органом для всех государственных учреждений «в их работе по нахождению адекватных ответов быстро меняющимся вызовам безопасности страны» [В Испании учрежден., 2013]. С принятием закона № 36/2015 «О национальной безопасности» полномочия данного органа были существенно расширены в деле обеспечения безопасности в киберсфере, Мировом океане, а также в вопросах энергетики, экономики и финансов.

В качестве председателя Совбеза ООН Испания (2015/16 гг.) сыграла заметную роль в принятии решения по деэскалации напряженности в Ливии и Сирии (в частности, резолюции № 2258). Королевство также способствовало принятию резолюции № 2231 (2015), в которой был одобрен Совместный всеобъемлющий план

действий (СВПД) по решению иранской «ядерной проблемы». Испания возглавляла Комитет Совета Безопасности, сформированный во исполнение резолюции 1718 (2006) в отношении КНДР. Испания выступала за создание Групп друзей Резолюции № 1540 (2004) по отказу от поддержки любых негосударственных субъектов, пытающихся производить, владеть или распоряжаться ОМУ и ОМП всех видов, в ООН и ОБСЕ.

Королевство, являясь страной – участницей второй западной антитеррористической коалиции, выступает с последовательной критикой правительства Б. Асада, делая ставку на «умеренную» оппозицию. В рамках этой линии официальный Мадрид поддерживал удары США по авиабазе «Аш-Шайрат» в провинции Хомс 6 апреля 2017 г., заявив, что они «представляют собой взвешенную и пропорциональную реакцию на применение химического оружия против гражданского населения» [Park, 2017].

В условиях распада биполярного миропорядка и глубокой трансформации спектра, характера и масштаба проявлений угроз безопасности с начала XXI в. наблюдается процесс сокращения численности вооруженных сил и отход от массовых армий к относительно небольшим вооруженным силам, но практически полностью укомплектованным профессионалами.

Формально трансформация вооруженных сил Испании началась в 2004 г. после неожиданной победы социалистов, чему во многом способствовала попытка правительства Народной партии (НП) сфальсифицировать обвинение в подготовке террористического акта в Мадриде в отношении ЭТА. Премьер-министр Х.Л.Р. Сапатеро подписал «Директиву национальной обороны» 1/2004, согласно которой вооруженным силам Испании надлежало пройти реформу в контексте основных направлений реформирования армий стран ЕС (профессионализация, сокращение вооруженных сил и реструктуризация). Директива оставалась основным документом национальной обороны до момента публикации Стратегии национальной безопасности 2011 и 2013 гг., в основу которых была положена идея трех принципов (трех «Д») – дипломатии, обороны и развития (*исп.* Diplomacia, Defensa y Desarrollo). По инициативе Директивы 2004 г. испанская стратегическая кон-

цепция обороны должна была «базироваться, с одной стороны, на поддержании способности национальной обороны как сдерживающего фактора и по-настоящему национальной способности дать ответ, а с другой стороны, на коллективной защите и безопасности» [Zapatero, 2004, p. 7].

Несмотря на то что директива законодательно начала новый этап процесса реформы испанских вооруженных сил, многие организационные инициативы, предложенные в этом документе: «Мы должны определить те усилия, которые Испания готова сделать для удовлетворения национальных требований, а также наши обязательства в области общей безопасности и коллективной обороны» [Zapatero, 2004, p. 7–8], – так и не были реализованы. В первую очередь, это обуславливалось финансовыми затруднениями. Так, если в 2009 г. объем ассигнований на военные нужды составлял 12,216 млрд долл., то в 2013 г. – только 9,434 млрд долл. [Defence Expenditures., 2016, p. 1–7]. Соответственно, нехватка финансов, вызванная попаданием Испании в «долговую яму», стала мощным препятствием на пути проведения реорганизации вооруженных сил. Положительная динамика стала наблюдаться только с 2015–2016 гг.: расходы начали расти как в абсолютном (до 10,104 млрд долл.), так и относительном измерении – рост в 2014–2015 гг. составил 16%, в то время как расходы на проведение экономических реформ и жилищно-коммунальные услуги снизились на 4,9 и 5,9% соответственно [Обзор состояния., 2016, с. 48]. Это стало результатом успешного преодоления страной мирового экономического кризиса.

Однако даже с учетом имеющихся трудностей вооруженные силы Испании, и в первую очередь сухопутные войска (СВ) королевства, завершили реорганизацию как основу структурных преобразований. Так, в настоящий момент СВ разделены на тяжелые войска в составе кавалерийской, двух пехотных и бронетанковой бригады [Храмчихин, 2014], предназначенные для обеспечения «классической» территориальной обороны, т.е. масштабных военно-политических угроз, и легкие. Последние имеют в своем составе бригады: аэромобильную, парашютно-десантную, легкую пехотную и Испанского легиона, а также отдельное горное командова-

ние [Храмчихин, 2014]. Если тяжелые войска предназначены для использования на территории самой Испании, то легкие – за пределами зоны ответственности НАТО с целью противодействия широкому спектру вызовов и угроз. Важным элементом СВ королевства является создание сил поддержки (бригада связи, командования полевой артиллерии, ПВО, армейской авиации, инженерных войск и спецопераций) [Храмчихин, 2014], которые выступают де-факто общим резервом для поддержки как тяжелых, так и легких войск в зависимости от того, на какие из них в данный момент ложится бóльшая нагрузка.

Ведется интенсивная модернизация и закупка вооружений и военной техники: так, в 2013 г. правительство Испании утвердило выделение дополнительных бюджетных средств на покупку новой партии многоцелевых вертолетов ЕС-135. Кроме того, в 2017–2018 гг. планируется получить одобрение плана о постройке пяти новых фрегатов класса F-110 для военно-морского флота, а также плана по разработке многоцелевых колесных бронемашин МОВАГ «Пиранья» в модификации 8×8. Вместе с тем развитие ВПК Испании сталкивается с «традиционными» для средиземноморских стран проблемами: одновременно с повышением расходов на закупки нового вооружения растут и потери от коррупции¹; отсутствие нормативно-правового регулирования или принятие нелегитимных правовых актов по государственному оборонному заказу и для обеспечения нужд вооруженных сил Испании. Частично эти проблемы удалось решить к середине 2010-х годов в результате упорядочения структуры государственных закупок и реформирования путем централизации программных отделений Министерства обороны в единый орган управления.

Таким образом, современный военно-политический курс Испании – производная от сложных процессов геополитических изменений, происходивших в стране и мире в период после распада биполярного миропорядка. В условиях глубоких изменений

¹ Согласно данным «Transparency International» за 2016 г., Испания находится на 41-м месте из 176. – *Прим. авт.*

европейской безопасности Испания сконцентрирована на поиске ответа на вызовы своему существованию в лице международного терроризма, киберпреступности и внутреннего сепаратизма.

Основным содержанием современного этапа военного строительства королевства имеет трансформация вооруженных сил в соответствии с общими тенденциями среди стран – участниц НАТО, получившая с середины 2010-х годов новый импульс к развитию в условиях преодоления королевством глубоких финансово-экономических трудностей.

В целом, несмотря на сохраняющиеся трудности, в последние годы наметилась позитивная тенденция в развитии военно-политического курса ведущей страны на Пиренейском полуострове на фоне улучшения экономической составляющей.

Список литературы

Баскская группировка ЭТА объявила об окончательном прекращении вооруженной борьбы // ИНТЕРФАКС. – 2011. – 20.10. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/wc2018/213143> (Дата обращения – 19.05.2018).

Безруков А. Развод с миром и его последствия // Россия в глобальной политике [сайт]. – 2018. – 13.02. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Razvod-s-mirom-i-ego-posledstviya-19358> (Дата обращения – 19.05.2018).

Брифинг. Противодействие терроризму. НАТО. – Брюссель, 2014. – 15 с. – Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/stock_publications/20120221_NATO-Briefing-Terrorism-RU.pdf (Дата обращения – 19.05.2018).

В Испании учрежден Совет национальной безопасности // ТАСС. – 2013. – 12.07. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/633079> (Дата обращения – 19.05.2018).

Иванов И. Военно-политическая обстановка в Южно-Европейском регионе (2017). – 2017. – 25.04. – Режим доступа: http://factmil.com/publ/strana/bosnija_i_gercegovina/voenno_politicheskaja_obstanovka_v_juzhno_evropejskom_regione_2017/67-1-0-1158 (Дата обращения – 19.05.2018).

Испанская Конституция / Посольство Королевства Испании в Российской Федерации, 1995. – 2017. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM> (Дата обращения – 06.05.2018).

Новикова О.Н. Введение // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 4. – С. 7-14.

Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Испании за 2015 год / Торговое представительство Российской Федерации в Королевстве Испания. – Мадрид, 2016. – 165 с.

Обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Испании за 2016 год / Торговое представительство Российской Федерации в Королевстве Испания. – Мадрид, 2017. – 107 с.

Парламент Каталонии объявил о независимости от Испании // BBC News. – 2017. – 27.10. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-41778550> (Дата обращения – 19.05.2018).

Плегер Ф.В. Противоракетная оборона. Новая задача НАТО // Per Concordiam. – Гармиш-Партенкирхен: Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла, 2013. – С. 20–23.

Тренин Д.В. Европейская безопасность – «от лишь бы не было войны» до нового равновесия // Московский центр Карнеги [сайт]. – 2018. – 28.02. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2018/02/26/ru-pub-75620> (Дата обращения – 19.05.2018).

Хенкин С.М. Потенциал регионального сепаратизма // РСМД [сайт]. – 2012. – 21.06. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/potentsial-regionalnogo-separatizma-v-ispanii/> (Дата обращения – 19.05.2018).

Храмчихин А. Армии Испании и Португалии: Глубокий тыл НАТО // Русская планета. – 2014. – 26.05. – Режим доступа: <http://rusplt.ru/world/armia-ispanii-10064.html> (Дата обращения – 19.05.2018).

Яковлев П.П. В системе глобальных координат. Глава 2 // Испания в мировой политике / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2011. – С. 73–136.

Arteaga F. Propuesta para la implantación de una Estrategia de Seguridad Nacional en España (DT) / Red. F. Arteaga, con la colaboración del Grupo de Trabajo sobre Estrategias de Seguridad Nacional del Real Instituto Elcano: Documento de Trabajo 19/2011. – Madrid, 2011. – 35 p. – Mode of access: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/885365004971122db833b89437ec6e7e/DT19-2011_Arteaga_Grupo_Trabajo_propuesta_estrategia_seguridad_nacional_Espana.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=885365004971122db833b89437ec6e7e (Date of access – 21.04.2018).

Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016): Communiqué, PR/CP (2016) N 116. – 2016. – 4 July. – 11 p.

ETA anuncia por carta que disuelve «completamente todas sus estructuras» y cierra «su ciclo histórico y su función» // Eldiario.es [site]. –

2018. – 02.05. – Mode of access: https://www.eldiario.es/norte/euskadi/ETA-disuelve-completamente-estructuras-carta-terrorismo-Euskadi-Aiete_0_767123476.html (Date of access – 19.05.2018).

McGurk B. Update on the D-ISIS Campaign // US Department of State [site]. – 2017. – 4.08. – Mode of access: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2017/08/273198.htm> (Date of access – 01.05.2018).

Molina I. Hacia una renovación estratégica de la política exterior española. – Madrid, 2014. – 150 p. – (Informe Elcano; N 15).

Park M. Who's with the US on Syria strike and who isn't // CNN. – 2017. – 08.04. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2017/04/07/world/syria-us-strike-world-reaction/index.html> (Date of access – 01.05.2018).

SIPRI Yearbook 2017 Armaments, Disarmament and International Security. Summary. – 2017. – Mode of access: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf> (Date of access – 01.05.2018).

Spain and the CSDP / Fojón E., Mora E., Arteaga F., Muñoz M. – Madrid: Egmont, 2015. – 129 p.

Spain Macroeconomic Scenario 2018–2021 // The Ministry of Economy, Industry and Competitiveness [site]. – 2018. – 27.04. – Mode of access: http://www.thespanisheconomy.com/stfls/tse/ficheros/2014/180427_Escenario_Macroeconomico.pdf (Date of access – 01.05.2018).

Spain's 2017 National Security Strategy. – Madrid: Persidencia del Gobierno, 2017. – 128 p.

Zapatero J.L. National Defense Directive 1/2004. – Madrid, 2004. – 13 p.

А.В. БЕЛИНСКИЙ, Д.А. КОЧЕГУРОВ, 2018 ©
BELINSKY ANDREY, KOCHEGUROW DMITRYI

**РЕАКЦИЯ НАТО И ЕС НА СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ
СО СТОРОНЫ РФ. (ОБЗОР)**
**NATO AND EU REACTION TO STRATEGIC
CHALLENGE FROM RUSSIA. (REVIEW)**

***Аннотация.** В обзоре на основе двух западных исследований рассматривается подход НАТО и ЕС к тем изменениям в Балтийском и Причерноморском регионах, которые произошли с 2014 г. В работах представлена характеристика ключевых «болевых узлов» между Западом и РФ в данных регионах, в ряде случаев сравниваются их потенциалы. В завершение представлены рекомендации западных авторов для институтов Евро-Атлантического сообщества по деятельности на юго-восточном и северо-восточном флангах зоны ответственности НАТО.*

***Abstract.** The review, which is based on two researches, explores NATO and EU approach the changes in Baltic and Black sea regions after 2014. The papers give the characteristics of key, „painful points,, between the West and Russia in these regions and in some compare the potentials of the parties. In the conclusion the review presents the recommendations of Western authors for the institutions of Euro-Atlantic community: how they act in South-Eastern and North-Eastern flanks of NATO responsibility zone.*

***Ключевые слова:** НАТО, ЕС, Россия, Балтийский регион, Причерноморский регион, безопасность.*

***Keywords:** NATO, EU, Russia, Baltic region, Black sea region.*

В условиях острейшего с момента окончания холодной войны кризиса в отношениях между Россией и Западом особое значение приобретает оценка ситуации и вариантов дальнейшего раз-

вития событий. На этом фоне обращают на себя внимание два исследования, отражающие взгляды западного экспертного сообщества на природу нынешнего кризиса, позиции сторон и подход к выработке общей стратегии в отношении России. Доклад под названием «Реагируя на российский стратегический вызов: Тенденции в сфере безопасности от Балтийского до Черного моря» [Facing Russia's., 2017] был подготовлен Генеральным директоратом по внешней политике Европейского парламента для истеблишмента объединения. Второе исследование представляет собой коллективную монографию под названием «Война в мирное время. Российская стратегия на восточном и южном флангах НАТО» [War in peacetime., 2017], опубликованную Центром по международным отношениям Института государственного управления (Барселона). В фокусе обеих работ находится проводимая Россией политика в отношении Балтийского и Черноморского регионов, а также ответные действия НАТО и ЕС. Не меньшее внимание авторы уделили таким вопросам, как «продолжающаяся милитаризация обоих регионов, положение российских меньшинств, проблема энергетической безопасности и различные формы межпарламентского сотрудничества, сложившиеся в 1990-е годы, что связано с межправительственными организациями, зачастую созданными самим ЕС» [Facing Russia's., 2017, p. 4]. В настоящее время, отмечается в подготовленном Генеральным директоратом по внешней политике докладе, ЕС и НАТО сталкиваются с ростом напряженности и неопределенностей на своих восточных и юго-восточных границах. В свою очередь, эта напряженность обусловлена тем, что Россия проводит все более агрессивную военную политику в отношении восточных рубежей НАТО. И хотя ситуации в Балтийском и Черноморском регионах отличаются друг от друга, имеются и некоторые сходные черты. «На Балтике такие страны, как Швеция и Финляндия, которые не входят в Североатлантический альянс, постепенно сближаются с соседями – членами НАТО (Литва, Латвия, Эстония и Польша)» [Idid.]. В Черноморском регионе стремление Украины и Грузии добиться членства в НАТО обусловило болезненную реакцию Кремля. «Обеспокоенность России таким порядком безопасности является отправным пунктом на-

пряженности в отношениях между Брюсселем и Москвой» [Facing Russia's..., 2017, p. 4] Вместе с тем, по мнению авторов доклада, в основе нынешней конфронтации лежат более глубокие причины. Так, отмечается, что «разлад происходит не только из-за расхождения интересов относительно некоторых конкретных «горячих точек», но главным образом из-за основополагающих принципов, которые могут составить основу будущей международной системы и которая, согласно распространенному в России мнению, скорее всего, будет сопряжена с конфликтами и военной мощью» [Idid.].

Восприятие миропорядка РФ. Сложившийся после окончания холодной войны миропорядок был воспринят российской элитой и экспертами в большинстве своем негативно. С момента распада СССР лейтмотивом российской внешней политики были вопросы, так или иначе связанные с проблемами безопасности, расширением НАТО и взаимоотношениями с ЕС. Однако даже подписание Основополагающего акта Россия – НАТО (1997) не смогло устранить застарелые стереотипы времен блокового противостояния. При этом авторы доклада частично признают в этом и вину Запада, поскольку конфликт в Косово, вступление Польши, Чехии и Венгрии в 1999 г., а трех балтийских республик в 2004 г. в НАТО, вторжение в Ирак, и в особенности «цветные революции на постсоветском пространстве, убедили российское политическое руководство в том, что «Запад реализует “задрапированную” под демократический альтруизм стратегию смены политических режимов, которая в конечном счете направлена на подрыв мощи России» [Facing Russia's..., 2017, p. 6]. Тем самым, отмечается в исследовании, процесс расширения ЕС и НАТО реанимировал в Кремле старые советские фобии об окружении России государствами-противниками, в которых Балтийскому и Черноморскому регионам вместе с прилегающими территориями отводится заметная роль. Все эти изменения не могли не сказаться на характере внешней политики РФ.

В этой связи авторы доклада уделяют особое внимание анализу Концепции внешней политики РФ (2016), которая, с их точки зрения, дает ключ к пониманию основ внешней политики России и отражает представления правящей элиты о складывающемся

миропорядке и месте страны в нем. Красной нитью, проходящей через этот концептуальный документ, является тезис о том, что мир вступает в эпоху глобальных перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Эта мысль развивается следующим образом: стремление западных государств удерживать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях. Иначе говоря, отмечается в докладе, в глазах российского руководства Запад выступает в качестве главного дестабилизирующего фактора в международных отношениях. Однако раскол между Россией и Западом был обусловлен не только конкретными действиями одной из сторон, но и абсолютно разным пониманием таких базовых принципов, как «суверенитет», «национальный интерес» и т.д. «Это важный момент, который помогает объяснить, почему Кремль воспринимает все свои действия (включая Украину и Сирию) как оборонительные по своему характеру и не считает совершенно немыслимым сценарий нападения со стороны НАТО» [Facing Russia's..., 2017, p. 7]. Вместе с тем, российское руководство осознает, что в сравнении с Западом ресурсные возможности РФ обладают структурными недостатками, начиная с экономического потенциала и заканчивая обычными военными возможностями. Именно поэтому Москва придает первостепенное значение как ядерному сдерживанию, так и асимметричным методам и инструментам, т.е. средствам сохранения стратегического паритета с Западом. Вследствие этого, полагают западные аналитики, Россия делает ставку на гибридную или нелинейную войну в будущих конфликтах. «Пропаганда, дезинформация и контроль над информацией станут существенными элементами обеспечения успеха военных операций» [Idid.].

Фактор постсоветского пространства. Постсоветское пространство играет ключевую роль во внешнеполитической стратегии России. Именно поэтому Москва так болезненно реагирует на расширение любых контактов между ЕС и любой из стран этого

региона, видя в них попытку создания «санитарного кордона» вокруг России, отмечается в докладе. «Чтобы предотвратить это, президент Путин перевел идею создания новой “современной, здоровой и устойчивой архитектуры безопасности” в центр диалога с ЕС и НАТО – по принципу “неделимости безопасности” и предупредил, что опасности “серьезных провокаций” (под которыми понимается политика Запада) могут создать такую среду, в которой никто не будет чувствовать себя в безопасности» (Мюнхен, февраль 2007)» [Facing Russia's., 2017, p. 8].

Столкнувшись с инициативой ЕС по созданию «Восточного партнерства» (реализация с июня 2009 г.), Москва учредила Таможенный союз (январь 2010 г.) с Беларусью и Казахстаном, который заложил основы будущего Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Однако дальнейшее развитие евразийской интеграции, отмечается в докладе, тормозится двумя обстоятельствами: во-первых, потерей Украины для России в 2014 г., а во-вторых, реакцией официальных Минска и Астаны на присоединение Крыма и вооруженный конфликт на Донбассе [Facing Russia's., 2017, p. 4].

Калининград и милитаризация российской внешней политики в Балтийском регионе. Во время холодной войны Калининградская область, в которой были размещены около 100 тыс. военнослужащих, являлась одним из самых милитаризованных регионов мира. Это вкупе с нейтральным статусом Швеции и Финляндии позволяло адмиралу Н.Г. Кузнецову называть Балтику «внутренним озером» (*лат. Mare Nostrum*). Распад Советского Союза, отмечают авторы доклада, не привел, однако, к превращению региона во «второй Гонконг». Более того, с 1999 г. и по настоящее время Калининградская область выступает в качестве плацдарма для проведения масштабных военных учений под кодовым названием «Запад». Украинские события вкупе с вынужденным выходом России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) (2015) привел к наращиванию военного присутствия в крайнем западном анклав РФ. С точки зрения западных специалистов, существует ряд ключевых факторов, которые необходимо учитывать при оценке военных учений РФ и в более широком смысле проецирования Россией своей военной силы [War in peacetime., 2017,

р. 2]. На фоне того, что РФ применяет военную силу в ряде регионов, эти учения помогают вооруженным силам на практике набирать необходимый боевой опыт. Одной из областей, которой российский Генеральный штаб уделил пристальное внимание, стало повышение стратегической мобильности. Также военное руководство страны озабочено и повышением уровня материально-технической поддержки на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях, поскольку в случае возникновения конфликта на границах России именно этот фактор может сыграть решающую роль.

В этом отношении «Запад 2017», по мнению западных аналитиков, имел особое значение для российских Западного и Южного военных округов. Именно они получили приоритет в программе военной модернизации, начатой еще в 2012 г. На практике это означает, что в обоих округах военные получили наибольшее количество технологически современного оружия, которое было успешно протестировано в ходе учений. Еще одним важным элементом модернизации является организации зон A2/AD¹. Большое внимание уделяется аэрокосмической защите как ключевому компоненту общей стратегии, что в, частности, находит свое отражение в модернизации систем ПВО. В ходе этих учений, отмечается в докладе, была, вероятно, проверена и вся ядерная триада. Такой подход, в основе которого лежит сочетание обычных и ядерных вооружений, в целом больше характерен для России, чем для НАТО, отмечается в докладе. Помимо этого с 2013 г. Москва вернула практику так называемых внезапных проверок боевой готовности (*англ. snap exercises*), которые часто проводятся в непосредственной близости от границ НАТО как инструмент сдерживания. Их трудно отслеживать и потенциально они могут служить подготовкой к началу военного конфликта, с точки зрения западных экспертов [War in peacetime., 2017, p. 2–10].

¹ A2/AD – концепция сдерживания противника (обычно комплексом вооружений) путем создания повышенной опасности для дислоцирования или перемещения сил противника в защищаемую местность. – Прим. авт.

Особая роль в планах российского руководства отводится Калининграду. Происходящее в последнее время развертывание в Калининградской области самых современных образцов военной техники, таких как «Искандер-М», зенитного ракетного комплекса С-400 «Триумф», береговых ракетных комплексов «Бастион-П» и «З К60», оснащенных ядерными носителями, сверхзвуковой универсальной противокорабельной ракетой П-800 «Оникс», позволяют этому региону удерживать статус российского военного бастиона и зоны А2/АD. Все это вызывает большую озабоченность в Европе и США. Одновременно с этим в регионе усиливается идеологическая конфронтация с Западом, которая, по мнению авторов доклада, проявляется в искоренении немецкого культурного и исторического наследия, борьбе с «пятой колонной» (так, признание Немецко-Российского дома «иностранным агентом»), осуществлении российскими властями пропагандистской кампании против Литвы и Польши [Facing Russia's., 2017, p. 4]. Тем самым, отмечается в докладе, Калининградская область стремительно превращается не только в военный, но и в идеологический бастион России на западных границах.

При этом в исследовании отмечается, что процесс милитаризации затрагивает и гражданскую сферу. Так, например, еще в 2013 г. в России был введен подход готовности «нации в целом» (англ. whole of nation). Фактически это означает, что вся государственная администрация на национальном и региональном уровнях должна быть готова к крупномасштабному конфликту. Невоенные подразделения и агентства работают совместно с российскими Вооруженными силами, что способствует их интеграции, повышению социальной устойчивости и готовности к действию в кризисной ситуации.

Проблема русскоговорящего меньшинства в регионе Балтийского моря. Определенные проблемы для Запада представляет собой не только милитаризация Калининградской области, но и внутривосточная политическая ситуация в странах Балтии. Период пребывания в составе СССР оставил свой след в виде русскоговорящих меньшинств в балтийских странах, отмечается в докладе [Policy Department., 2017, p. 12]. Особенно это характерно для Латвии и

Эстонии, где доля русскоговорящих граждан составляет соответственно 25,6 и 25,1%, в то время как в Литве лишь 6,6% [Facing Russia's., 2017, p. 12].

При этом проживающие в странах Балтии русские, в отличие от эстонцев, латышей и литовцев, в большинстве симпатизируют России и проводимому российским руководством внешнеполитическому курсу. Это наглядно проявляется в исследовании Фонда Бертельсмана (2015), которое показало, что порядка 67% русскоговорящих граждан в Латвии и 68% в Эстонии поддерживают позицию Москвы в ходе украинских событий [Policy Department., 2017, p. 13]. Правда, авторы доклада косвенно признают, что определенную ответственность несут и власти стран Балтии. Именно политика недостаточной интеграции неграждан (Латвия) и лиц без определенного гражданства (Эстония), как и отказ от ратификации Европейской хартии региональных языков или языков нацменьшинств, во многом обусловили нелояльность русскоговорящих граждан как по отношению к официальным властям, так и к Североатлантическому альянсу [Facing Russia's., 2017, p. 13]. Однако вместе с тем в докладе отмечаются и некоторые позитивные тенденции в политике стран Балтии в отношении национальных меньшинств. Так, в 2014 г. Министерство культуры Эстонии представило стратегию интеграции и социальной сплоченности под названием «Интегрирование Эстонии 2020», в которой среди прочего затрагивается и проблема русскоязычного меньшинства в стране [Idid.].

«Стратегическая игра» РФ в Балтийском регионе. Проживающие в странах постсоветского пространства 25 млн русских рассматриваются российским политическим руководством как соотечественники, что нашло свое отражение в предыдущей Концепции внешней политики России (2013 и 2016 гг.). С точки зрения авторов доклада, подобный тезис дает Москве возможность вмешиваться во внутренние дела сопредельных государств под предлогом защиты прав русскоязычного населения. «Во время своего выступления в марте 2014 г. в связи с аннексией Крыма В. Путин, касаясь вопроса о русскоязычном населении в Украине, заявил, что «Россия всегда будет защищать их интересы, используя

политические, дипломатические и иные легальные средства» [Facing Russia's., 2017, p. 14]. Подобного рода риторика широко применяется Кремлем и для того, чтобы оправдать свое давление на балтийские государства. При этом арсенал средств этого влияния, отмечается в докладе, достаточно широк и предполагает как пропагандистские кампании, так и экономические санкции. Например, в Эстонии политика «мягкой силы», осуществляемой через фонд «Русский мир» (создан в 2007 г.) и Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (создан в 2010 г.), сочетается с кибератаками и военным давлением в ходе учений «Запад» (1999, 2009, 2013, 2017 гг.), отмечается в докладе [Idid.]. Вместе с тем надежды российского политического руководства на использование русскоязычной общины в странах Балтии в качестве «тройанского коня» не является столь уж обоснованной. Пример избрания мэром Риги Н. Ушакова свидетельствует об успешной интеграции части русскоязычного населения в политическую систему этих стран.

Хотя балтийские государства обладают вооруженными силами, несравнимыми по численности и количеству вооружений и военной техники с украинской армией, что создает у них некоторое беспокойство, риск военных действий крайне низок по двум причинам. Страны Балтии не рассматриваются как часть так называемого «Русского мира» и, кроме того, являются государствами – членами НАТО. Население говорит на неславянском языке, а большинство населения не православные, а протестанты и католики. Беларусь представляет собой особый случай, поскольку страна уже вернулась в орбиту влияния Москвы в качестве члена ОДКБ и Евразийского экономического союза [War in reasetime., 2017, p. 37]. Беларусь считается интегральной частью «Русского мира». Несмотря на свой формальный суверенитет, страна полностью интегрирована в структуры Москвы, говорится в докладе [Idid.].

Фактор Крыма и милитаризация российской внешней политики в отношении Черноморского региона. Присоединение Крыма к РФ «привело к дестабилизации региона и создало зону замороженного конфликта» [Facing Russia's., 2017, p. 18]. Введенные ЕС и США

санкции вкупе с негативными последствиями присоединения полуострова (разрыв экономических связей с Украиной, увеличение затрат на логистику) к России негативно сказались на социально-экономической ситуации в Крыму. «Индустрия туризма также пострадала, поскольку международные компании покинули регион, а банковский сектор почти монополизирован (Российский национальный коммерческий банк является единственным финансовым институтом)» [Facing Russia's..., 2017, p. 18]. Однако это ни в коей мере не означает, что Москва откажется от Крыма. Более того, отмечается в исследовании, начиная с 2014 г. происходит наращивание группировки ВС РФ на полуострове. В докладе указываются следующие меры, которые направлены на усиление российского военного присутствия: 1) расширение возможностей радиоэлектронной борьбы за счет развертывания наиболее современных систем («Воронеж СМ»); 2) развертывание дополнительного количества ракетных комплексов «земля-воздух» С-400 «Триумф»; 3) увеличение численности дислоцированных на полуострове войск; 4) усиление бронетанковой группировки в Крыму [Idid., p. 17].

Присоединение Крыма к России привело к изменению военного баланса в Черноморском регионе в пользу последней. Превращение полуострова в военный опорный бастион сопровождалось ростом численности и возможностей Черноморского флота России. До «крымской весны» (2014) Черноморский флот России имел 26 надводных кораблей, 2 подводные лодки (ПЛ), 22 самолета и беспилотника и 37 вертолетов. По численности военно-морские силы прибрежных государств НАТО превосходили российские. Так, в составе ВМС Турции насчитывалось 44 надводных корабля и 13 ПЛ, Румынии – 3 фрегата, 4 корвета, 4 ракетных патрульных катера и Болгарии – 4 фрегата, 2 корвета, 3 ракетных катера [Idid.]. В настоящее время Россия конфисковала 70% ВМФ Украины и к концу 2015 г. имела 41 надводный корабль и 9 подводных лодок в Черном море¹. К 2020 г. планируется добавить к Черноморскому

¹ Согласно Дагомьским соглашениям (1997), Украине досталось около 30% от общего числа единиц Черноморского флота СССР, остальные корабли были переданы РФ. В отличие от России, с начала XXI в. официальный Киев отказывался от серьезной модернизации своего флота

флоту 20 новых ракетных корветов и другие суда. Прикрытие с воздуха в настоящее время осуществляют 74 самолета и 6 вертолетов, а кроме того, 2 зенитных ракетных полка [Facing Russia's..., 2017, p. 17].

Параллельно с этим в последние годы усилилась активность России в Восточном Средиземноморье, что, по признанию самих авторов доклада, является свидетельством укрепления ее статуса на международной арене. В Сирии Вооруженные силы провели свою первую после окончания холодной войны военную операцию за пределами бывшего СССР. Возможность эффективной проекции силы и дипломатический авторитет ознаменовали новую эру в отношениях между Россией и Западом, новый период геополитического соперничества, которое выходит за рамки постсоветского пространства [War in peacetime..., 2017, p. 45]. Однако еще до начала военной операции в Сирии (2015) российское руководство проявляло самый живой интерес к региону. В период финансового кризиса 2008 г. существенно окрепли связи с Кипром, который в обмен на выгодные кредиты начал переговоры об участии России в эксплуатации морских газовых месторождений на территории Кипрской особой экономической зоны. Кроме того, был получен доступ к авиабазе для использования «в чрезвычайных ситуациях и для гуманитарных миссий» [Idid., p. 47–48]. Что касается Греции, то премьер-министр А. Ципрас не раз выступал за снятие санкций с России, относя ее к новым центрам силы, которые начинают играть более важную роль в экономической и геополитической системах [Idid.].

Отдельно авторы доклада выделяют развитие российско-египетских отношений. Доминантой внешней политики Египта на протяжении многих лет было стремление поддерживать хорошие отношения с США, Россией и традиционными региональными

та, поэтому в боевом отношении он не представлял большой ценности. Так, в составе ВМС Украины не насчитывалось ни одной подводной лодки, а все указанные западными авторами «приращения» Черноморского флота РФ – это построенные на Адмиралтейских верфях (СПб.) ПЛ типа «Варшавянка» (проект 636) (не менее шести штук). Аналогичной является реальная ситуация и с другими видами кораблей. – *Прим. ред.*

союзниками, что можно объяснить необходимостью сохранить сложный баланс сил в регионе. Однако после «арабского пробуждения» официальный Вашингтон внес изменения в программу военной помощи стране. Явное беспокойство египетского правительства относительно его отношений с крупнейшим поставщиком вооружений заставило искать новых партнеров. В настоящее время отношения официального Каира с Кремлем включают в себя привычный пакет соглашений, касающихся энергетики и оружия. Один из вопросов регионального значения, где Россия и Египет разделяют единый подход, – это урегулирование гражданской войны в Сирии [War in reacetime., 2017, p. 47–48]. При этом в докладе подчеркивается, что выход российско-египетских отношений на новый уровень стал возможен потому, что Кремль своевременно занял вакуум, образовавшийся после ухода США. Однако активизацию российской внешней политики в Восточном Средиземноморье, по мнению западных аналитиков, не следует рассматривать как стремление стать ведущим игроком в регионе. Для этого у Москвы нет ни средств, ни желания [Idid.].

Украина и «необъявленная война» на Донбассе. Наряду с Белоруссией Украина занимает центральное место во внешнеполитических планах Москвы, поскольку она рассматривается последней как сфера своего влияния. Впервые это стало очевидным во время «оранжевой революции» (2004) на Украине, когда ряд депутатов Партии регионов при активной поддержке российских политиков предложили проект превращения Донбасса в Юго-Восточную Украинскую автономную республику [Facing Russia's., 2017, p. 19]. Позднее на Мюнхенской конференции по безопасности (2007) и на Бухарестском саммите НАТО (2008) В.В. Путин особое внимание уделил Грузии и Украине. Последняя, по его словам, представляет собой сложное государственное образование и ее вступление в Североатлантический альянс может поставить страну на грань существования [Idid.].

После падения власти В.Ф. Януковича на Украине Кремль, по мнению авторов исследования, «незаконно» присоединил Крым и спровоцировал необъявленную войну на Донбассе. РФ оказывала материальную, военную поддержку повстанцам в само-

провозглашенных республиках ДНР и ЛНР. Авторы полагают, что российская политика, направленная на дестабилизацию внутриполитической ситуации на Украине, преследует цель не допустить ее вступления в НАТО и ЕС. При этом авторы доклада со ссылкой на известного политолога из США З. Бжезинского отмечают, что политический класс в России никогда не принимал наличие Украины как независимого государства и субъекта международных отношений [War in peacetime., 2017, p. 39]. Однако, по мнению западных экспертов, в РФ, очевидно, недооценили или проигнорировали царившие в украинском обществе настроения. На Украине было три революции, и только в последнем случае на карту было поставлено больше, чем чисто внешняя политика Украины. Речь шла о фундаментальном выборе, который состоял в том, чтобы сохранить независимость и приблизиться к ЕС или отступить назад и снова стать частью «Российской империи», говорится в докладе. Этот геополитический выбор являлся не просто вопросом о географической принадлежности, а выбором между Востоком и Западом. Это был прежде всего вопрос ценностей и он означал, что Украина хотела продолжить начатый путь, став полноценной либеральной демократией [Idid.]. Вместе с тем они указывают на то, что действия Кремля привели к тому, что Украина оказалась практически потеряна для России. Что касается конфликта на Востоке Украины, то в ближайшее время вряд ли стоит рассчитывать на его решение.

Изменение потенциала НАТО в Восточной Европе. Действия России в Крыму и на востоке Украины привели к тому, что восточноевропейские государства – члены НАТО, такие как Польша и балтийские государства, не чувствуют себя в безопасности. Несмотря на определенные разногласия относительно тактики и стратегии в отношении России, на Варшавском саммите НАТО (2016) была принята концепция «Расширенного передового присутствия» (англ. Enhanced Forward Presence (EFP)). Оно предполагает создание многонациональных военных группировок в Эстонии, Латвии, Литве и Польше на ротационной основе. В ходе своей первой миссии эти военные группы должны возглавить соответственно Великобритания, Канада, Германия и Соединенные Штаты,

однако туда также войдут военные из Албании, Бельгии, Франции, Италии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Словении, Испании и Румынии. Размещение союзнических контингентов должно укрепить сплоченность Альянса, а кроме того, оно является недвусмысленным политическим посланием Москве [Facing Russia's., 2017, p. 22].

Сотрудничество НАТО с Финляндией и Швецией. Хотя Финляндия и Швеция формально не являются странами – участницами Североатлантического альянса, НАТО активно сотрудничает с обоими государствами с целью оценки угроз безопасности в Балтийском регионе, разработки информационных каналов, координации обучения, исследования методов ведения гибридных войн, повышения уровня взаимной осведомленности. Одной из главных сфер обеспокоенности является безопасность на море, в результате чего Швеция (Готланд) и Финляндия (Аландские острова) занимают центральное место в стратегии Альянса. Финские острова имеют демилитаризованный статус согласно международному праву, в то время как Готланд был недавно ремилитаризован – на его территории разместились 300 военных. Несмотря на некоторые сохраняющиеся различия, в последнее время страны Северной Европы и Балтии, особенно Финляндия и Эстония, имеют схожий подход к обеспечению безопасности, что обусловлено украинскими событиями. Это сближение было воспринято крайне болезненно российским политическим руководством, которое стремится не допустить вступления этих стран в НАТО. Например, посол России в Стокгольме В. Татаринцев в сентябре 2015 г. предупредил, что, хотя Швеция не является целью российских Вооруженных сил, ее дальнейшее сближение или даже вступление в НАТО может иметь серьезные последствия [Idid.].

Ответ НАТО в Черноморском регионе. НАТО исторически рассматривала Черноморский регион как важный для обеспечения безопасности Евро-Атлантического сообщества, что, в частности, нашло свое отражение в заключительном коммюнике Варшавского саммита НАТО (2016): «Мы столкнулись с изменениями в Балтийском и Черноморском регионах, в Северной Атлантике, а также в Средиземном море, которые имеют стратегическое значе-

ние для Альянса и наших партнеров. Россия продолжает наращивать военную мощь, усиливает военную активность, разворачивает новые виды вооружений и бросает вызов системе региональной безопасности» [Facing Russia's., 2017, p. 24].

Сегодня динамика усиления присутствия НАТО в Черноморском регионе активнее, чем когда-либо прежде, особенно на южном и западном побережьях, где расположены три страны – участницы Альянса (Болгария, Румыния и Турция), а региональная политика в области безопасности и обороны укрепляется с 2014 г. В качестве примера такой политики в докладе называются деятельность Комиссии НАТО–Украина (КНУ) и Комиссии НАТО–Грузия (КНГ), которые обеспечивают основу для тесного политического диалога и сотрудничества с целью поддержки усилий стран по реформированию и реализации их евро-атлантических устремлений. Кроме того, НАТО помогает Украине в восстановлении флота и охране побережья. Однако основную роль в укреплении позиций Североатлантического альянса на Черном море должна играть Румыния, поскольку именно на ее территории расположена система ПРО «Иджис». А в октябре 2017 г. было принято решение о развертывании на базе румынской бригады интернациональной части численностью 4 тыс. человек¹, в которой должны служить и военнослужащие других стран – участниц НАТО. Меры Альянса по предотвращению конфликтов воспринимаются Москвой как настойчивые действия, ставящие под угрозу ее национальную безопасность. На это Россия ответила усилением военного присутствия на Западе страны и в Крыму.

ЕС: позиция, цели и средства. Авторы доклада отмечают, что начиная с 1990-х годов официальный Брюссель рассматривал Россию как стратегического партнера. И хотя Россия из-за своей величины не могла быть интегрирована в ЕС, она вполне могла быть адаптирована к европейским стандартам и практикам. Однако действия Москвы весной 2014 г. в Крыму и на Донбассе заставили ЕС пересмотреть свою позицию на отношения с Россией. С одной

¹ «Ядро» дивизии «Юго-Восток», создаваемой на основе решения Варшавского саммита НАТО (2016). – *Прим. ред.*

стороны, Брюссель стремится поддержать восточноевропейские страны и сплотить ЕС, с другой – не исключает конструктивного диалога с Россией, в особенности по тем вопросам, где интересы обеих сторон пересекаются. Таким образом, в настоящее время Брюссель проводит двойственную политику, которая одновременно базируется и на сдерживании, и на ограниченной кооперации с Россией.

Роль ЕС в Балтийском регионе. Балтийский регион длительное время находится в поле зрения ЕС. Уже в 1992 г. при поддержке Европейского союза был создан Совет государств Балтийского моря, в который вошли 12 государств. Совет должен был стимулировать сотрудничество государств региона в таких сферах, как энергетика, торговля, культура (за исключением вопросов обороны). Для самого ЕС организация выступала в качестве платформы для диалога. При этом Европейский союз большое внимание уделял сотрудничеству с Россией в регионе. Как отмечается в докладе, усилия ЕС были направлены на помощь в переходе от милитаризованной экономики к рыночной, в решении экологических проблем и укреплении регионального сотрудничества. Однако сами авторы доклада признают, что, несмотря на выделение достаточно крупных средств на развитие отношений между Россией и ЕС в целом и на отдельные проекты (всего с 2007 по 2014 г. выделено 132 млрд евро), результаты были достаточно скромными.

Ответ ЕС в Черноморском регионе. Активные действия в Черноморском регионе ЕС начал предпринимать с апреля 2007 г., когда специальная комиссия представила концепцию «Черноморская синергия», после чего – уже в декабре 2008 г. – была представлена программа «Восточного партнерства», воспринимаемая как восточный «столп» «политики добрососедства» ЕС. Концепция «Черноморская синергия» была нацелена на развитие существующих схем сотрудничества как с новыми членами ЕС (Болгария, Румыния), так и со странами, играющими важную роль в регионе (Россия, Турция, Азербайджан) [Facing Russia's., 2017, p. 26–28].

Эволюция «восточной политики» ЕС, особенно программы «Восточного партнерства», может быть описана скорее как реак-

тивная, нежели проактивная. Она так или иначе связана с двумя крупными военными конфликтами в Черноморском регионе. «Пятидневная война» августа 2008 г., приведшая к признанию Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии, и расширение российского (и западного) военного присутствия в регионе ускорили запуск «Восточного партнерства» – политики, которая была представлена в декабре того же года как политический ответ на российский ревизионизм. В то же время отказ правительства Украины во главе с В.Ф. Януковичем подписать Соглашение об ассоциации с ЕС (2013) вызвал массовые протесты в украинской столице и последующие беспорядки в стране, которые, как утверждают авторы доклада, привели к российскому военному вмешательству и присоединению Крыма [Facing Russia's..., 2017, p. 28]. Оба эти события наглядно показали, что концепциям «Черноморской синергии» и «Восточного партнерства» недостает стратегической глубины. Европейский парламент в январе 2011 г. призвал Комиссию и новообразованную Европейскую службу внешних связей подготовить стратегию ЕС для Черного моря.

«В возрастающей степени черноморская политика ЕС, – говорится в докладе, – должна формулироваться в новых стратегических рамках, заданных Глобальной стратегией внешней политики и политики безопасности ЕС (представленной в июне 2016 г.), а также Белой книгой ЕС о будущем Европы и Римской декларацией, подписанной лидерами ЕС по случаю 60-й годовщины Союза» [Idid., p. 29].

Регионализм в Балтийском и Черноморском регионах. Начиная с 1990-х годов и в Балтийском, и в Черноморском регионах начинают формироваться механизмы кооперации и сотрудничества. К наиболее важным из них следует отнести уже вышеназванные Совет государств Балтийского моря и Организацию черноморского экономического сотрудничества. В первой организации Европейская комиссия является полноправным членом, а во второй – наблюдателем. Вместе с тем сотрудничество между странами в названных регионах происходит не только на экономическом, но и на политическом уровне. Ярким примером этого может служить создание Парламентской ассамблеи «Евронест», которая состоит

из делегации Европейского парламента (60 членов) и пяти делегаций государств – членов «Восточного партнерства» (10 человек от делегации). Предполагается, что эта организация будет распространять правила и нормы ЕС в странах – участниках программы «Восточное партнерство». Таким образом, принятые резолюции были сконцентрированы на продвижении демократии и усилении гражданского общества, гармонизации законодательства государств – участников «Восточного партнерства» с экономическим законодательством ЕС, в том числе по энергетике и региональной безопасности.

Это проявилось, в частности, в том, что в отличие, например, от ПАЧЭС (Парламентская ассамблея черноморского экономического сотрудничества.) Парламентская ассамблея «Евронест» приняла политические резолюции, касающиеся в том числе и политики России в Украине. Однако при значительных политических различиях между их членами и отсутствии сильной приверженности к исполнению пока не сложились условия для сколько-нибудь осмысленной социализации и нормативной работы. Все это, безусловно, блокирует работу межпарламентских ассамблей [Facing Russia's..., 2017, p. 31–32].

Региональные последствия конфликтов в Причерноморье. Однако главную угрозу для системы европейской безопасности представляют многочисленные конфликты в Черноморском регионе, о чем прямо заявила Ф. Могерини в 2016 г. Прежде всего речь идет о грузино-осетинском конфликте, войне на востоке Украины и обострившейся в последнее время ситуации в Нагорном Карабахе. Эти конфликты привели к милитаризации и многократному увеличению расходов на оборону стран региона. Однако качественное изменение произошло в 2015 г., когда Россия приняла прямое участие в гражданской войне в Сирии на стороне правительства Б. Асада. Как отмечается в докладе, Москва впервые после окончания холодной войны задействовала в Сирии крупные силы флота, развернула зенитно-ракетные комплексы «С-300» [Idid., p. 33]. На фоне продолжающейся войны в Сирии и участия в ней крупных держав (США, Россия, Турция), преследующих свои интересы, это может привести к серьезному обострению ситуации в регионе.

При этом ситуация для ЕС и НАТО осложняется тем, что в последнее время Турция сближается с Россией (договоренность о потенциальной покупке официальной Анкарой ПЗРК «С-400»).

Измерение энергетической безопасности. Как отмечают западные аналитики, на сегодняшний день российский экспорт нефти явно доминирует на рассматриваемых региональных рынках. Экспорт нефти из России в страны Евросоюза неуклонно растет: с 120,165 млн тонн в 2000 г. до 150,984 млн тонн в 2014 г., что соответствует 30% общего объема импорта и 24,6% конечного спроса. В то же время норвежский экспорт углеводородов в ЕС, основной альтернативный источник нефти для стран Балтии и восточной части ЕС, за тот же период почти вдвое снизился, сократившись с 102,382 млн тонн в 2000 г. до 67,131 млн тонн в 2014 г., и составил в 2014 г. лишь 11% спроса ЕС по сравнению с долей в 16,56% в 2000 г. В целом для рассматриваемых регионов, в которые входят Болгария, Хорватия, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Греция, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия и Швеция, характерен чистый коэффициент зависимости от импорта в 88,5%, т.е. на одном примерно уровне со средним показателем всего ЕС в 88,7% [Facing Russia's., 2017, p. 34]. Однако, как отмечается в докладе, вопреки распространенному мнению зависимость от поставок российских энергоресурсов не так уж велика, поскольку международный нефтяной рынок гораздо более гибок, а стоимость транспортировки нефти составляет лишь малую долю стоимости транспортировки газа. «Это означает, что в случае введения Россией эмбарго на поставки нефти в регион нефть из альтернативных источников сможет попасть на пострадавшие рынки гораздо быстрее по сравнению с поставками газа» [Facing Russia's., 2017, p. 34]. Не менее важную роль играет и то обстоятельство, что начиная с 2009 г. все рассматриваемые государства ЕС обязаны хранить стратегические резервные запасы сырой нефти или нефтепродуктов на случай возникновения кризисной ситуации. При этом запасы нефти не должны падать ниже уровня импорта за 90 дней или 61 день среднего суточного потребления.

Западные исследователи не списывают со счетов возможность использования Россией своих энергоресурсов для давления

на Запад. «Тем не менее, – говорится в докладе, – сегодня уже не кажется разумным представлять эти вызовы как критически важную угрозу энергетической безопасности региона, поскольку природный газ играет и, вероятно, будет играть ограниченную роль в энергетическом балансе входящих в него стран. В отличие от общего среднего показателя ЕС, в котором природный газ занимает 21,4% валового внутреннего потребления Союза, являясь вторым по важности первичным энергетическим ресурсом после нефти, регион в основном потребляет энергию нефти и угля» [Facing Russia's..., 2017, p. 36]. Природный газ занимает (и занимал) в энергетическом балансе региона четвертое место после нефти, угля и возобновляемых источников энергии, в первую очередь гидроэлектроэнергии. Зависимость региона от импорта российского газа в части чистой импортной зависимости снижается с 2010 г. и будет продолжать снижаться в течение следующих пяти лет, поскольку к началу 2020-х годов сюда «прорвутся» новые поставщики газа. В 2010 г. на экспорт российского газа в рассматриваемом регионе приходилось 90% общего объема импорта. А в 2017 г. Польша уже импортировала спотовый СПГ из США и планирует построить газопровод мощностью 13 млрд куб. м в год, который соединит страну с норвежской сетью через Данию и Швецию. Так называемая «Балтийская труба» («Baltic Pipe»), стоимость которой оценивается в 1,6–2,1 млрд евро, будет экспортировать 3 млрд куб. м норвежского газа в Швецию и Данию, а оставшиеся 10 млрд куб. м/год – транзитом в Польшу. Хотя проект все еще находится на относительно ранней стадии и пока неясно, будет ли он введен в эксплуатацию к 2022 г., весьма вероятно, что он будет завершен до середины 2020-х годов, что позволит Польше полностью заменить импорт газа из России.

Выводы и политические рекомендации. И Черноморский регион, и Балтика играют большую роль в архитектуре европейской безопасности. Однако контексты, в которых разрабатывается политика ЕС в Балтийском море и Черноморском регионе, существенно различаются. Во-первых, присутствие ЕС в Черноморском регионе явно более ограничено, чем в регионе Балтийского моря, – причем, во всех аспектах. «Хотя Черное море, безусловно, не является

“русским озером”, – отмечают авторы доклада, – оно все же представляет собой бассейн, в котором процесс европеизации зашел в тупик и где другие процессы, такие как Евразийский экономический союз, вызывают центробежные силы, направленные от Брюсселя» [Facing Russia's., 2017, p. 39]. Кроме того, в Черноморском регионе по-прежнему «тлеют» давние затяжные конфликты: в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии, а также зреют новые, такие как в Восточной Украине, которые превратили регион в самую неустойчивую часть Европы и урегулирование которых напрямую влияет на отношения Запада и России. Черное море граничит с одним из самых нестабильных регионов – Ближним Востоком, который страдает от международного терроризма и угрожает безопасности нескольких западных странах. Кроме того, Черное море является зоной потенциального расширения ЕС и НАТО, и этот процесс влияет на присутствие там и политику других глобальных игроков, особенно России, Китая и Турции.

Неравнозначность позиций НАТО и ЕС в обоих регионах вкупе с региональной спецификой требует выработки особой стратегии для каждого из них. Что касается региона Балтийского моря, то Евро-Атлантическое сообщество, отмечается в докладе, должно обеспечить сдерживание России за счет твердой приверженности обеспечению безопасности своих государств – членов Балтии и продвижения Балтийско-Скандинавского оборонного сотрудничества. В этой связи авторы доклада предлагают ряд конкретных мер для достижения поставленных целей.

1. Стратегическое значение региона Балтийского моря для России не следует недооценивать или преуменьшать. Этот регион не периферийный, а скорее является одним из основных «краеугольных камней» внешней политики РФ и ее геополитических интересов. Факты и доказательства свидетельствуют, что Кремль продолжает распространять свое влияние в регионе.

2. Европе как никогда требуется сплоченность в качестве ответа на активность РФ. Власти ЕС должны продемонстрировать Кремлю, что региональные проблемы не являются проблемами отдельных стран. Россия должна признать, что ее сложные отно-

шения с одной страной (группой государств) являются предметом пристального внимания как НАТО, так и ЕС.

3. Военные аспекты. Несмотря на то что нет непосредственных военных угроз, государства – члены ЕС должны достичь большей сплоченности и единства в сфере военного сотрудничества. Несмотря на то что военное присутствие США в регионе растет, баланс сил сохраняется явно в пользу России. Это также означает, что достижение уровня военных расходов в 2% от ВВП в бюджет НАТО является обязательным, что стало бы лучшим доказательством приверженности общим ценностям и серьезным аргументом для РФ, где официальная пропаганда не рассматривает Европу в качестве субъекта, способного к решительным коллективным действиям.

4. Борьба с дезинформацией и координация деятельности в области кибер-безопасности должны стать ключевыми элементами согласованных стратегий НАТО и ЕС.

5. ЕС должен осознавать рост значимости Калининградской области для РФ в качестве форпоста ее влияния, стержня «Русского мира» в Прибалтике.

Черное море является самым слабым звеном европейской безопасности, при этом оно играет ключевую роль в глобальной политике в области безопасности. Высокий потенциал военной конфронтации на Южном Кавказе и на востоке Украине означает, что евро-атлантические союзники должны также обеспечивать наличие защитных механизмов для стран, не входящих в НАТО, но чья безопасность жизненно важна для собственных интересов Альянса. НАТО должна поддерживать сильное морское, сухопутное и воздушное присутствие в регионе, проводить дополнительную подготовку и учения. В тандеме с институтом и странами – участниками ЕС НАТО должна поддерживать региональное сотрудничество в области обороны в Черном море и помогать в реформировании и модернизации систем безопасности черноморских государств (безопасность на море, трансграничное сотрудничество, обмен опытом и т.д.) [Facing Russia's., 2017, p. 40–41].

Сказанное подразумевает осуществление конкретных действий, а не предложение некой новой политической инициативы

(Европейская комиссия, 2016). Европейский парламент в резолюции 2011 г. поддержал идею «Стратегии по Черноморскому региону» в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС¹. Региональный и глобальный контексты, а также переходный период, через который проходит Европейский союз после начала процесса Брекзита, отнюдь не упрощают формулирование соглашений о внешней политике в регионах, особенно в геополитически оспариваемых районах. Тем не менее ЕС не должен забывать о проблемах Причерноморья, – наоборот, должен как можно скорее активизировать механизмы сотрудничества, особенно в таких приоритетных областях, как изменения климата, безопасность на море, образование, исследования, приграничное сотрудничество и общественные связи.

Список литературы

Facing Russia's Strategic Challenge: Security Developments from the Baltic to the Black Sea. – Brussel: EU Directorate-General for External Policies. Policy Department, 2017. – 45 p. – Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603853/EXPO_STU\(2017\)603853_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603853/EXPO_STU(2017)603853_EN.pdf) (Date of access – 15.03.2018).

War in peacetime Russia's strategy on NATO's Eastern and Southern Flanks / N. De Pedro and Fr. Ghilès (Ed.). – Barcelona: Centre for International Affairs: The Institute for strategic Statecraft, 2017. – 80 p.

¹ Данная резолюция называется «О необходимости для ЕС и Европейской службы внешнеполитической деятельности разработать стратегию для Черноморского региона параллельно с пересмотром Европейской политики соседства». – *Прим. авт.*

Раздел II.
СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ
АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ:
СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
Part II.
SUBREGIONAL ASPECTS OF SECURITY:
NORTHERN AND EASTERN EUROPE

**Ф.О. ТРУНОВ, 2018 ©
TRUNOV PHILIPP**

**СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАТО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
NORTHERN EUROPEAN DIMENSION OF THE NATO
ACTIVITY DURING THE MODERN PERIOD**

Аннотация. В статье исследуется эволюция взаимодействия НАТО со скандинавскими странами и Финляндией с середины 2010-х годов. Показывается общее и различное в процессах строительства вооруженных сил Норвегии как страны – участницы Альянса и нейтральных Швеции и Финляндии. Изучаются направленность и особенности основных учений НАТО в регионе, особенно проводимых в арктической зоне. Делается вывод о перспективах роли и места рассмотренных стран в евро-атлантической региональной подсистеме в сфере международной безопасности.

Abstract. The article explores the evolution of the cooperation between NATO from one side and Scandinavian countries and Finland from another side since middle 2010-s. The paper shows the common and different issues in the process of the armed forces building in Norway as the Alliance member state and neutral Sweden and Finland. The article determines the direction and features of main NATO military exercises, first of all organized in the Arctic zone. The paper concludes about the perspectives of the role and place of the studied countries in the Euro-Atlantic regional subsystem in the sphere of international security.

Ключевые слова: НАТО, Норвегия, Швеция, Финляндия, военно-стратегические меры, Арктика.

Keywords: NATO, Norway, Sweden, Finland, military-strategic measures, Arctic.

Значимость государств Северной Европы – в первую очередь, Норвегии, Швеции и Финляндии – существенно возрастает в стратегическом планировании НАТО, на что указывают характер и масштаб военно-политической активности блока в регионе. По мнению автора, эта тенденция вызвана преимущественно долгосрочными, нежели кратко- и среднесрочными факторами. Первый из них – это растущая экономическая (в том числе геоэкономическая) ценность Арктики и увеличение той роли региона не только в макроэкономических, но и мирополитических процессах. Здесь необходимо отметить увеличение технических возможностей по обеспечению постоянного (и тем более временного) военно-политического присутствия в глубинных районах Северного Ледовитого океана (СЛО) по сравнению с периодом «классической» холодной войны. Причем готовность к расширению стратегического проникновения в регион проявляют не только арктические страны (Россия, Норвегия, Дания, Канада, США), но и значительно более широкий круг государств.

Второй фактор тесно связан с особым военно-стратегическим положением стран региона в условиях драматичного падения доверия Запада в отношениях с Россией. Как следует из заявлений начальника объединенного военно-морского командования НАТО «Юг» в Неаполе (Италия) адмирала Дж.Г. Фогто, руководство Альянса официально рассматривает возможность начала «Четвертой битвы за Атлантику»¹ в случае возникновения масштабной эскалации военно-политического кризиса в отношениях с РФ [Admiral Foggo., 2018]. В этой связи особую ценность приобретают военно-морские базы на севере Норвегии (от Тромсё и Тронхейма до Финнмарка). Они выступают пунктами базирования и поддержки военно-морских сил, которые в случае начала «Четвертой битвы за

¹ Под первой и второй «битвами за Атлантику» международное научное сообщество традиционно понимает борьбу коалиционных ВМС (в первую очередь, Великобритании и США) с кригсмарине в годы Первой (1914–1918) и Второй (1939–1945) войн. В понимании западного истеблишмента третья «битва за Атлантику» – противодействие советскому ВМФ в Атлантическом океане в годы холодной войны, не включавшее боевое использование кораблей. – *Прим. авт.*

Атлантику» могут быть выделены для бонирования Баренцева и Норвежского морей с целью сокращения возможности выхода Северного флота как наиболее мощного объединения ВМФ РФ в Атлантический океан.

Третий фактор состоит в наличии у стран Северной Европы значительного военного потенциала (и подготовленного к эффективному использованию в специфических условиях скандинавского и арктического ТВД) на фоне высокой степени политической предсказуемости действий этих стран и одновременно технологически развитого промышленного сектора. Это положение приобретает исключительное значение для Запада в условиях сокращения количественных характеристик (численность личного состава, единиц вооружений и военной техники) вооруженных сил его стран-участниц. Активизация процесса военного строительства в государствах Северной Европы существенно прямо (в случае с государствами – членами НАТО) и косвенно (условно нейтральные¹ государства) усиливает потенциал Альянса – как на северных рубежах, так и в целом.

Примечательна в этой связи динамика роста военных расходов ключевых государств региона (табл. 1). Как видно из нее, условно нейтральные государства Северной Европы (особенно Швеция) даже в большей степени, чем состоящие в Альянсе, увеличивают свои затраты на военные цели.

Задача данной статьи – рассмотреть особенности политики Североатлантического блока в отношении государств региона на примерах Норвегии и условно нейтральных Швеции и Финляндии. Фокусирование на данных странах обусловлено, во-первых, их особым военно-стратегическим положением (вблизи СЛО), во-вторых, значительной мощностью национальных вооруженных сил. В этой связи катализатором динамики развития отношений государств региона с Альянсом как таковым и отдельными странами-участницами являются масштаб, интенсивность и географическая направленность

¹ Одним из первых отечественных исследователей термин «условно нейтральные государства» стала употреблять отечественный исследователь Е.В. Корунова с учетом принятия Швецией и Финляндией обязательств по ОВПБ ЕС. – *Прим. авт.*

военных шагов сторон – в первую очередь, совместных учений, соответственно, исследование характеристик и особенностей крупнейших из них в середине – второй половине 2010-х годов.

Таблица 1

**Расходы на военные цели североευропейских государств¹
млн долл.**

Страна год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Государства – члены НАТО								
Дания [Defence Expenditures..., 2016, p. 2–5]	4337	4504	4518	4423	4216	4056	3364 ²	3474
Норвегия [Defence Expenditures..., 2016, p. 2–5]	6196	6499	7232	7143	7407	7336	5815	5936
Условно нейтральные государства								
Швеция [Sweden Military..., 2018]	4814	5210	4899	5001	5030	5329	5387	5344
Финляндия [Finland Military..., 2018]	3164	3097	3146	3182	3189	3003	3051	3247

**Особенности военно-тренировочной деятельности
под эгидой НАТО в Норвегии и Арктике**

Непосредственно после возвращения Крыма в состав России (17 марта 2014 г.) Норвегия, как государство – участник Альянса, стала не только де-юре, но и де-факто активно поддерживать принятые на уровне НАТО решения по замораживанию абсолютного большинства направлений военно-политического сотрудничества

¹ В табл. 1 отсутствуют данные по Исландии, так как она не имеет вооруженных сил. По этой же причине военно-тренировочная деятельность (особенно наземная) на ее территории является очень ограниченной по объему. – *Прим. авт.*

² Наблюдаемое на первый взгляд понижение расходов в 2015–2016 гг. обусловлено серьезным подорожанием доллара. В реальности продолжился рост расходов. – *Прим. авт.*

с РФ. В частности, было прекращено проведение ежегодных (последние состоялись в 2013 г.) учений «Помор», а также взаимных визитов военных кораблей (в том числе подводных) в порты друг друга [Norway launches..., 2015].

Норвежский истеблишмент стал заявлять о якобы агрессивном характере внешней политики РФ, в том числе на северных (включая арктическое) направлениях. Здесь нельзя не отметить, что официальный Осло перечеркнул имевшийся именно у королевства положительный опыт компромиссного решения с РФ территориальных споров: 5 сентября 2010 г. в результате двустороннего соглашения спорная акватория Баренцева моря была разделена по формуле 50% на 50%. С российской стороны подписантом соглашения стал тогдашний президент Д.А. Медведев, а с норвежской – премьер-министр Й. Столтенберг, в 2014 г. избранный (после своего ухода с поста председателя правительства Норвегии) генеральным секретарем НАТО.

Жесткая риторика в отношении России тесно переплеталась с реализацией официальным Осло двух основных направлений по повышению своих военно-политических возможностей:

- 1) перестройкой национальной системы организации обороны;
- 2) наращиванием масштабов и углублением практического сотрудничества на территории королевства с партнерами по НАТО (в первую очередь, США и Великобританией).

Осевой составляющей являлась реализация концепции «всеобщей обороны» (Total Defence Concept), основой которой являлось налаживание гражданско-военного взаимодействия, т.е. встраивания различных государственных и частных структур и общества в процесс строительства вооруженных сил [On track..., 2018]. Применительно к Норвегии решение этой задачи приобретает особое значение ввиду:

- относительно небольшой численности вооруженных сил (21 тыс. военнослужащих) [Defence Expenditures..., 2016, p. 6–7] и ограниченных обученных мобилизационных резервах (до 50–55 тыс.);¹

¹ Рассчитано автором на основе данных о численности населения Норвегии, сайтов < <https://forsvaret.no> > и < <http://vpk.ru> > (Дата обращения – 5.04.2018.)

- огромной протяженностью береговой линии (свыше 25 тыс. км);

- значимости привлечения гражданского населения и использования невоенных хозяйственных объектов к решению вопросов территориальной обороны в условиях Крайнего Севера (особенно в Финнмарке).

Кроме того, с точки зрения автора, наблюдается усиливающееся стремление Норвегии играть более высокую по сравнению с ее формальным удельным военным весом политико-военную роль в Североатлантическом альянсе. Иллюстрацией этого является тот факт, что Норвегия в рейтинге стран – участниц НАТО по объему военных расходов на душу населения занимает второе место после США (!). Так, в 2016 г. на одного гражданина Соединенных Штатов Америки приходилось 1,876 тыс. долл. (в ценах 2010 г.) трат на оборонные цели, Норвегии – 1,398 тыс. долл., а расположенной на третьем месте Великобритании – лишь 0,913 тыс. долл. [Defence Expenditures., 2016, p. 6–7]. Для Франции этот показатель составляет 0,747 тыс., ФРГ – 0,542 тыс., Италии – 0,380 тыс., а Польши – 0,297 тыс. долл. [Defence Expenditures., 2016, p. 6–7].

Так, параллельно с реализацией закупки трех новых фрегатов для охраны побережья в Финнмарке планируется создать гражданскую рыболовецкую компанию, суда которой могут стать вспомогательными единицами (в первую очередь, транспортными) ВМС Норвегии в случае роста напряженности в Северном Ледовитом океане [Defence budget., 2018].

В 2015 г. стортинг одобрил реактивацию Меморандума о взаимопонимании с НАТО (MoV) (подписан в 2006 г.), включавшем положения об интенсификации военно-тренировочной деятельности США и их партнеров в Норвегии, а также возможность размещения контингентов первых на территории королевства. Уже к 2017 г. в Финнмарке, в самой северной губернии страны, были на ротационной основе развернуты 330 (две роты) моряков, бойцов береговой охраны и морских пехотинцев США [US Marines., 2017]. Небезынтересно, что если в Восточной Европе (особенно в странах Балтии и Польше) НАТО активно анонсируется развертывание сил передового развертывания (из состава войск как США, так и их

европейских партнеров по блоку), то в Норвегии – нет. Примечательно также, что на территории королевства размещен контингент лишь самих Соединенных Штатов. Чем это обусловлено? Во-первых, официальный Осло (в отличие от восточноевропейского истеблишмента) не стремился демонстрировать свою озабоченность «российской угрозой», тем самым становясь просителем военной помощи со стороны западноевропейских и североамериканских государств – членов НАТО, поскольку понимал, что это будет воспринято как слабость. Во-вторых, учитывая развёртывание этих войск в арктической зоне, афиширование этого факта может стать для РФ еще одним обоснованием своего объективно обусловленного наращивания военно-политического присутствия в Северном Ледовитом океане, которое в реалиях второй половины 2010-х годов осуществляется с опережением аналогичных действий Североатлантического альянса.

К этому следует прибавить увеличение численности контингентов США (и Великобритании) на территории Норвегии, прибывающих в страну для участия в интенсифицировавшейся военно-тренировочной деятельности. В мае 2015 г. над акваторией Баренцева моря были проведены военно-воздушные учения «Arctic Challenge» с участием свыше 100 истребителей, бомбардировщиков и разведчиков (т.е. эквивалента усиленного авиакрыла) и 5 тыс. военнослужащих. Авиатехника и экипажи были выделены североевропейскими государствами, Великобританией, США, Францией и Германией, а также Швейцарией. Здесь необходимо отметить, что для базирования авиации использовались военные аэродромы не только Норвегии, но и Финляндии (Рованиemi и Лулео), а также Швеции. Иными словами, была отработана возможность оперативной переброски и использования в арктических условиях крупной группировки ВВС с базированием на территории Скандинавского полуострова и Финляндии. В мае 2017 г. учения «Arctic Challenge» были вновь проведены, причем численность техники и личного состава, задействованных в них странами – участницами Альянса, осталась на прежнем уровне [ACE 17 Air Exercise., 2017].

В середине – второй половине 2010-х годов на территории Норвегии проводились два основных типа учений, которые в основном носили комбинированный характер (наземная, морская и воздушная компоненты): «Joint Viking» и «Cold Response» [Norway launches., 2015]. Главной целью учений «Joint Viking» являлась проверка возможности вооруженных сил королевства по созданию и наращиванию межвидовых группировок в результате перебросок войск на значительные (до 1 тыс. км) расстояния. Каждый год они проходили в одной из прибрежных норвежских губерний (табл. 2).

Таблица 2

Места проведения учений «Joint Viking»¹

Год	Провинция	Географическое положение
2013	Хордаланн	Юг Норвегии
2014	Тромс	Север Норвегии
2015	Финнмарк	Крайний Север, пограничная с Россией провинция
2016	Трёнделаг	Центральная часть страны
2017	Финнмарк	Крайний Север, пограничная с Россией провинция

Как видно из нее, с момента стратегического ухудшения отношений с РФ учения стали преимущественно проводиться в относительной близости от нее, на севере Норвегии. В 2015 г. в «Joint Viking» приняли участие свыше 5 тыс. военных (или около 25% всей норвежской армии) и 400 единиц боевой техники. Эти учения стали самыми крупными в Финнмарке с 1967 г. [Norway launches., 2015]. В 2017 г. проводимая здесь военно-тренировочная деятельность приобрела еще больший размах: для проведения «Joint Viking» были привлечены около 7,5 тыс. норвежских военных (или 1/3 от их общего числа), а также 700 солдат и офицеров ВМС и армии США и Великобритании. Уникальным стал факт временной передачи подразделений войск англосаксонских держав под норвежское (!) руководство [Joint Viking., 2017]: традиционно США отказывались передавать свои воинские контингенты под иностранное военное командование. Чем обусловлен данный фено-

¹ Составлено автором на основе: [Joint Viking, 2017].

мен? Прежде всего повышенным интересом Соединенных Штатов и Соединенного Королевства к перенятию богатого военно-тренировочного опыта норвежских войск в арктических условиях. Здесь необходимо отметить, что США и тем более Великобритания не располагали сколько-нибудь значительными специально обученными для действий на Крайнем Севере войсками (в отличие от Канады и России). Одновременно англосаксонские державы подчеркивали близость своих позиций с Норвегией по широкому кругу вопросов, в том числе по Арктике.

Если учения «Joint Viking» проводились осенью, то «Cold Response» – весной, в основном на севере Норвегии (в том числе в губернии Финнмарк). В частности, «Cold Response 2014» (с участием 16 тыс. военнослужащих) пришлось на время вхождения Крыма в состав России. По сравнению с «Joint Viking» этот вид учений носил более масштабный характер – в первую очередь, за счет привлечения большего числа стран-участниц и государств – партнеров НАТО. В 2016 г. активная фаза «Cold Response» продолжалась более месяца (с 19 февраля по 22 марта), а контингенты общей численностью 15 тыс. военных были выделены всеми североевропейскими государствами¹, США, Канадой, Великобританией, Германией, Нидерландами, а также Бельгией, Испанией и Польшей [Cold Response..., 2016]. Иными словами, в данных учениях отрабатывалось взаимодействие войск всех арктических стран, кроме России. Главной целью учений являлась проверка возможности быстрого развертывания, передислокаций и бесперебойного управления крупной (эквивалент дивизии) многонациональной группировкой, «ядро» которой составляли войска Норвегии, США и Великобритании. Особое внимание уделялось скорости переброски военной помощи Дании и Швеции в Норвегию. В ходе «Cold Response» отрабатывалось оказание логистической и снабженческой поддержки сил НАТО со стороны гражданских структур королевства [Cold Response..., 2016].

¹ За исключением Исландии ввиду отсутствия у нее вооруженных сил. – Прим. авт.

Особую роль в подготовке норвежских вооруженных сил должны были сыграть учения «Trident Juncture 2018». Если в ходе «Trident Juncture 2016» (они проводятся раз в два года) Норвегия была лишь одним из географических направлений использования войск, притом достаточно ограниченного по масштабам (800 военнослужащих) [NATO ready..., 2016], то на «Trident Juncture 2018» практически все войсковые тренировки должны были проходить в Норвегии¹ (командно-штабная компонента – в Неаполе). Уже в феврале 2018 г. командование ВМС США в Европе посетило Норвегию с целью детализации программы мероприятий и рекогносцировки районов проведения, расположенных на севере территории и прибрежных вод королевства. Со стороны НАТО было принято решение развернуть межвидовую группировку численностью от 35 тыс. до 50 тыс. военнослужащих, поддерживаемую более 70 кораблями и 130 боевыми самолетами наземного и морского базирования [Plans for massive..., 2018].

Особое внимание в ходе проведения учений планировалось отработать осуществление тактических (до бригады включительно) десантов на скалистое, не предназначенное для выброски крупных сил побережье [On track..., 2018]. По своему природному рельефу фьорды Норвегии весьма схожи с побережьем Кольского п-ова. Это, по мнению автора, означало демонстрацию НАТО отработки выполнения не только и не столько оборонительных, сколько наступательных задач по созданию угрозы основным базам (Мурманск, Полярный) в западной части российской Арктики² в случае возникновения масштабного военно-политического кризиса. Еще одной важной задачей учений «Trident Juncture 2018» являлась проверка возможности не только использовать, но и обеспечивать снабжение всем необходимым крупной группировки на Крайнем Севере [Ibid]. Примечательно, что в ходе проведения «Trident Juncture 2018» должно было на практике отрабатываться взаимо-

¹ Отдельные компоненты учений проходили на территории условно нейтральной Швеции. – *Прим. авт.*

² Под данным субрегионом России автором понимаются акватории Белого, Баренцева, Карского и Лаптевых морей, окаймляющие их острова и прибрежные территории Крайнего Севера. – *Прим. авт.*

действие гражданских компаний и органов управления Норвегии с военными, причем именно на первых ложилась основная доля логистической нагрузки в деле тылового обеспечения группировки стран – участниц блока [On track., 2018]. Тем самым проводилась масштабная проверка «концепции всеобщей обороны».

Необходимо отметить, что «Trident Juncture 2018» – это вторые с 2014 г. учения стран-участниц в относительной близости от границ РФ, на которых анонсировано участие до 50 тыс. военнослужащих. Первые из них («Anakonda 2016»), в которых была задействована 31 тыс. солдат и офицеров, проводились на территории Польши в июне 2016 г. в преддверии Варшавского саммита НАТО [NATO countries., 2016]. Очевиден ряд значимых отличий между «Anakonda 2016» и «Trident Juncture 2018». Первое проходило летом в условиях умеренного континентального климата Польши, второе – поздней осенью в районах Норвегии с арктическим и субарктическим климатом. Государство-реципиент «Anakonda 2016» располагало 100-тысячными вооруженными силами, в то время как Норвегия – лишь 21-тысячными. Соответственно, если на учениях «Anakonda 2016» доля польских войск составляла 45% (14 тыс.), то на «Trident Juncture 2018» участие собственно норвежских сил вряд ли перевалит за отметку в 20%. При этом во втором случае выше все общие количественные параметры учений, которые планируются в значительно большей степени комбинированными (т.е. с активными тренировками на море, а не только на суше), чем это было в случае с «Anakonda 2016». Ключевую роль в учениях «Trident Juncture 2018» будут играть контингенты США и Великобритании, и масштаб их участия будет в 2–3 раза больше, чем в ходе «Anakonda 2016».

О чем свидетельствуют представленные различия? Главное – о демонстративном стремлении Альянса и входящих в него стран, в первую очередь США, Великобритании и Норвегии, отработать развертывание и использование крупной межвидовой группировки сил и средств на арктическом театре военных действий. Здесь необходимо подчеркнуть, что в условиях Крайнего Севера, что стало очевидным еще в годы Второй мировой войны, ценность одного отдельного взятого подразделения (не говоря уже о соедине-

нии) существенно выше, чем в «обычных» природно-климатических условиях. Так, одна бригада в условиях Арктики выполняет те задачи (по географическому охвату), которые в районах с умеренным климатом могут решить 6–12 аналогичных по численности соединений¹. Соответственно, 35-тысячная группировка на Крайнем Севере способна решать задачи фронтового уровня, выступая серьезным противовесом военным силам РФ, дислоцированным в западной части российской Арктики.

В ходе учений «Anakonda 2016» была, с точки зрения автора, апробирована возможность масштабного наращивания группировки НАТО на западном, т.е. на наиболее насыщенном войсками, направлении. Целью проведения «Trident Juncture 2018» являлась возможность надежно обеспечить крайний левый (северный) фланг восточных рубежей Альянса. Тем самым на практике подтверждалась возможность НАТО защищать свои интересы в рамках вновь выстраиваемой системы территориальной обороны на любом географическом направлении [Plans for massive..., 2018]. Для Норвегии, как отмечал начальник Военного управления² Министерства обороны королевства адмирал Х. Бруун-Хансен, эти учения давали возможность продемонстрировать способность войск страны (вместе с партнерами) обеспечить территориальную целостность и суверенитет.

Важной составляющей рассмотренной военно-тренировочной деятельности на территории Норвегии являлось повышение уровня защищенности штабных учреждений от киберугроз. Для этого в рамках реализации концепции «всеобщей обороны» Отдел по отражению киберугроз Министерства обороны Норвегии стал активно сотрудничать с ключевым телевизионным каналом стра-

¹ Так, в годы Великой Отечественной войны на Крайнем Севере средняя протяженность полосы обороны на одну расчетную дивизию составляла 73 (!) км, в то время как на остальных участках советско-германского фронта – от 5 до 12 км [Штеменко, 1974, с. 373].

² Высший пост в Министерстве обороны Норвегии, который может занимать кадровый действующий военный (аналог поста генерал-инспектора в бундесвере). – *Прим. авт.*

ны «Telenor Norway» в деле разработки современных средств и методик отражения кибератак [Norway worries..., 2018].

Таким образом, в случае с Норвегией наблюдается параллельное развитие двух тенденций: наращивание возможностей национальной военной системы и одновременно расширение вовлеченности НАТО в обеспечение безопасности королевства. При этом укрепление позиций Альянса в Норвегии не может быть рассмотрено в отрыве от процесса его сближения со Швецией и Финляндией, стоящих на позициях условного нейтралитета.

Процесс военного строительства в Швеции и Финляндии: фактор взаимодействия с НАТО

На Уэльском саммите НАТО (4–5 сентября 2014 г.) Швеция и Финляндия подписали Меморандум о взаимопонимании с НАТО [Finland and Sweden..., 2014]. Это стало правовой основой взаимного встраивания стран – участниц блока в военно-тренировочную деятельность условно нейтральных североевропейских государств и, в свою очередь, участия последних в боевой подготовке группировок Альянса (главным образом сил быстрого реагирования и особенно их военно-морской составляющей). Данные решения стали идентификаторами курса двух условно нейтральных государств в области международной безопасности, выраженного в следующей формуле: де-юре отказ от вступления в Альянс, де-факто установление с ним многовекторного (в том числе институционализированного по ряду направлений) военно-политического сотрудничества. Уже в период 2016–2017 гг. Швеция и Финляндия включили свои ударные войска (из состава всех родов войск) в процесс подготовки сил быстрого реагирования НАТО.

Годичный цикл военно-тренировочной деятельности королевства Швеции разделяется на два основных периода: с середины мая по конец июня и с сентября по ноябрь. В середине – второй половине 2010-х годов первый из них включал в себя комплекс воздушных, наземных (в первую очередь, VÄRELD) и морских (SWENEX) учений. Средний масштаб каждого из них составлял 1,5–3 тыс. военнослужащих, а большинство из них проходят в юго-западной и южной (провинция Сконе) частях Швеции [Militära

flygövningar..., 2018]. В основном в учениях участвуют боевые группы (т.е. «ядра») полков, бригад и отдельных бронетанковых батальонов (на море – групп, в воздухе – эскадрилий), а ключевыми отрабатываемыми задачами являются отлаживание взаимодействия как между подразделениями внутри частей, так и между ними. Большинство данных учений (особенно наземных) являются национальными; исключение составляют лишь учения BALTOPS, в ходе которых отлаживается взаимодействие между государствами Запада, имеющими ВМС на Балтийском море (страны Балтии, Польша, Дания, Швеция и Финляндия) с 1-й постоянной контрминной и 1-й постоянной морской группами НАТО. Здесь необходимо отметить, что помимо выделения надводных кораблей (и одной-двух дизельных подводных лодок со стороны Швеции) условно нейтральные государства предоставляли для учений амфибийные войска (в 2015 г. – 700 военнослужащих) для отработки собственной высадки и отражения десантов условного противника [NATO Allies..., 2015].

Напротив, второй (осенний) период военно-тренировочной деятельности шведских вооруженных сил проходит под знаком тесного сотрудничества с государствами – членами Североатлантического альянса (в частности, учения NOCO). Швеция планирует также выделить свои войска и технику для учений «Trident Juncture 2018», отдельные компоненты которых пройдут на территории королевства.

Особого внимания заслуживают военные тренировки «Aurora 17», ставшие самыми масштабными для Швеции со времени окончания холодной войны. В них приняли участие 19 тыс. военнослужащих королевских вооруженных сил (или почти 2/3 (!) от их общей численности), причем части стягивались со всей территории страны. Со стороны НАТО наиболее крупные контингенты были предоставлены США (1,435 тыс. военнослужащих) и Францией (120 солдат и офицеров), представлявших в основном ВВС. Кроме того, отдельные подразделения были выделены для участия в «Aurora 17» вооруженными силами Эстонии и Литвы, а также всех североевропейских государств, а также представители штабных структур блока. Основным субрегионом военно-тренировоч-

ной деятельности стали районы Стокгольма, Мальмё, Гётеборга и о. Готланд [Facts about., 2017], где прибрежные и островные районы юго-запада Швеции, т.е. наиболее вероятно проявление «российской угрозы».

Примечательно, что по времени (сентябрь 2017 г.) проведение «Avroga 17» совпало с осуществлением российско-белорусских учений «Запад-2017», причем столь масштабных военных тренировок в этот момент не проводилось ни в одной из стран Запад. Чем это обуславливалось? Для самой Швеции, с точки зрения автора, это объяснялось стремлением продемонстрировать РФ возможность быстрого развертывания межвидовой группировки корпусного уровня как ключевого элемента обеспечения территориальной обороны. При этом также было отработано взаимодействие военных с гражданскими структурами (как органами власти, так и частными компаниями) в деле обеспечения логистической и тыловой поддержки шведских войск [Facts about., 2017]. Кроме того, официальный Стокгольм продемонстрировал (не будучи страной – участницей НАТО) готовность со стороны Альянса оказывать ему помощь (в первую очередь, ВВС) в выстраивании периметра территориальной обороны, что де-юре было оформлено Меморандумом о взаимопонимании с блоком (2014).

Для Организации Североатлантического договора сам факт проведения и масштаб этих учений были не менее важны, чем для королевства. Во-первых, учитывая синхронность «Avroga 17» с учениями Войска польского и ротацией бригады США в составе сил передового развертывания НАТО в Польше и странах Балтии¹, НАТО тем самым использовало их для демонстрации готовности сдерживать Россию по всему периметру зоны ответственности. При этом подчеркивалась близость военно-политических целей блока с условно нейтральными государствами. Во-вторых, США и НАТО как институт получили практику использования больших масс войск на заметно отличающемся от центрально- и восточно-европейского ТВД скандинавском. Наконец, нельзя не учитывать и

¹ 3-я бронетанковая бригада 4-й пехотной дивизии США была смешана 2-й бронетанковой бригадой 1-й пехотной дивизии США. – *Прим. авт.*

последствия неополитического характера: так, солидарность блока со Швецией, проявляемая в проведении учений в западной части Балтийского моря, могла трактоваться как противление в тот момент официального Стокгольма прокладке «Северного потока-2»¹, что отвечало курсу действующей администрации США.

Как и Швеция, Финляндия в последнее пятилетие нарастила свою военно-тренировочную деятельность, при этом в большинстве учений принимают участия две-три полковые и батальонные тактические группы (т.е. число участников не превышает 4 тыс. военнослужащих). В отличие от других североευропейских стран Финляндия не перешла полностью на контрактную систему комплектования вооруженных сил, а потому к проведению большинства военно-тренировочных мероприятий привлекаются резервисты. Небезынтересно в этой связи отметить, что Финляндия вносила вклад в осуществление военно-тренировочной деятельности НАТО в Эстонии – одной из немногих стран – участниц НАТО, сохранившей смешанную систему комплектования вооруженных сил [Finnish Army..., 2017].

Особое значение для Финляндии имеет проведение совместных со Швецией учений, в первую очередь в «узких местах» обеспечения обороны и безопасности страны. Так, проходят регулярные (до 5 раз в год) учения дизельных ПЛ, надводных кораблей и системы береговой обороны по отражению атак подводных лодок противника (особенно в южных районах Ботнического залива) [Finnish Navy..., 2018], одновременно отрабатываются и наступательные формы использования ПЛ. Обе страны принимают участие в данном виде военно-тренировочной деятельности, регулярно проходящей под эгидой НАТО у берегов Норвегии [NATO Submarine..., 2018]. Для Швеции (и Норвегии) это представляет особый интерес, поскольку именно скандинавские страны и Германия серьезно вырвались вперед на глобальном уровне в деле разработки и использования дизельных подводных лодок (классов

¹ 7 июня 2018 г. Швеция согласилась на строительство «Северного потока-2». – Прим. авт.

«Готланд», «Зюдерманланд», «Ула» и проектов 212 А и 216 соответственно).

Еще одно направление активного шведско-финляндского взаимодействия – проведение масштабных авиационных тренировок, в том числе отработка поддержки частей наземных войск. Так, в двусторонних учениях «Ruska 17» приняли участие свыше 5 тыс. военнослужащих (в том числе 2,9 тыс. финляндских резервистов) и более 60 самолетов [Finnish Air Force., 2017]. Параллельно обе условно нейтральные страны принимали совместное с другими североевропейскими государствами участие в отработке мер по отражению киберугроз [Рессех 17., 2017].

Практически во всех случаях, когда Финляндия принимает участие в военно-тренировочных мероприятиях НАТО, она делает это совместно со Швецией. При этом никаких подобных по масштабу «Avroga 17» учений на территории страны Суоми не проводилось. С точки зрения автора, в шведско-финляндском тандеме в военно-политических вопросах просматривается фактическое лидерство официального Стокгольма. Это проявляется, в частности, в вопросах сближения двух североевропейских государств с НАТО – именно королевство выступает «застрельщиком» углубления взаимодействия с блоком, в том числе в военно-тренировочной деятельности. Чем обусловлен данный феномен? Во-первых, исторической детерминированностью. На протяжении огромного временного отрезка (с X в. до войны Российской империи и Швеции 1808–1809 гг.) финские земли являлись частью Шведского королевства, при этом процесс их колонизации развивался весьма активно. В отличие от Финляндии, Швеция формально не принимала участия в обеих мировых войнах. В этой связи финляндская сторона, чья экономика была сильно подорвана в результате войн с СССР в 1939–1940 гг. и 1941–1944 гг., увидела выигрышность шведской модели развития. При этом Швеция оказывала активную военную помощь своему соседу – как прямую (в период конфликта 1939–1940 гг.)¹, так

¹ В период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в составе армии Суоми воевал 10-тысячный добровольческий шведский корпус, сыгравший заметную роль в борьбе с Красной Армией в северных и центральных районах Финляндии. – *Прим. авт.*

и развивая военно-техническое сотрудничество на протяжении всей новейшей истории Финляндии. Во-вторых, по совокупному экономическому (в том числе демографическому (около 10 млн жителей)) и политико-военному потенциалу Швеция существенно превосходит Финляндию. В-третьих, Швеция имеет значительно более разветвленные, чем Финляндия, связи с североευропейскими государствами – членами НАТО – Норвегией и Данией. Соответственно, шведский истеблишмент имеет детальные представления (в том числе благодаря информации изнутри) о преимуществах и недостатках членства в НАТО. Наконец, вследствие своего географического положения Швеция менее остро, чем Финляндия, воспринимает «российскую угрозу». Официальный Стокгольм обладает значительно большей свободой маневра по политико-военным вопросам. Развертывание НАТО временного (на период учений), ротационного или постоянного присутствия в Швеции не будет восприниматься российской стороной столь же остро (и вести к ответным мерам, в том числе зеркального характера), как это случилось в случае с Финляндией, имеющей протяженную границу с РФ.

По мнению автора, влияние этих причин сохранится на обозримую перспективу, означая сохранение ориентированности Финляндии на Швецию и, соответственно, ее большую осторожность в вопросах сближения с НАТО.

Во второй половине 2010-х годов наблюдалось резкое наращивание масштаба военно-тренировочной деятельности НАТО в Северной Европе. При этом Альянс демонстрирует существенно меньшую готовность участвовать в обеспечении обороны и безопасности Швеции и Финляндии, чем Норвегии. Это обусловлено для первых не только их условно нейтральным статусом (тем более что обе страны подписали МоВ с НАТО), но тем, что способны в основном самостоятельно решать стоящие перед ними *оборонительные* задачи (особенно в наземной и в меньшей степени в морской сферах). Напротив, на Крайнем Севере перед странами блока (особенно США и Норвегией) стоят в основном *наступательные* задачи, общий знаменатель которых – расширение влияния в

Арктике и облегчение доступа к ее ресурсам и акваториям. Этой причиной в первую очередь объясняется факт отработки Альянсом развертывания крупных (до 40 тыс. военнослужащих) межвидовых группировок в условиях арктического ТВД и активным использованием возможностей Норвегии для наращивания тыловой инфраструктуры в регионе. В обозримой перспективе значение крайнего северного фланга в Европе в деятельности НАТО будет возрастать.

Список литературы

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы Войны. Кн. вторая. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1974. – 512 с.

ACE 17 Air Exercise – Joint Effort of Three Nordic Countries // Finnish Ministry of Defence [site]. – 2017. – 22.05. – Mode of access: https://puolustusvoimat.fi/en/article/-/asset_publisher/1951206/ace-17-lentotoimintaharjoitus-on-kolmen-pohjoismaan-yhteinen-voimanponnistus (Date of access – 5.04.2018).

Admiral Foggo to Norway ahead of Trident Juncture // Forsvaret [site]. – 2018. – 2.03. – Mode of access: <https://forsvaret.no/ifs/admiral-foggo-to-norway-ahead-of-trident-juncture> (Date of access – 5.04.2018).

The Air Force is getting prepared for the 2018 NRF rotation // Finnish Ministry of Defence [site]. – 2017. – 15.03. – Mode of access: http://puolustusvoimat.fi/en/article/-/asset_publisher/1951206/ilma-voimat-valmistautuu-vuoden-2018-valmiusvuoroon (Date of access – 5.04.2018).

Cold Response 2016 // Forsvaret [site]. – 2016. – Mode of access: <https://forsvaret.no/en/coldresponse> (Date of access – 5.04.2018).

Defence budget strengthened by NOK 3 billion. – 2018. – Mode of access: <http://norwaytoday.info/news/defence-budget-strengthened-nok-3-billion/> (Date of access – 5.04.2018).

Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016): Communiqué, PR/CP (2016) N 116. – 2016. – 4 July. – 11 p.

Facts about Aurora 17 // Forsvarsmakten [site]. – 2017. – Mode of access: <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/aurora-17/> (Date of access – 5.04.2018).

Finland and Sweden to bolster ties with NATO // The Irish Times [site]. – 2014. – 5.09. – Mode of access: <https://www.irishtimes.com/news/world/europe/finland-and-sweden-to-bolster-ties-with-na-to-1.1918366> (Date of access – 5.04.2018).

Finland Military Expenditure 1960–2018. – 2018. – Mode of access: <https://tradingeconomics.com/finland/military-expenditure> (Date of access – 5.04.2018).

Finnish Air Force (FINAF) commences Ruska 17 exercise with more than 5,000 soldiers and over 60 aircraft // Finnish Ministry of Defence [site]. – 2017. – 9.01. – Mode of access: http://puolustusvoimat.fi/en/article/-/asset_publisher/1951206/ilmavoimien-ruska-17-harjoitus-kaynnistyy (Date of access – 5.04.2018).

Finnish Army to participate in exercise Saber Strike 17 in Estonia // Finnish Ministry of Defence [site]. – 2017. – 22.05. – Mode of access: http://puolustusvoimat.fi/en/article/-/asset_publisher/1950813/maa-voimat-osallistuu-saber-strike-17-harjoitukseen-virossa-3-16-6- (Date of access – 5.04.2018).

Finnish Navy to participate in Anti-Submarine Warfare Exercise in Sweden // Finnish Ministry of Defence [site]. – 2018. – 11.04. – Mode of access: http://puolustusvoimat.fi/en/article/-/asset_publisher/1951215/merivoimat-harjoittelee-sukellusveneiden-torjuntaa-ruotsissa?-101_INSTANCE_CPuJEbdCqLyq_languageId=en_US (Date of access – 5.04.2018).

Joint Viking 2017 // Forsvaret [site]. – 2017. – 14.12. – Mode of access: <https://forsvaret.no/en/exercise-and-operations/exercises/joint-viking> (Date of access – 5.04.2018).

Militära flygövningar 2018 // Forsvarsmakten [site]. – 2018. – Mode of access: <https://www.transportstyrelsen.se/sv/luftfart/flygp-latser-flygtrafiktjanst-och-luftrum/Luftrum/militara-flygovningar-2017/> (Date of access – 5.04.2018).

NATO Allies begin naval exercise BALTOPS in the Baltic Sea // NATO [site]. – 2015. – 4.06. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120407.htm (Date of access – 5.04.2018).

NATO Submarine Warfare Exercise Begins in Norway // NATO [site]. – 2018. – 26.06. – Mode of access: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2018/nato-submarine-warfare-exercise-begins-in-norway.aspx> (Date of access – 5.04.2018).

NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // NATO [site]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Date of access – 5.04.2018).

NATO ready for Trident Juncture 2016. – 2016. – Mode of access: <https://navaltoday.com/2016/10/25/nato-ready-for-trident-juncture-2016/> (Date of access – 5.04.2018).

Norway launches High North military exercise // Barents Observer. – 2015. – 10.03. – Mode of access: <http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2015/03/10/norway-launches-high-north-military-exercise/> (Date of access – 5.04.2018).

Norway worries about cyber threats during military exercises. – 2018. – 23.01. – Mode of access: <https://www.fifthdomain.com/international/2018/01/23/norway-worries-about-cyber-threats-during-military-exercises/> (Date of access – 5.04.2018).

On track ahead of Trident Juncture // Forsvaret [site]. – 2018. – 28.02. – Mode of access: <https://forsvaret.no/en/newsroom/news-stories/on-track-ahead-of-trident-juncture> (Date of access – 5.04.2018).

Plans for massive NATO-Norway exercise underway // NATO [site]. – 2018. – 1.03. – Mode of access: <https://jfcnaples.nato.int/newsroom/news/2018/plans-for-massive-natonorway-exercise-underway> (Date of access – 5.04.2018).

Reccex 17 completes – Ability to react together is improving // Finnish Ministry of Defence [site]. – 2017. – 23.11. – Mode of access: http://puolustusvoimat.fi/en/article/-/asset_publisher/1950813/reccex-17-paattyy-yhteinen-reagointikyky-parani (Date of access – 5.04.2018).

Sweden Military Expenditure 1960–2018. – 2018. – Mode of access: <https://tradingeconomics.com/sweden/military-expenditure> (Date of access – 5.04.2018).

US Marines extend rotational training and exercises in Norway through to 2018. – 2017. – Mode of access: <https://www.naval-technology.com/uncategorised/newsusmc-extends-rotational-training-and-exercises-in-norway-5853333/> (Date of access – 5.04.2018).

**К.А. КАРПОВА, 2018 ©
KARPOVA KSENIA**

**ВОПРОС ПРИСОЕДИНЕНИЯ НЕЙТРАЛЬНЫХ
ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ К НАТО: ПРИМЕР ШВЕЦИИ
THE ISSUE OF THE ACCESSION OF NEUTRAL STATES
IN EUROPE TO NATO: THE EXAMPLE OF SWEDEN**

Аннотация. В статье исследуется эволюция нейтралитета Швеции на примере взаимодействия государства с ЕС и НАТО. Обозначается влияние стратегической культуры на выстраивание связей королевства в оборонной и политической сферах. Изучаются направленность и особенности внешнеполитического курса страны. Делается вывод о перспективах следования Швеции политике нейтралитета.

Abstract. The article examines the evolution of Sweden's neutrality by the case of the interaction of the state with EU and NATO. The research indicates the influence of strategic culture on building ties of the kingdom in the defense and political spheres. Further the direction and features of the foreign policy of the country are studied. A conclusion is drawn on the perspectives of keeping Sweden as a neutral state.

Ключевые слова: НАТО, Швеция, нейтралитет, стратегическая культура, международное сотрудничество.

Keywords: NATO, Sweden, neutrality, strategic culture, international cooperation.

В условиях появления новых линий размежевания между группами государств и отдельными странами существенно возрастает политическая значимость нейтральных государств, большинство из которых находится в Европе. Особый интерес в этой связи

представляет пример Королевства Швеции, в современных реалиях стремящейся утвердиться в качестве субрегионального лидера среди североευропейских стран. Этот процесс происходит на фоне стратегического ухудшения отношений ЕС (страной-участницей которого Швеция является) и НАТО с Россией.

Процесс «размывания» нейтрального статуса королевства Швеции, принятого ею добровольно в 1814 г., начал активно развиваться фактически сразу после окончания холодной войны. При этом если до этого Швеция нарушала нейтралитет лишь де-факто (в частности, в период Второй мировой войны), то в реалиях конца XX – начала XXI в. королевство последовательно уменьшало свою формальную готовность к жесткому выполнению правил поведения нейтральных государств. Так, в 1995 г., вступив в ЕС и присоединившись тем самым к Общей внешней политике и политике безопасности объединения, Королевство Швеция стало *условно* нейтральным государством.

Практический интерес к изучению данной темы обусловлен тремя ключевыми положениями. Одно из них – это общая тенденция «размывания» нейтралитета в современном мире, что видно как на примере государств Западной и Северной Европы (Австрия и Финляндия соответственно), так и мира в целом, в частности Лаоса и Туркменистана. При этом, как указывала отечественный исследователь Е.В. Корунова, случай Швеции представляется особенно интересным для изучения: королевство стало нейтральным еще после эпохи Наполеоновских войн, в то время как большинство других государств приняли этот статус много позже – после Второй мировой войны или окончания холодной войны [Корунова, 2007]. При этом в ходе холодной войны на Швецию, думается, в меньшей степени, чем на Австрию или Финляндию, влияли внешние факторы. Последние непосредственно оказались на линии размежевания Запад – Восток, что отмечал российский специалист по Центральной Европе В.Я. Швейцер [Швейцер, 2017]. Второе положение, определяющее значимость данной темы, – мощь Швеции и ее политический вес в мире, а также активное влияние на взаимоотношения внутри Запада и его контакты с Россией. Третий важный фактор – это богатые традиции шведской

стратегической культуры. Так, например, участие Швеции в институтах Евро-Атлантического сообщества рассматривается автором через призму исторической детерминированности.

Исторические предпосылки нейтралитета

Географически скандинавские страны находились на периферии Европы, в том числе формировавшегося в Новое и Новейшее время исторического Запада. Однако политическая, особенно военная, роль этих государств на значительных временных отрезках была ведущей и даже определяющей.

Так, период конца VIII – середины XI в. для Европы стал скандинавоцентричным. Шведские, норвежские и датские феодалы вели экспансионистскую внешнюю политику на нескольких направлениях: западном (Англия и Атлантический океан), южном (вплоть до Апеннинского п-ова) и восточном (финские земли и Русь). При этом отличительной чертой являлось активное использование военной силы (как комбинированные кратковременные экспедиции, так и подчинение огромных территорий с превосходящим политико-военным потенциалом) [см.: Мелнин, Юханссон, Хеденборг, 2002].

С XI по конец XVI в. роль скандинавских стран в политических процессах, шедших в Европе, уменьшилась. В этот период отчетливо проявилось стремление Дании к региональному лидерству – проявлением этого стала Кальмарская уния 1387–1521 гг. со Швецией. Однако она дала во многом обратный ожидаемому результат: борьба со шведскими сепаратистами, а также Ливонским орденом на востоке не позволила Дании стать значимым игроком общеевропейского уровня. Утрата ею лидерских позиций проходила в несколько этапов: после разрыва Кальмарской унии Дания в 1536 г. смогла подчинить Норвегию, тем самым частично компенсировав потери. Однако если в период Семилетней северной войны (1563–1570) Дания в целом обладала сопоставимым со Швецией потенциалом, то после разорительной для Ольденбургской монархии Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. Дания начинает стремительно терять влияние. Это проявилось в ходе цикла шведско-датских войн последний трети XVII в., когда Дания преврати-

лась во второстепенного игрока [см.: Мелнин, Юханссон, Хеденбург, 2002]. Напротив, для Швеции разорение основной части континентальной Европы в период Тридцатилетней войны открыло возможность вновь утвердить скандинавоцентричный субрегиональный порядок. Сумев победить Россию в Смутное время и в условиях резкого ослабления Речи Посполитой в 1650-е годы, Швеция де-факто превратила Балтийское море в свое «внутреннее озеро». К началу XVIII в. Швеция входила в тройку сильнейших держав Европы как по военно-сухопутной, так и по военно-морской мощи.

Однако Северная война 1700–1721 гг. стала катастрофой для шведского лидерства. Королевство, несмотря на функционировавшую мобилизационную модель развития, не выдержало борьбы на измор с поднимавшейся Российской державой. Подрыв мощи, особенно вследствие потери владений в Прибалтике, низвел Швецию к положению «рядового» государства. Попытки изменить ситуацию в ходе русско-шведских войн 1741–1743 и 1788–1790 гг. показали, что Швеция не может вернуться в число ведущих держав.

Начиная с эпохи Карла Юхана (Бернадота), Швеция выбирает иную модель наращивания своей ресурсной базы. Взамен отошедшей в 1809 г. Финляндии (к России) Швеция в 1814 г. на правах личной унии включила в свой состав Норвегию. Формально (шведской король командовал одной из союзных армий) Швеция внесла в дело разгрома наполеоновской Франции сопоставимый с Россией, Великобританией, Пруссией и Австрией вклад. И хотя Швеция не вошла в пентархию держав Священного союза, она оказалась органично встроена в миропорядок, сформировавшийся после Венского конгресса 1814–1815 гг.

Ключевым же положением стало позиционирование Швецией с 1814 г. себя как нейтрального государства. Это позволяло ей частично нивелировать разрыв с великими державами, превращаясь в значимого «довесочного» игрока. Следует отметить, что шведский нейтралитет официально не заложен ни в одну из конституций королевства, не зафиксирован ни в одном законе страны и не декларируется как постоянная или временная государствен-

ная доктрина, а также не имеет международно-правовых гарантий и оформления [Корунова, 2007].

Де-факто первым серьезным отступлением от избранного курса стало подписание Швецией «ноябрьского трактата» (1855) о присоединении к британо-франко-сардинской коалиции в Крымской войне. Однако поскольку реально шведские войска не успели принять участия в боевых действиях, де-юре нейтралитет оставался неизменным. Аналогичными были «отступления» Швеции от своего нейтрального статуса и в годы мировых войн, особенно Второй: через территорию королевства было перевезено порядка одного миллиона (!) солдат и офицеров вермахта, а шведская железная руда использовалась для производства наземной и морской военной техники Третьего рейха [см.: Корунова, 2007]. Однако Швеция смогла сохранить де-юре свой нейтралитет и в годы Второй мировой войны. Во многом это было обусловлено тем, что западные союзники были заинтересованы в нейтральной Швеции как в буфере, ограничивающем советское влияние. Позднее, уже в период холодной войны, элементами этого буферного пояса стали Финляндия и Австрия, чей нейтралитет во многом основывался на шведском опыте. При этом вооруженные силы страны, опиравшиеся на традиционно сильный национальный ВПК, динамично развивались в условиях биполярного миропорядка, будучи значимым фактором сохранения нейтралитета [Andren, 1967].

В условиях окончания холодной войны и резкого ускорения интеграционных процессов в Европейских сообществах (с 1992 г. – Европейском союзе) Швеция стала стремиться к фактическому изменению своего нейтрального статуса. По вопросу вступления в ЕС начались интенсивные дебаты: члены Умеренной коалиционной партии и Народной партии выступали с требованиями вступить в ЕС, в то время как социал-демократы, которых поддерживало большинство населения, выступали против присоединения. Однако острый экономический кризис, совпавший с моментом принятия решения об интеграции в состав ЕС, привел к изменению общественного мнения. 2 декабря 1990 г. риксдаг большинством голосов принял решение направить ходатайство о вступлении в Европейские сообщества (само заявление было подано в июле

1991 г.). 13 ноября 1994 г. был проведен референдум о вступлении страны в Европейский союз, по результатам которого 52,3% высказались «за», а 46,7% – «против» [см.: Carrillo, 1998, р. 12–27]. 1 января 1995 г. Швеция стала членом ЕС и присоединилась к ОВПБ, тем самым став условно нейтральным государством. При этом королевство, чье финансово-экономическое развитие отличается высокой степенью стабильности, не вошло в состав государств, образующих зону евро. Необходимо отметить, что решение о присоединении для королевства был равнозначен революции: нейтралитет, хоть и нарушаемый де-факто, воспринимался и в самой Швеции, и за ее пределами как неотъемлемая часть внешней политики. Отклонение от этого курса было продиктовано экономической необходимостью и политическим реализмом, поддерживаемым истеблишментом [Ibid].

Развитие сотрудничества Швеции и Североатлантического альянса

В процессе сближения Швеции и Североатлантического альянса уместно выделить два основных этапа. *Первый* из них формально связан с присоединением Швеции к программе «Партнерство ради мира» вскоре после ее запуска 1 декабря 1994 г. Показательно, что уже в 1992 г. в национальной доктрине безопасности королевства речь шла не о «полном нейтралитете», а лишь о неприсоединении к военным блокам. Это показывает, что практически сразу после окончания холодной войны шведская политическая элита стала искать возможности для встраивания в евроатлантическую региональную подсистему безопасности, при этом стремясь минимизировать свои постоянные обязательства.

Сотрудничество получило практическое наполнение в условиях участия шведских вооруженных сил в операциях по миротворчеству и поддержанию мира на Балканах (во второй половине 1990-х годов), Афганистане (с 2002 г.), что стало составляющей общей борьбы Запада с международным терроризмом.

Второй этап охватывает период с 2014 г. На фоне украинских событий Швеция, стремясь получить дополнительные внешние гарантии безопасности, резко ускорила процесс сближения с Се-

вероатлантическим альянсом. В начале сентября 2014 г. на полях саммита НАТО в Уэльсе был подписан Меморандум о взаимопонимании (MoB) Швеции и Финляндии с блоком [Relations with Finland, 2017], что расширило юридические рамки сотрудничества. Документ вступил в действие немедленно, при этом де-юре он был ратифицирован риксдагом лишь в мае 2016 г. [Sweden Ratifies., 2016]. Согласно MoB, шведские вооруженные силы присоединились к подготовке сил быстрого реагирования НАТО. Параллельно войска королевства интенсифицировали свое участие в военно-тренировочной деятельности Альянса, особенно в акватории Балтийского моря.

Однако реального вступления Швеции в НАТО так и не произошло. Почему? Думается, что прежде всего национальный истеблишмент, обращая самое пристальное внимание на общественное мнение королевства, пришел к выводу о том, что «минусы» от вступления, связанные с несением жестких обязательств, перекрывают «плюсы». Опросы показали, что 44% респондентов не поддерживают вступление королевства в Альянс, лишь 31% выступает «за», а 25% опрошенных не определились [NATO has no., 2018]. Спектр причин, которые определяют неготовность электората и части истеблишмента Швеции вступать в блок, широк. Во-первых, Швеция располагает собственным развитым ВПК и способна производить конкурентную на мировом уровне боевую технику. Вступление в блок НАТО приведет к потерям шведского производителя, которого могут вытеснить более мощные концерны США и крупных стран ЕС (особенно ФРГ). Во-вторых, сдержанность Швеции в вопросе прямого вхождения в НАТО связана и с боязнью ухудшений отношений с Россией, несмотря на очевидную антироссийскую пропаганду, нежеланием увеличивать оборонные расходы и со стремлением сохранить свой статус «особой», нейтральной державой. Более того, часть шведского населения (46%) полагает, что НАТО окажет Швеции поддержку, даже если страна так и не станет членом Альянса. Опровергая это мнение, в январе 2018 г. генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг во время визита в Швецию подчеркнул, что блок не обязан помогать королевству в случае конфликта, так как речь идет лишь о сотруд-

ничестве [NATO has no., 2018]. В-третьих, шведские вооруженные силы «заточены» под использование на специфическом по природно-климатическим условиям скандинавском театре военных действий. При этом использование на других направлениях сделает их боевые характеристики ниже, что отнюдь не будет способствовать получению того веса, который страна потеряет, перестав быть условно нейтральной.

Однако часть экспертов полагают, что вступление Швеции в НАТО увеличит влияние страны на Балтийский регион, который всегда представлял для королевства геополитический интерес. Важной проблемой оказывается сложность обсуждения и решения субрегиональных вопросов, затрагивающих интересы лишь трех-пяти стран – участниц НАТО. С весны 2014 г. государства Прибалтики (Эстония, Латвия и Литва) обозначали свой интерес к углублению сотрудничества со Швецией в военно-политической сфере, что объясняется географической близостью и исторически обусловленным желанием Швеции контролировать акваторию Балтийского моря. Вместе с тем существуют опасения, что королевство будет вынуждено как сильная в финансовом отношении страна нести основное бремя расходов стран Балтии по перевооружению и поддержанию боеспособности войск.

В сентябре 2018 г. в стране прошли очередные парламентские выборы. Планам вступления в НАТО противостоят не только социал-демократы, но и усиливающая влияние крайне правая партия «Шведские демократы». По их мнению, интеграция в Альянс приведет к потере политической самобытности и как следствие суверенитета. Умеренная коалиционная партия Швеции, наоборот, призывает королевство вступить в НАТО в ближайшие десять лет, чтобы предотвратить российскую угрозу. Лидер партии призывает войти в состав НАТО вместе с Финляндией, так как на регулярной основе производится шведско-финское взаимодействие в военной сфере.

Таким образом, развитие рассматриваемого вопроса зависит от развития широкого комплекса факторов как за пределами, так и внутри Швеции. Среди политической элиты и населения нет

единой точки зрения, а возвращение призыва (2018) и развитие сотрудничества с НАТО еще не являются признаками того, что Швеция собирается вступить в Альянс. Ведь именно благодаря исторической политике нейтралитета и развитой оборонной промышленности Швеция имеет высокий статус на международной арене. Вследствие своего географического положения Швеция воспринимает «российскую угрозу» сдержанно. Официальный Стокгольм обладает большой свободой маневра в военно-политических вопросах именно благодаря нейтралитету и пока не готов менять это фундаментальное положение внешней политики королевства.

Список литературы

Корунова Е.В. Проблема нейтралитета во внешней политике Швеции, 1933–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – 240 с.

Мелнин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. – М.: Весь мир, 2002. – 390 с.

Швейцер В.Я. Западная Европа: Трудные поиски третьего пути // Европейский союз: Факты и комментарии / РАН. Институт Европы. – М., 2017. – С. 5–7.

Andren N. Power Balance and Non-Alignment. – Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1967. – 220 p.

Carrillo J.L.M. Regional Security Building in Europe: The Barents Euro-Arctic Region. – Umea: CERUM, 1998. – 52 p.

NATO has no legal duty to come to Sweden's aid, says secretary general // The Local. – 2018. – 15.01. – Mode of access: <https://www.thelocal.se/20180115/nato-has-no-legal-duty-to-come-to-swedens-aid-says-secretary-general> (Date of access – 25.05.2018).

Relations with Finland // NATO [site]. – 2017. – 30.03. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/topics_49594.htm (Date of access – 25.05.2018).

Sweden Ratifies NATO Cooperation Agreement // The Wall Street Journal. – 2016. – 25.05. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/sweden-ratifies-nato-cooperation-agreement-1464195502> (Date of access – 25.05.2018).

**А.В. МАНОЙЛО, Ф.О. ТРУНОВ, 2018 ©
MANOYLO ANDREY, TRUNOV PHILIPP**

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАТО
В СТРАНАХ БАЛТИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
THE MILITARY-POLITICAL ACTIVITY OF NATO IN THE
BALTIC STATES DURING THE MODERN PERIOD**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о военно-стратегической значимости стран Балтии в современных реалиях. В этой связи исследуются меры, предпринятые Североатлантическим альянсом по наращиванию своего присутствия в регионе на фоне серьезного ухудшения отношений Запада и России. Изучается процесс усиления группировки сил и средств НАТО в регионе в целом и особенности военного строительства стран Балтии. Раскрывается динамика военно-тренировочной деятельности Альянса и ее политическое измерение. Делается вывод о перспективах развития военного присутствия НАТО в регионе и влиянии этого фактора на отношения Запада и России в целом.

Abstract. The article considers the question of military-strategic importance of the Baltic region in the modern world. In this regard the authors explore the measures, undertaken by North Atlantic Alliance, aiming at the building-up of military presence in the region in the context of profound deterioration in Western-Russian relations. The paper investigates the process of the strengthening of the Alliance's forces in the region and the specific features of armed forces' building in the Baltic States. The authors reveal the dynamics of NATO military training activities and its political dimension. The article concludes on the perspectives of the development of NATO presence in the region and the influence of this factor over the relations between the West and Russia.

Ключевые слова: НАТО, страны Балтии, военные учения, военное строительство, Россия, международная безопасность.

Keywords: NATO, Baltic states, military exercises, the armed forces building, Russia, international security.

Из всех географических направлений роста военно-политической активности НАТО на ее восточных рубежах наиболее часто освещаемым в российском политическом дискурсе, особенно со стороны СМИ, является прибалтийское – территории стран Балтии и прилежащие акватории Балтийского моря. С точки зрения авторов, этот факт свидетельствует об обостренном восприятии РФ шагов Альянса именно в этом субрегионе. Прежде всего это обусловлено тем, что к странам Балтии прилегает Калининградская область, и вблизи них расположен Санкт-Петербург – районы, имеющие огромное значение, в том числе военно-политическое. Страны Балтии служат «разделителем» между калининградским анклавом, где сосредоточена значительная и оснащенная широким спектром вооружений (включая оперативно-тактические ракетные комплексы) межвидовая группировка войск РФ, и остальной территорией страны.

Страны Балтии, непосредственно граничащие с Россией, гипертрофированно воспринимают так называемую «российскую угрозу», в том числе с учетом ограниченности своего ресурсного потенциала. НАТО формально не может не учитывать опасений балтийских государств – членов блока.

В этой связи действия НАТО и России в данном субрегионе их соприкосновения являются во многом катализатором общей динамики развития отношений Запада и РФ, а потому их изучение представляет практический интерес. *Задача* данной статьи – анализ ключевых военно-политических мер Североатлантического альянса в странах Балтии с середины 2010-х годов.

Особенности размещения сил передового развертывания НАТО в странах Балтии

Главным недостатком прибалтийского театра военных действий (ТВД) является его небольшая оперативная емкость. Так,

планируя свои действия (и контрдействия противника) в кампанию 1944 г. по освобождению западных республик СССР и стран Восточной Европы, советское стратегическое командование считало данное направление неперспективным для использования крупных масс войск и особенно военной техники [Василевский, 1978]. Соответственно, это направление играло вспомогательную роль (в том числе при распределении сил и средств) в ходе кампаний 1944–1945 гг. по сравнению с западным и юго-западным направлениями.

Опыт завершающего периода Великой Отечественной войны также показал, что, даже когда противник держал под своим контролем небольшую часть Прибалтики – так называемый «курляндский загон» с портом Лиепая (Либава), – он мог серьезно нарушать морские коммуникации на Балтике. При этом значительная часть Балтийского флота (особенно малых и средних кораблей и морской авиации) оказалась отвлечена на решение этой задачи, что существенно ограничивало его боевые возможности по уничтожению противника в польских портах и на базах на территории самой нацистской Германии [Трибуц, 2015, с. 410–596].

В современных реалиях под контролем стран – участниц НАТО и сближающихся с ними условно нейтральных государств (Швеции и Финляндии) находится большая часть побережья Балтийского моря, в том числе контроль над стратегически значимыми, связывающими Балтику с Атлантическим океаном проливами Зунд и Скагеррак. В данной ситуации страны Балтии выполняют важную геополитическую роль: одновременно выступая выдвинутым на восток «фасадом» территории стран – участниц НАТО в Балтийском море и северо-западным «краеугольным камнем» точных сухопутных рубежей Альянса.

В этой связи в современных реалиях скорость и, что не менее важно, масштаб деятельности блока на прибалтийском направлении оказались значительно выше, чем расположенных на юго-восточных рубежах НАТО Румынии или Болгарии, хотя последние вошли в состав Альянса одновременно со странами Балтии и также являются «краеугольным камнем», но уже на юго-восточных рубежах. Так, уже в 2004 г. в Балтийском море стали курсировать

1-я постоянная морская (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная группы (ПКМГ), в то время как в черноморской акватории 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ действуют только с 2008 г. (после «августовской войны»). В 2004 г. была учреждена авиационная Миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии. В ее интересах завершена реконструкция военных аэродромов Эмари (Эстония) и Шауляй (Литва) в начале 2010-х годов, на которых базируются самолеты миссии [Verstärktes Air., 2018]. К 2015 г. была также осуществлена реконструкция базы ВВС в Лиелварде (Латвия). При этом как технически (предоставление техники и персонала), так и финансово в этом процессе активное участие приняли «старые» страны – участницы НАТО, в частности Германия. По состоянию на начало 2018 г. ФРГ в 9-й раз (!) выделила группу истребителей (шесть самолетов при общей численности парка миссии в восемь боевых машин) в рамках ротации каждые шесть-восемь месяцев ее стран-участниц [Ibid.]. Аналогичная авиационная группировка Альянса для патрулирования воздушного пространства Румынии и Болгарии стала создаваться только в 2016–2017 гг. Схожими являются и общеполитические тенденции: уже в 2006 г. был проведен саммит Североатлантического альянса в Риге, а в Бухаресте лишь в 2008 г.

Направление наземных подразделений сил передового развертывания Альянса в страны Балтии также началось раньше, чем в Румынии и Болгарии – на южном фланге восточных рубежей НАТО. При этом следует обратить внимание на большую разницу в площади территорий (175 тыс. кв. км и 348 тыс. кв. км) и особенно численности населения (свыше 6 млн и около 27 млн жителей) в пользу двух причерноморских государств перед балтийскими странами. Так, уже в апреле 2014 г. на территории каждой из них, а также Польши было развернуто по роте войск США (в среднем по 150 военнослужащих) из состава 503-го пехотного полка 173-й воздушно-десантной бригады армии США [NATO's presence., 2015]. Это стало первой практической мерой в рамках операции «Atlantic Resolve» («Атлантическая решимость») по поддержке «новых» стран – участниц блока. Ее проведение в НАТО объяснялось двумя основными причинами. Первая из них – это использование дан-

ных подразделений для обучения (в том числе в ходе двусторонних учений) современным методикам ведения боя армий балтийских стран, причем как кадровых войск, так и резервистов [NATO's presence., 2015]. Вторая и ключевая причина – это демонстрация атлантической солидарности с балтийскими партнерами. В собственно военном плане выделение роты (и даже батальона) не меняло сколько-нибудь существенным образом соотношение сил в регионе в целом. Однако оно обладало значимым политическим эффектом, ибо в случае возникновения военно-политического кризиса в отношении стран Балтии (или одной из них) в него оказывалось втянутым подразделение армии США, а следовательно, для защиты его (и своих партнеров по НАТО) официальный Вашингтон должен широко использовать доступный ему арсенал возможностей. Нельзя не отметить, что данные шаги применительно к РФ носили и провокационный характер¹.

В августе 2014 г. произошла ротация подразделений армии США на территории Прибалтики – новые четыре роты были выделены из состава 1-й кавалерийской дивизии войск США [1 st Cavalry., 2014]. Из числа войск этого соединения происходила ротация личного состава контингентов войск Соединенных Штатов Америки в странах Балтии в 2015–2016 гг.

С января 2017 г. в рамках обязательств, принятых на Варшавском саммите НАТО (8–9 июля 2016 г.), США расширили свое военное присутствие в Восточной Европе: вместо батальонной тактической группы была развернута бригада (обновляемая на ротационной основе). Соответственно, на территории стран Балтии были развернуты подразделения (суммарно до батальона) из состава 3-й бронетанковой бригады (тбр) 4-й пехотной дивизии (пд). Общая численность войск США в странах Балтии вновь оказалась небольшой: так, в Эстонию было переброшено 4 танка и 15 БМП, а также около 250 военнослужащих [US tanks., 2017]. Основная масса войск США была развернута на территории Польши. В сентябре 2017 г., в период проведения Россией и Белоруссией

¹ Развертывание подразделений и частей США в странах Балтии (и в меньшей степени в Польше) рядом западных экспертов в сфере безопасности обозначалось как «концепция растяжки». – *Прим. авт.*

совместных учений «Запад-2017» (на территории последней), войска 3-й тбр 4-й пд были сменены войсками 2-й танковой бригады 1-й пехотной дивизии [US tanks., 2017]. В свою очередь, с мая 2018 г. планируется замена ее бригадой из состава 1-й кавалерийской дивизии.

Параллельно на основании решений же Варшавского саммита на территории каждой из стран Балтии стал сосредотачиваться батальон сил передового развертывания, имевший многонациональный состав. «Рамочную основу» (т.е. примерно 2/3 подразделений и штаб) создавали военнослужащие и военная техника одной из держав НАТО: в случае Эстонии они предоставлялись Великобританией, Латвии – Канадой, Литвы – Германией [В НАТО заявили., 2016]. Остальные силы выделялись двумя-четырьмя государствами-членами из числа «старых», а также Польшей, тем самым демонстрировавшей свои амбиции как региональной державы. С учетом отдельных подразделений усиления (в первую очередь, спецназа) общая численность контингентов внешних по отношению к странам региона государств – членов НАТО составляла в 2017 – первой половине 2018 г. от 3,5 тыс. до 4,5 тыс. военнослужащих (т.е. эквивалент бригады по численности). С одной стороны, многонациональный состав войск (суммарно в указанные четыре батальона входили военнослужащие 16 стран – участниц НАТО) свидетельствовал о солидарности не только США (и Канады), но и европейских государств – членов Альянса со странами Балтии в деле рассеивания их опасений в отношении «российской угрозы». С другой стороны, смешанный характер комплектования частей затруднял взаимодействие между их подразделениями и особенно управление, тем более что отдельного, ответственного за непосредственное управление всех трех батальонов в балтийских государствах штаба создано в 2014–2018 гг. не было. Общее руководство всеми силами передового развертывания Альянса в странах Балтии и Польши осуществлял штаб корпуса «Северо-Восток», полностью укомплектованный к лету 2017 г. (также создан на основании решений Варшавского саммита НАТО). На него же возлагалась ответственность и за координацию СПР (сил передового

развертывания) Альянса с национальными вооруженными силами стран Балтии и Польши [Warsaw Summit., 2016].

Уместно обратить внимание на ряд отличительных особенностей наращивания ротационного военного присутствия в странах Балтии. Масштаб этого процесса стал резко возрастать с начала 2017 г. (де-юре решение об этом было принято на полгода раньше, на Варшавском саммите блока), т.е. спустя более чем 1,5 года после завершения острой фазы вооруженного конфликта на востоке Украины и подписания договоренностей «Минск-2» как «дорожной карты» его урегулирования. Чем обусловлено данное противоречие? Во-первых, безусловно, инерционностью «военной машины» как НАТО в целом, так и отдельных государств-членов. В ходе боевых действий на востоке Украине любое масштабное развертывание войск вблизи границ РФ воспринималось бы намного острее, чем в период стабилизации отношений, хотя и на очень низком уровне. Это обстоятельство отчетливо понималось рядом «старых» стран – участниц блока, в частности Германией, что выразилось и в отказе от отправки военнослужащих на военные учения в Прибалтике вблизи границ РФ весной – осенью 2014 г. Одновременно, стремясь не превратиться в объект для критики со стороны партнеров за ослабление атлантических связей, эти государства «наверстывают упущенное» в 2016–2017 гг. Во-вторых, вновь развертываемые военные силы являлись «предупреждением на будущее» для РФ о готовности Альянса создавать новые военные инструменты ее сдерживания в случае возникновения или актуализации новых «болевых узлов» в отношениях Россия – Запад (в том числе за пределами европейского континента). В-третьих, если механизмы военно-морского и военно-воздушного присутствия Альянса в регионе были созданы еще в середине 2000-х годов, то в смысле создания группировок наземных войск наблюдалось заметное отставание. Наконец, в-четвертых, наращивание военного присутствия выступало и «разменной картой» с РФ на будущее: демонтаж части вновь созданных военных механизмов может быть осуществлен в обмен на аналогичные уступки от России.

Примечательно также, что увеличение численности вновь развернутых в составе СПР войск самих США в странах Балтии в

2017–2018 гг. по сравнению с 2014 г. было значительно меньшим по масштабу, чем в случае с Польшей. Именно там были созданы ключевые органы управления и дислоцирована основная масса сил войск Соединенных Штатов Америки в Восточной Европе. При этом основная масса войск, вновь переброшенных в регион европейскими партнерами по НАТО, сосредоточена именно в балтийских государствах. Это иллюстрирует частичное разделение ответственности в деле оказания военной помощи: для США фокусным партнером является Польша, учитывая ее военно-политический вес в регионе; европейские государства – члены Альянса демонстрируют равное внимание к опасениям стран Балтии и официальной Варшавы.

В условиях ротации период пребывания одной части (соединения) до смены следующей составляет шесть-восемь месяцев. Это позволило США только в 2016–2017 гг. обеспечить подготовку в условиях восточноевропейского театра военных действий не менее трех бригад и частей усиления. Соответственно, и многонациональные батальоны европейских стран – участниц блока не менее двух раз поменяли личный состав своих подразделений. Таким образом, в отличие от постоянного, ротационное присутствие дает возможность подготовить к действиям в реалиях Восточной Европы существенно большие массы войск, чем это декларируется.

Помимо развертывания укомплектованных соединений и частей НАТО в регионе с 2016–2017 гг. активно создает военные базы. Используя имеющиеся на них запасы обмундирования, вооружений и военной техники (в том числе тяжелой), Альянс, и в первую очередь США, получают возможность развернуть в глубине обороны новые соединения, количество которых существенно превышает находящиеся в первом эшелоне как СПР, так и части и соединения национальных вооруженных сил стран Балтии суммарно. При этом для их развертывания на месте достаточно перебросить лишь личный состав (в том числе в гражданской одежде). Эти войска позволяют эшелонировать систему обороны и наносить достаточно мощные удары из глубины. Так, США, согласно данным оппозиции ФРГ, перебрали через германскую территорию в Польшу и страны Балтии свыше 550 танков [Kleine Anfrage, 2015,

S. 1–2], т.е. полный парк тяжелой техники для более чем четырех танковых бригад. С одной стороны, данные военные базы являются еще одним символом гарантий США странам Балтии в вопросах безопасности. При этом, в отличие от укомплектованных соединений, учреждение складов не выступает формально столь провокационной мерой, а их содержание менее затратно (особенно в финансовом плане). С другой стороны, это является реакцией на возможность реализации РФ мер по А2/АD. Так, транспорты США с военной техникой и личным составом не прибывают в порты стран Балтии, но в Гамбург (ФРГ) и Гданьск (Польша), откуда железнодорожным (преимущественно) и автотранспортом направляются в Прибалтику. Соответственно, на данном направлении создаются заблаговременные запасы на случай возникновения масштабного военно-политического кризиса в отношениях Запада и РФ.

Отличительные черты военно-тренировочной деятельности блока в Прибалтике

Из числа крупнейших наземных учений, проводимых в странах Балтии, необходимо выделить: «Steadfast Javelin»/«Spring Storm», «Saber Strike» и «Steadfast Cobalt». Во всех случаях основную массу войск составляли мотопехотные и танковые подразделения, располагающие значительным количеством тяжелой техники. Это свидетельствовало о том, что главными целями военно-тренировочной деятельности являлась отработка как организации территориальной обороны (в том числе посредством активного маневра тактико-оперативными резервами из числа войск СПР НАТО), так и контрударов по условному противнику.

Первые из указанных учений проводились на территории Эстонии в непосредственной близости от государственной границы с РФ (в первую очередь, в районе Нарвы) обычно в мае в 2014–2015 гг. Примечателен рост числа участников «Steadfast Javelin»: если в 2014 г. в них приняли участие 6 тыс. военнослужащих, из которых порядка 2 тыс. составляли контингенты внешних по отношению к региону стран – участниц НАТО (в первую очередь, из США и Великобритании, а также Франции и Дании), то в 2015 г. –

уже 13 тыс. (в том числе свыше 3 тыс. войск из числа небалтийских государств – членов блока) [Siil / Steadfast., 2015]. Отличительной чертой данных учений также является активное вовлечение резервистов эстонской армии. В отличие от Латвии и Литвы, Эстония сохранила смешанную систему комплектования вооруженных сил, что позволяет официальному Таллинну иметь 30 тыс. резервистов [Estonia Wants., 2016], т.е. столько же войск, сколько наличествует в составе кадровых войск стран Балтии и размещенных в регионе СПР НАТО вместе взятых. Так, численность эстонских вооруженных сил в 2016 г. всего 5,5 тыс. военнослужащих, Латвии – 5 тыс., Литвы – 13 тыс. [Defence Expenditures., 2016, p. 6–7].

В сентябре 2014 г. уже на территории всех балтийских стран (в первую очередь, Литвы) были проведены учения «Steadfast Javelin II», в которых приняли участие 2 тыс. военнослужащих из пяти стран – участниц НАТО. В ходе учений отрабатывалось взаимодействие подразделений СПР Альянса и вооруженных сил стран Балтии как по ведению ширококомасштабных боевых действий, так и по борьбе с террористическими группами условного противника (с учетом афганского опыта) [NATO Exercise Steadfast., 2014].

До 2014 г. и с 2016 г. учения «Steadfast Javelin» назывались «Spring Storm». С точки зрения авторов, эти переименования не были механическими. Название первых учений (в переводе на русский «Стойкое копьё»), проводимых в период острой фазы украинских событий (или вскоре после ее завершения), обозначало готовность стран Балтии, и в первую очередь граничащей с основной территорией РФ Эстонией, противостоять «русской угрозе», в том числе на собственной территории. В восприятии истеблишмента балтийских государств после украинских событий с высокой долей вероятности якобы могло произойти вооруженное вмешательство России в поддержку прав русскоязычного населения (которое действительно подвергается широкому спектру политико-социальных притеснений). При этом факт полного отсутствия подготовительных военных мер для этого игнорировался: показательно, что, стремясь обосновать свое присутствие на ротационной основе вблизи российских границ, НАТО не приводила фак-

тов развертывания новых соединений на постоянной или обновляемой основе с российской стороны границы. Начиная со времени постепенного урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины, политико-военное руководство стран Балтии стало демонстрировать большую уверенность в обеспечении собственной безопасности, опираясь на помощь ведущих с точки зрения военной мощи стран – участниц НАТО. Соответственно, и учения, проводимые ежегодно в мае на территории Эстонии, стали называться «Spring Storm» («Весенний шторм»), т.е. отработка оказания масштабной помощи со стороны партнеров по НАТО (в первую очередь, в виде используемых и вновь переброшенных СПР).

В 2016 г. численность военнослужащих, участвовавших в учениях «Spring Storm», составила лишь 6 тыс. (из десяти стран – участниц Альянса), т.е. вдвое меньше, чем на учениях «Steadfast Javelin» [Военные маневры., 2017]. В 2017 г. данный вид маневров не проводился. С точки зрения автора, это обусловлено переходом отношений Запада и России из стадии стремительного ухудшения к стабилизации (хотя и на очень низком уровне) и как следствие этого снижением вероятности внезапного военно-политического кризиса. Имело место и второе обоснование – была продемонстрирована дееспособность национальной системы безопасности Эстонии с участием СПР НАТО. Именно к этому времени было завершено развертывание основной массы запланированных Варшавским саммитом войск НАТО сил передового развертывания.

Если учения «Steadfast Javelin»/«Spring Storm» проводились на территории Эстонии, то основным районом организации «Saber Strike» являлась Латвия; при этом параллельно меньшая часть тренировок осуществлялась также на территории двух других балтийских государств и Польши. Соответственно, если в первом случае ключевой задачей учений являлось повышение боеготовности вооруженных сил Эстонии, то во втором – Латвии. Последние считались к 2017–2018 гг. наиболее слабыми среди стран Балтии как по оснащенности, так и по уровню боевой подготовки. Думается, что именно по этой причине в ходе учений «Saber Strike» отрабатывалась переброска механизированных час-

тей из территории Польши (где сосредоточена основная масса войск СПР НАТО) в Латвию.

Как и в случае с учениями «Steadfast Javelin»/«Spring Storm», динамика численности участников «Saber Strike» носила скачкообразный характер. Если в 2014 г. в данном виде военнотренировочной деятельности приняли участие 4,7 тыс. военнослужащих, то в 2015 г. – 6 тыс., а 2016 г. – уже 10 тыс., при этом до 30% составляли контингенты войск внешних по отношению к региону государств – членов НАТО. С 2017 г. масштаб учений стал снижаться (до 2 тыс. военнослужащих) [Военные маневры..., 2017]. При этом точкой пика стал не 2015 г. (как в случае с Эстонией), а 2016 г., что, с точки зрения авторов, обуславливалось более низким уровнем подготовки вооруженных сил Латвии.

Основными учениями, проводимыми на территории Литвы, с 2017 г. стали «Steadfast Cobalt». В количественном плане их масштаб невелик (порядка 1 тыс. военнослужащих в 2017 г. и 800 – в 2018 г.), но их отличает огромный спектр стран – участниц блока: 25 вместо 6–10 государств – участников маневров «Steadfast Javelin»/«Spring Storm» и «Saber Strike» [Lithuania welcomes..., 2018]. С одной стороны, это обусловлено существенными на фоне других балтийских стран возможностями вооруженных сил Литвы (их численность в 2014–2016 гг. возросла в 1,5 раза – с 8 тыс. до 13 тыс.). С другой – государства – члены блока демонстрируют широкое согласие в деле снятия опасений в сфере безопасности литовского истеблишмента, показывая особую значимость официального Вильнюса в стратегии Альянса в прибалтийском регионе.

Проведение интенсивных совместных учений позволило СПР НАТО получить навыки действий в условиях прибалтийского ТВД, а также проверить степень боеготовности национальных военных систем стран Балтии. Вновь уместно отметить, что в большинстве учений принимали участие не только кадровые части, но и бригады, пополненные резервистами.

По времени параллельно с учениями «Saber Strike» на море в июне каждого года на Балтике проходят ежегодные военноморские учения «Baltops», в которых традиционно принимает участие группировка надводных судов (преимущественно корве-

тов, фрегатов, миноносцев и минных тральщиков) численностью до 50 кораблей из 12–15 стран-участниц и государств – партнеров НАТО (до 5 тыс. моряков на борту) [NATO Allies., 2015]. Обязательное участие в данном виде военно-тренировочной деятельности принимают 1-я постоянная морская и 1-я постоянная контрминная группы, которые де-факто выполняют роль «ядер» формируемых на время учения оперативных эскадр.

Постоянной проверкой боеготовности самолетов Миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии являлось сопровождение российских военных (боевых и транспортных) самолетов, пролетающих из района Санкт-Петербурга в Калининград и обратно. Для Запада, как и для России, были характерны многочисленные (речь шла о 150–200 инцидентах за год) нарушения воздушного пространства, часть из которых получала освещение не только в СМИ, но и становилась предметом обсуждения на заседаниях органов стратегического управления каждой из сторон (Совет безопасности России и Военное командование НАТО). Несмотря на нервозность в связи с данными инцидентами, нельзя не отметить, что ни один из них не перерос в военно-политический кризис. Это отчетливо показывает, что как Россия, так и институт и страны – участницы НАТО (в том числе балтийские государства) выработали стратегическую культуру поведения в условиях роста напряженности, основным принципом которой является соразмерность реакции на действия оппонента с целью недопущения неконтролируемой эскалации. В воздушном пространстве стран Балтии происходят регулярные тренировки с участием ВВС стран региона и Польши и самолетов миссии – особенно в период ротации ее состава, когда на короткое время наличествуют два состава авиапарка (убывающий и прибывающий). Опираясь на сеть перестроенных баз ВВС во всех трех странах Балтии (Эмари, Лиелварде и Шауляй), истребительная авиация силой авиакрыла отрабатывает меры по защите воздушного пространства балтийских государств, включая противодесантные.

Параллельно по линии Альянса предпринимаются шаги и по обеспечению стабильной работы в любых условиях штабных структур – в частности, в вопросах обеспечения надежности рабо-

ты систем связи и управления. Так, именно в Тарту с участием гражданских специалистов из местного университета был создан центр по отражению киберугроз. На его базе с начала 2010-х годов проводятся ежегодные профильные учения, традиционным временем которых стал ноябрь, когда подводились итоги боевой подготовки за год, в том числе обобщался большой объем информации по изменениям в кибер- и информационных сферах. Данный вид тренировок, к участию в которых привлекались как военные, так и гражданские специалисты, объединял большинство стран – участниц блока: так, в 2017 г. в учениях «Cyber Coalition» приняли участие до 500 IT-специалистов из 25 государств-членов и 3 государств – партнеров НАТО [NATO exercise Cyber., 2017].

Военно-морские и военно-воздушные инструменты присутствия НАТО в Прибалтике были созданы еще в первое десятилетие после вступления государств региона в Альянс. Начиная с 2014 г. наблюдались две тесно связанные тенденции: создание механизмов наземного присутствия (на ротационной основе) в основном в виде войск и штабной инфраструктуры СПР, а также баз (складов) военной техники и снаряжения и одновременно увеличение возможностей национальных военных систем. При этом силы передового развертывания становились – на практике в ходе учений – составляющей национальных систем обеспечения территориальной обороны стран Балтии.

С одной стороны, в регионе интенсивно проводились учения всех основных родов войск. С другой – средний масштаб даже крупных по меркам Прибалтики тренировок не превышал 5–6 тыс. военнослужащих (т.е. эквивалента усиленной бригады или оперативной эскадры). В отличие от Польши или Норвегии, в странах Балтии не проводилось ни одного учения с участием 15–40 тыс. военнослужащих. Чем это было обусловлено? Во-первых, уже отмеченной ограниченной оперативной емкостью прибалтийского ТВД. Как следствие этого в НАТО не рассматривали его де-факто в качестве одного из основных. Группировка сил и средств в странах Балтии рассматривалась как фланговый элемент более крупных сил, дислоцированных в Польше (и Германии). Одновременно

усиление присутствия в Прибалтике повышало ценность НАТО для условно нейтральных стран (Швеция, Финляндия), для которых этот регион исторически значим. Во-вторых, осознанием провокационности характера масштабных (превышающих 13 тыс. военнослужащих)¹ учений в непосредственной близости от границ России со стороны Альянса. При этом западноевропейским партнерам по НАТО удалось частично снять озабоченность у балтийских коллег, о чем свидетельствует уменьшение числа военных, задействованных в крупных учениях.

В целом динамика и объемы военно-тренировочной деятельности Североатлантического альянса в Прибалтике остаются важным, но не одним из ключевых «лакмусовых бумажек» процесса перцепции России и приложения усилий по ее оперативно-стратегическому сдерживанию со стороны Запада.

Список литературы

Василюкский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1978. – 552 с.

Военные маневры НАТО у границ России // ТАСС. – 2017. – 24.09. – Режим доступа: <http://tass.ru/armiya-i-opk/3595298> (Дата обращения – 5.05.2018).

В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК. – 2016. – 26.10. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения – 15.05.2018).

Трибуц В.Ф. Балтийцы сражаются. – М.: Вече, 2015. – 608 с.

1 st Cavalry soldiers headed to Poland, Baltics // Stars and Stripes. – 2014. – 13.08. – Mode of access: <https://www.stripes.com/news/1st-cavalry-soldiers-headed-to-poland-baltics-1.298091> (Date of access – 5.05.2018).

Außenminister Frank-Walter Steinmeier zum Verhältnis NATO – Russland // Auswärtiges Amt [site]. – 2015. – 29.08. – Mode of access: <https://www.>

¹ Таков был «потолок» численности участников одних учений, установленный Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). После вынужденного выхода России из выполнения обязательств по ДОВСЕ это положение тем не менее в целом выполнялось Россией и в меньшей степени Западом (о чем свидетельствуют учения «Anakonda» 2016 г. (35 тыс. участников) и «Trident Juncture» 2018 г. (запланировано до 50 тыс. участников)). – *Прим. авт.*

auswaertiges-amt.de/de/newsroom/160619-bm-bild-am-sonntag/281354 (Date of access – 5.05.2018).

Defence Expenditures of NATO Countries (2009-2016): Communiqué, PR/CP (2016), № 116. – 2016. – 4 July. – 11 p.

Estonia Wants More NATO Troops – But Only If They Aren't Black // Observer [site]. – 2016. – 22.02. – Mode of access: <http://observer.com/2016/02/estonia-wants-more-nato-troops-but-only-if-they-arent-black/> (Date of access – 5.05.2018).

Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim: Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode; Drucksache 18/5604. – Berlin, 2015. – 14.07. – 15 S. – Mode of access: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/18/056/1805604.pdf> (Date of access – 15.03.2018).

Lithuania welcomes back Exercise Steadfast Cobalt 2018 // NATO [site]. – 2018. – 15.05. – Mode of access: https://shape.nato.int/news-archive/2018/lithuania-welcomes-back-exercise-steadfast-cobalt-2018_ (Date of access – 5.05.2018).

NATO Allies begin naval exercise BALTOPS in the Baltic Sea // NATO [site]. – 2015. – 4.06. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120407.htm (Date of access – 5.04.2018).

NATO exercise Cyber Coalition 17 underway in Estonia // NATO [site]. – 2017. – 30.11. – Mode of access: https://shape.nato.int/news-archive/2017/nato-exercise-cyber-coalition-17-underway-in-estonia_ (Date of access – 5.05.2018).

NATO Exercise Steadfast Javelin II tests Allied interoperability // NATO [site]. – 8.09. – 2014. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_112999.htm (Date of access – 5.05.2018).

NATO's presence in the Baltic states – reassurance of allies or deterrence for Russia? // OSW. – 2015. – 29.04. – Mode of access: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2015-04-29/natos-presence-baltic-states-reassurance-allies-or-deterrence> (Date of access – 5.05.2018).

Siil / Steadfast Javelin kicks off in Estonia // NATO [site]. – 2015. – 8.05. – Mode of access: <https://shape.nato.int/siil--steadfast-javelin-kicks-off-in-estonia> (Date of access – 5.05.2018).

Verstärktes Air Policing Baltikum // Bundeswehr [site]. – 2018. – 25.01. – Mode of access: <http://www.luftwaffe.de/portal/a/luftwaffe/start/team/eins/apb/!ut/p/z1/hU67DoIwFP0WB9beK8hDt7qpDCYQhS6mYC2aSkmt1M>

-3xslE49nOMwcYVMB6Pp4lt2fdc-V5zZLDMsvLPJyHYbwrU6RFNMVytKEMI
9j_CzBv4w9QhOIooPYb6c-NVQIFMGAXPvIHGb5xSljC29 dDqDveH5 XY6 pa-
hTUwqXTzvK77 JsokMCNOwghD7 sbLnbXDbRFggM45 IrWWShBzD_Bbo9 M
3 C9 VHEIZr5 TCK1 ZjTyRMV8 Kyn/dz/d5/L2 dBISevZ0 FBIS9 nQSEh/#Z7_
B8 LTL29225 VT70 AS310 T4 K00 I6 (Date of access – 5.05.2018).

US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border // Independent. – 2017. – 16.09. – Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/world/us-tanks-poland-russia-war-games-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html> (Date of access – 5.05.2018).

US tanks, infantry fighting vehicles arrive in Estonia amid NATO buildup on Russian borders. – 2017. – 7.02. – Mode of access: <https://www.rt.com/news/376513-us-tanks-arrive-estonia/> (Date of access – 5.05.2018).

Warsaw Summit Communiqué (9 July 2016) // NATO [site]. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (Date of access – 5.05.2018).

**Ф.О. ТРУНОВ, 2018 ©
TRUNOV PHILIPP**

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ВОЕННОГО
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛЬШИ В НАТО
THE FEATURES OF POLITICAL-MILITARY
POSITIONING OF POLAND IN NATO**

Аннотация. В статье основное внимание уделяется военно-политическому позиционированию Республики Польша в НАТО. Изучаются исторические особенности стремления Польши к превращению в региональную державу. В этой связи рассматривается изменение роли и значимости Польши в Альянсе во второй половине 2010-х годов. Изучается также процесс наращивания военно-ресурсного потенциала Польши и его «побочные» эффекты, в том числе возможный рост коррупции.

Abstract. The article attention is paid to military-political positioning of Poland in NATO. It explores the historical features of Polish political will to becoming a regional power. In this regard the article considers the change of the role and significance of Poland in the Alliance in the second half of the 2010-s. The paper also investigates the process of Polish military resources potential and so called, spousal, effects of it, including the possible growing of corruption.

Ключевые слова: Польша, НАТО, позиционирование, военно-политические меры.

Keywords: Poland, NATO, positioning, military-political measures.

Современное мирополитическое развитие характеризуется высокой степенью подвижности иерархии государств – в первую очередь вследствие резкого роста числа стран, стремящихся стать державами, т.е. наиболее влиятельными государственными акто-

рами. К числу укрепляющихся региональных центров влияния уместно отнести Республику Польша (РП).

Достижение этого положения возможно лишь в результате суммирования широкого спектра факторов, среди которых особую роль продолжает играть военный. Интерес представляет, как в рассмотренной связи воспринимают власти Польши свое членство в НАТО, что особенно актуально по двум соображениям.

Первое из них – это полномасштабное развертывание разветвленной военной инфраструктуры и создание войсковых группировок Альянса в регионе с середины 2010-х годов в условиях стратегического ухудшения отношений России и Запада. При этом если в годы «классической» холодной войны территории стран Восточной Европы как государств – членов ОВД располагались во втором стратегическом эшелоне (за исключением Чехословакии), то в современных реалиях они находятся на «передовой» НАТО. Растущее в этих условиях негативное восприятие России со стороны политического истеблишмента стран региона усиливается вдвойне вследствие ее восприятия как противника на длительных исторических отрезках. Особенно отчетливо эти тенденции просматриваются на примере Республики Польша.

Второе положение – это наличие значительного временного отрезка с момента вступления в НАТО стран региона: для Польши, Венгрии и Чехии его продолжительность составляет около 20 лет, а стран Балтии и большинства других стран региона – почти 15 лет. Соответственно, за это время выросло поколение молодых жителей и элит стран Восточной Европы, которые привыкли к нахождению их страны в блоке и воспринимают происходящие мирополитические процессы сквозь призму этого фактора. Здесь представляется интересным изучить также вопрос о том, насколько пребывание в НАТО позволило государствам региона увеличить свою роль в решении широкого круга проблем на мировой арене, особенно в столь чувствительной сфере, как международная безопасность. В этой связи особый интерес также представляет пример Польши, учитывая ее вес как наиболее крупного (38 млн населения в 2017 г.), экономически развитого и при этом относительно гомогенного в социокультурном плане государства. Перемножение этих факто-

ров создает базу для попыток утверждения Республики Польша в качестве центра притяжения в Восточной Европе, внутреннего по отношению к странам региона, т.е. движения на пути к обретению статуса региональной державы.

В этой связи *задача* настоящей статьи – исследовать особенности военно-политического позиционирования Польши в НАТО как региональной державы. Фокусный временной отрезок – период с середины 2010-х годов, когда РП превратилась в основополагающий элемент системы безопасности на восточных рубежах НАТО. Для решения данной задачи автор в первую очередь проанализировал предпринятые Польшей военно-политические шаги. Степень их изученности отечественными исследователями, в отличие от риторики польского истеблишмента [Лыкошина, 2016], существенно меньше. Кроме того, учитывая огромное влияние «исторической политики» на современную линию РП в военно-политической сфере, поставленная задача не может быть решена без изучения особенностей позиционирования страны в этой области в прошлом.

Особенности позиционирования Польши на ранних этапах вступления в НАТО

В условиях процесса распада социалистического лагеря Республика Польша стала действовать в авангарде его стран-участниц в вопросах сближения с Западом, вернувшись к реализации *второй* из представленных схем внешней политики.

1. Обеспечение безопасности Польши посредством ее интеграции в Североатлантический альянс. Официальная Варшава демонстрировала заинтересованность в блокировании с ведущими европейскими державами – участницами НАТО, в частности, участвуя в создании дву- и многосторонних переговорных форматов (в первую очередь, «Веймарского треугольника» (ФРГ, Франция, Польша)). При этом ключевой фокусной страной – старшим партнером для РП выступали США. В понимании польского истеблишмента движение Польши к статусу регионального лидера могло быть обеспечено посредством налаживания отношений лишь с единственной оставшейся в 1990-е годы сверхдержавой.

Показательно, что поворотными моментами в процессе сближения РП и НАТО ее власти рассматривали официальную поездку представителей польского истеблишмента в Вашингтон в 1992 г. и первый визит в страну президента США У. Клинтона в июле 1994 г., когда была высказана принципиальная готовность принять Польшу в Альянс и вопрос состоял лишь в том, «когда и как» [Poland in NATO, 2018]. Символично также, что моментом формального вступления РП в блок стало подписание соответствующего документа главой МИД Польши и государственным секретарем США в г. Миссури – месте провозглашения независимости Североамериканских Соединенных Штатов (САСШ) [Ibid].

2. Активное использование политико-военного инструментария для укрепления своего влияния как в Восточной Европе, так и на постсоветском пространстве (особенно в западной его части). Так, именно Польша совместно со Швецией выступили инициаторами программы ЕС «Восточное партнерство» (2008), в том числе проекта соглашений об ассоциации как инструмента его имплементации.

В условиях протестных настроений в Киеве осенью – зимой 2014 г. в связи с отказом президента Украины В.Ф. Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС страны «Веймарского треугольника» выступили посредниками на переговорах между властями страны и оппозицией. Гарантами соглашения между ними, заключенного 22 февраля 2014 г., стали глава МИД Польши Гж. Схетына, а также министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер и начальник департамента МИД Франции. Однако де-факто уже на следующий день документ был аннулирован в условиях прихода к власти оппозиционных сил. В ходе дальнейшего развития украинских событий Польша заняла позицию столь сильного оппонента РФ, что даже не вошла, в отличие от ФРГ и Франции, в состав созданного в июне 2014 г. «Нормандского формата».

Параллельно, уже со времени вступления в НАТО, Польша стала принимать активное участие во всех вновь созданных военных механизмах Альянса – как региональных (в первую очередь, 1-й постоянной морской и 1-й постоянной контрминной групп,

оперирующих в акватории Балтийского моря), так и широкого спектра применения (силы быстрого реагирования). В условиях стратегического ухудшения отношений с Россией с 2014 г. Польша стала одним из основных направлений военно-тренировочной деятельности блока. При этом определенным водоразделом, открывающим период роста влияния и значимости РП для блока, стал Варшавский саммит НАТО (2016).

Фактор Варшавского саммита НАТО: признание Польши как региональной державы?

8–9 июля 2016 г. в Варшаве был проведен саммит глав государств и правительств Североатлантического альянса, на котором был принят комплекс мер по разворачиванию полноценного военного присутствия (а не только инфраструктуры) на восточных рубежах блока, включавший:

- создание четырех многонациональных батальонов сил передового развертывания (СПР) из контингентов стран – участниц блока (из расчета одна часть в каждой из стран Балтии и Польше);
- учреждение штабов корпуса «Северо-Восток» в РП и дивизии «Юго-Восток» в Румынии [Warsaw Summit., 2016].

Таблица 1

Система комплектования многонациональных батальонов сил передового развертывания [В НАТО заявили., 2016]

Восточноевропейская страна – реципиент СПР НАТО	Страна НАТО, создающая рамочную основу сил батальона	Государства, дополнительно предоставляющие подразделения в состав батальона
Эстония	Великобритания	Франция, Дания
Латвия	Канада	Италия, Польша, Дания, Словения
Литва	Германия	Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Хорватия
Польша	США	Великобритания, Румыния

Это давало ряд имиджевых преимуществ Польше перед партнерами по блоку. Во-первых, до этого всего три саммита Альянса проводились в странах Восточной Европы (в 2002 г. в Праге, в 2006 г. в Риге и в 2008 г. в Бухаресте). В этой связи факт отсутствия

проведения мероприятия подобного уровня на территории Польши не мог не ослаблять ее претензий на региональное лидерство. Во-вторых, именно столица РП стала центром принятия основополагающих решений Запада по созданию качественно новой, основанной на активном использовании войск «старых» стран – участниц НАТО, военно-политической системы в Восточной Европе. В-третьих, Варшава стала символом выражения атлантической солидарности в деле снятия обеспокоенности в отношении «российской угрозы». Тем самым косвенно РП стремилась обеспечить пересмотр отношения к себе как стране, на территории которой была учреждена Организация Варшавского договора (1955).

Прелюдией к Варшавскому саммиту НАТО стало проведение крупнейших со времени окончания холодной войны учений – «Анаконда-2016» (Anaconda 2016) 6–17 июня. Из общего числа военнослужащих-участников (31 тыс.) 14 тыс. (или 45%) принадлежали вооруженным силам США, 12 тыс. (39%) – Войску польскому, а остальные состояли из контингентов еще 22 стран – участниц НАТО [NATO countries., 2016]. Учения включали в себе военно-воздушную компоненту: в районе г. Торунь была осуществлена высадка тактического десанта (1130 парашютистов, в том числе 500 из армии США и 230 – Великобритании), которые переправились через р. Висла и обеспечили переправу большой колонны автомобильной техники. Тем самым демонстрировалась высокая боеспособность сил специальных операций [Ibid]. С одной стороны, эти учения стали символом проявления солидарности «старых» стран – участниц Альянса с «новыми» во главе с Польшей в условиях обеспокоенности «российской угрозой». С другой – был на практике продемонстрирован особый характер отношений РП и США в военно-политической сфере и готовность последних предоставить массированную военную помощь Польше.

Из числа стран Восточной Европы РП стала основным реципиентом войск Соединенных Штатов Америки, хотя основная масса подразделений «старых» европейских стран – участниц НАТО в составе СПР Альянса дислоцировалась на территории стран Балтии. При этом большинство военных сил США (бронетанковые бригады, силы спецназа) размещалось не в составе многонацио-

нальных группировок, но под исключительным национальным командованием Соединенных Штатов в качестве механизмов прямой военной помощи Восточной Европе со стороны Белого дома. Соответственно, это должно было демонстрировать особый характер отношений США с РП как центром притяжения в Восточной Европе. Так, на территории Польши были размещены управления и основная масса войск и техники 3-й бронетанковой бригады 4-й пехотной дивизии армии США, переброшенной в регион в январе 2017 г., а также прибывшей ей на смену в рамках ротации в сентябре 2017 г. 2-й бронетанковой бригады 1-й пехотной дивизии армии США. При этом если парк бронетехники первого из соединений прибыл сначала в порты ФРГ и лишь затем был отправлен в РП, то тяжелая военная техника второго сразу была морем доставлена в Гданьск [Armour arrives..., 2017].

Этот факт, обусловленный реализацией Польшей мер по модернизации и повышению охраны инфраструктуры портов, вызвал особое удовлетворение командующего Войском польским [ibid]. Здесь также необходимо подчеркнуть, что рамочную основу батальона СПР НАТО, развернутого в Польше, составляют именно войска США, а остальные подразделения выделяются Великобританией – ближайшим партнером Соединенных Штатов и Румынией – второй по численности вооруженных сил страной в Восточной Европе. При этом ни крупные, ни тем более малые европейские государства – члены НАТО не были допущены к комплектованию СПР на территории Польши. Не менее важным является создание разветвленной штабной инфраструктуры, ключевой компонентой которой является штаб многонационального корпуса «Северо-Восток», способный принять в реальности командование над группировкой численностью до 80–100 тыс. военнослужащих как из состава сил передового, так и быстрого развертывания (СБР) НАТО. Демонстрацией этого являются регулярно проводимые учения СБР на территории РП [Szczecin..., 2016].

Параллельно с этим на территории Польши (и в меньших масштабах на территории стран Балтии, Румынии и Болгарии) создаются крупные склады вооружений и военной техники, в том числе тяжелой. Так, только США скрытно перевезли в регион в

2015–2017 гг. как минимум 550 танков – без учета тех, что стояли на вооружении прибывших в регион соединений армии Соединенных Штатов Америки [Kleine Anfrage., 2015, S. 1]. Это позволяет, перебросив лишь личный состав, согласно расчетам автора, оперативно развернуть на территории Польши и ее соседей не менее пяти-шести бронетанковых бригад, не считая войск усиления.

Таким образом, помимо уже прибывших в регионе (и обновляемых на ротационной основе войск) партнеров Польши по НАТО создан каркас для быстрого развертывания крупных группировок, в том числе механизированных войск. Тем самым в значительной степени нивелируются опасения официальной Варшавы по преимуществу России в тяжелой технике, сосредоточенной в западных районах страны.

Рост польской военной мощи: на пути к превращению в полновесного регионального лидера?

В результате реализации комплекса рассмотренных мер польский истеблишмент смог продемонстрировать общественности факт практического признания значимости Польши со стороны государств – партнеров по Североатлантическому альянсу. Однако это имело и негативное последствие – РП, ставя себя в положение реципиента военной помощи (наряду с другими странами региона), тем самым признавала свою относительную слабость в сфере международной безопасности. Стремясь решить данную проблему, руководство страны пошло на ряд компенсационных мер, направленных на демонстрацию серьезного усиления мощи РП. Главной из них необходимо признать увеличение роста военных расходов. В относительном измерении (доля от объема ВВП) Польша, демонстрируя поступательную динамику, наряду с англосаксонскими державами вышла на показатель в 2%, установленный как обязательный к 2024 г. на Уэльском саммите НАТО (2014) (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

**Сравнение доли расходов на оборону (от ВВП) Польши
и крупнейших стран – участниц НАТО (в %)¹**

Страна	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
США	5,29	4,81	4,77	4,42	4,09	3,78	3,59	3,61
Велико-британия	2,51	2,51	2,42	2,20	2,30	2,20	2,09	2,21
Франция	2,02	1,96	1,87	1,87	1,86	1,84	1,80	1,74
Италия	1,42	1,35	1,30	1,24	1,20	1,09	1,02	1,11
Германия	1,39	1,35	1,28	1,31	1,23	1,19	1,19	1,19
Польша	1,71	1,77	1,72	1,74	1,72	1,85	2,23	2,00

Таблица 3

**Объемы ассигнований на оборону восточноевропейских
стран – участниц НАТО (млн долл.) (в ценах 2016 г.)**

Страна	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Польша	7,475	8,493	9,106	8,710	9,007	10,104	10,596	9,349
Чехия	3,129	2,660	2,437	2,185	2,148	1,975	1,921	1,930
Румыния	2,225	2,086	2,380	2,100	2,452	2,692	2,580	2,766
Словакия	1,350	1,138	1,065	1,020	968	997	986	1,024
Венгрия	1,476	1,351	1,472	1,322	1,280	1,210	1,131	1,243
Болгария	905	832	758	722	811	747	633	663
Литва	402	326	345	324	355	427	471	630
Эстония	353	332	389	437	480	513	469	497
Латвия	316	251	289	248	281	293	281	400

Среди стран Восточной Европы Польша выступает бесспорным лидером по уровню военных расходов в абсолютном измерении – ее показатели (порядка 10 млрд евро) в 4 раза выше, чем у Румынии, и почти в 5 раз выше, чем у Чехии (табл. 4). Согласно заявлениям военно-политического руководства РП, первоочередной целью в условиях прироста военных ассигнований будут закупки военной техники (в том числе тяжелой), вооружений, амуниции и предметов военного снабжения – в первую очередь,

¹ Рассчитано автором на основе: Defence expenditures of NATO countries (2009–2016) [Defence Expenditures..., 2016].

польского производства [What is happening..., 2017]. Однако реализация данных планов, – в частности, в вопросе обновления танкового парка (свыше 1 тыс. единиц в 2017 г.). На данный момент он укомплектован техникой импортного производства (в первую очередь, ФРГ (различных модификаций типа «Leopard») и СССР (Т-72)). К 2013 г. польской стороной совместно с крупнейшей западной оборонной компанией BAE-systems (British Aerospace Marconi Electronic Systems) был разработан танк V поколения PL-01 (с использованием стелс-технологий). Однако перед политико-военным руководством РП стоит серьезная дилемма: закупки перспективных танков типа PL-01 возможны лишь небольшими партиями, что не позволит осуществить массовое обновление и наращивание парка танков. В этой ситуации с высокой долей вероятности BAE-systems (вкуче с заинтересованными польскими компаниями) будет активно лоббировать свои интересы, что может привести к росту коррупции в оборонной сфере.

Согласно планам Министерства обороны Польши, Войско польское должно в ближайшее десятилетие возрасти в 1,5 раза – со 103 тыс. до примерно 150 тыс. [What is happening..., 2017]. В первую очередь, это увеличение планируется за счет сил территориальной обороны, создаваемых на основе различных полувоенизированных структур (в частности, организаций футбольных фанатов) [Ibid]. Данное решение позволит найти выход между Харибдой стремления польского руководства продемонстрировать резкий рост военного потенциала и Сциллой сложности наращивания численности вооруженных сил в условиях отмены призывной системы (с 2012 г.). Создание полурегулярных формирований в еще больших масштабах может привести к проявлению проблемы роста коррупции при увеличении закупок амуниции и предметов снабжения для армии, в частности для вновь создаваемых бригад территориальной обороны. Это обусловлено тем фактором, что требования к их оснащению и боевой подготовке существенно ниже, чем для регулярных формирований.

Кроме того, рост коррупции может стать «побочным» эффектом борьбы польских и иностранных (особенно ТНК) компаний за участие в снабжении (топливом, продовольствием) вновь

развертываемых и прибывающих на военные учения в РП контингентов войск стран – участниц НАТО. Примечательно в этой связи, что на фоне планируемого дальнейшего увеличения доли ассигнований на военные цели (в том числе трат на модернизацию вооруженных сил) произошло падение места, занимаемого Польшей в списке стран с точки зрения декорумпированности. Так, в 2015 г. РП была на 30-м месте, в 2016 г. – на 29-м, а в 2017 г. – уже на 36-м [Poland Corruption..., 2018]. Однако в условиях сфокусированности СМИ на «российской угрозе» эта проблема (равно как и более широкий комплекс трудностей развития социального характера) отойдет на второй план. Таким образом, наращивание военного потенциала Польши создает благоприятные предпосылки для роста коррупции.

Значимой составляющей процесса утверждения Польши в качестве регионального лидера в Восточной Европе является укрепление ее политико-военного веса в НАТО. При этом РП реализует сложившуюся исторически схему своего позиционирования в области обороны: опора на сильную внешнюю (по отношению к региону) державу (с начала 1990-х годов США) как средство распространения своего влияния, особенно на расположенные восточнее государства и территории.

В реалиях второй половины 2010-х годов именно Польша стала ключевым элементом новой системы безопасности на восточных рубежах НАТО, включающей расширение военно-политического присутствия «старых» европейских стран – участниц блока и США в регионе Восточной Европы. При этом сама РП стремится к быстрому и не всегда сбалансированному росту своей оборонной мощи. Одним из «побочных» эффектов этого может стать серьезный рост декорумпированности в военно-экономической сфере.

Список литературы

Атлас офицера Генерального штаба. – М.: Военно-топографическое управление Генерального штаба, 1974. – 350 с.

В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК. – 2016. – 26.10. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения – 15.03.2018).

История СССР. С древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, В.И. Лебедева. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. – Т. 1. – 744 с.

Лыкошина Л.С. Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе // Проблемы европейской безопасности / РАН. ИНИОН. – 2016. – Вып. 1. – С. 175–191.

Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. – М.: Язуз: Эксмо, 2006. – 670 с.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы Войны. Кн. вторая. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1974. – 512 с.

Armor arrives to Poland for back-to-back rotation // US Army [site]. – 2017. – 14.09. – Mode of access: https://www.army.mil/article/193851/armor_arrives_in_poland_for_back_to_back_rotation (Date of access – 15.03.2018).

Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016): Communiqué, PR/CP (2016) N 116. – 2016. – 4 July. – 11 p.

Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim: Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode; Drucksache 18/5604. – Berlin, 2015. – 14.07. – 15 S. – Mode of access: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/18/056/1805604.pdf> (Date of access – 15.03.2018).

NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // NATO [site]. – 2016. – 6.06. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Date of access – 15.03.2018).

Poland Corruption Rank. – 2018. – Mode of access: <https://tradingeconomics.com/poland/corruption-rank> (Date of access – 15.03.2018).

Poland in NATO // Ministry of National Defence Republic of Poland [site]. – Warsaw, 2018. – Mode of access: <http://en-m.mon.gov.pl/poland-in-nato/> (Date of access – 15.03.2018).

Szczecin Witnesses Massive Arrival of Vehicles and Troops for Brilliant Jump 2016 // NATO [site]. – 2016. – 18.05. – Mode of access: <https://jfcbs.nato.int/page5735825/brilliant-jump-2016/brjp16-news/szczecin-witnesses-massive-arrival-of-vehicles-and-troops-for-brilliant-jump-2016> (Date of access – 15.03.2018).

Wales Summit Declaration (5 September 2014). // NATO. – 2014. – 05.09. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Date of access – 15.03.2018).

Warsaw Summit Communiqué // NATO [site]. – 2016. – 9.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (Date of access – 15.03.2018).

What is happening to Poland's military? // Foreign Policy. – 2017. – 5.01. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2017/01/05/what-is-happening-to-polands-military/> (Date of access – 15.03.2018).

Л.Н. ШАНШИЕВА, 2018 ©
SHANSHIEVA LARISA

**РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ:
ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ
БЕЗОПАСНОСТИ
REPUBLIC OF BELARUS:
THE EXTERNAL AND INTERNAL FACTORS OF
SECURITY**

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности геополитического положения Республики Беларусь. В этой связи изучаются ее взаимоотношения с соседними странами и основные угрозы для безопасности страны. Исследуется современное состояние Союзного государства России и Беларуси, выявляются тенденции его развития. Уделяется внимание новым инициативам руководства РБ по обеспечению безопасности в европейском регионе. Делается вывод о роли и месте Беларуси в системе безопасности на европейском континенте.*

***Abstract.** The article considers the features of geopolitical position of Republic of Belarus. In this regard the author studied its relations with neighbor countries and main challenges for the security of Belarus. The paper explores the modern state of the Union State of Russia and Belarus, determines the main tendencies of its development. The attention is paid to the new initiatives of the leaders of Republic of Belarus for the ensuring security. The article concludes on the role and place of Republic of Belarus in the European security.*

***Ключевые слова:** Беларусь, Лукашенко, страны Балтии, Польша, Украина, Россия, Союзное государство, ЕС, ЕАЭС, безопасность, Минские соглашения, «Хельсинки-2».*

Keywords: *Belarus, Lukashenko, Baltic states, Poland, Ukraine, Russia, the Union State, the EU, Eurasian Economic Union, security, Minsk agreement, «Helsinki-2».*

Для Республики Беларусь (РБ) обеспечение внешней и внутренней безопасности является одним из ключевых вопросов развития. Страна, которая по историческим меркам имеет небольшой опыт своей государственности, уделяет значительное внимание тематике обеспечения безопасности в различных ее аспектах. Рассмотреть все угрозы, вызовы и условия обеспечения безопасности в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому остановимся на некоторых, наиболее значимых проблемах. К их числу следует отнести особенности взаимоотношений Беларуси с соседними государствами (особенно их экономическое измерение), прежде всего с Россией, роль РБ в решении современных проблем европейской безопасности, актуальные вопросы внутренней безопасности страны.

Обеспечение безопасности РБ: концептуальный уровень

Основные направления политики обеспечения безопасности сформулированы в Концепции национальной безопасности РБ, принятой в ноябре 2010 г. [Концепция национальной.., 2010]. Этот обширный документ демонстрирует всеобъемлющий государственный подход к комплексу современных проблем безопасности. В их числе политическое, экономическое, научно-техническое, социальное, демографическое, информационное, военное и экологическое измерения безопасности. Концепция построена на следующем базовом принципе: «Республика Беларусь является состоявшимся, независимым, суверенным европейским государством, которое не относится ни к одному из мировых центров силы, проводит миролюбивую внешнюю политику и стремится к созданию условий для приобретения нейтрального статуса» [Там же]. В силу своего географического положения Беларусь подвержена воздействию большинства происходящих в мире геополитических процессов, что особенно отчетливо ощущается в условиях глобализации. Поэтому и вызовы национальной безопасности РБ носят

комплексный и взаимосвязанный характер, а некоторые угрозы могут одновременно воздействовать на состояние национальной безопасности по нескольким направлениям. К числу основных потенциальных, а также реально существующих угроз названный документ относит:

- посягательства на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй РБ;
- навязывание Республике Беларусь политического курса, не отвечающего ее национальным интересам, вмешательство извне во внутриполитические процессы;
- недостаточную конкурентоспособность экономики Республики Беларусь;
- снижение уровня благосостояния и качества жизни населения РБ;
- дестабилизацию национальной финансовой и денежно-кредитной систем, потерю стабильности национальной денежной единицы;
- неспособность возвращать и обслуживать внешний и внутренний долг;
- невозможность гарантированного обеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами в объемах, обеспечивающих намеченный рост ВВП;
- потерю внешних рынков, в том числе в результате дискриминации белорусских производителей;
- отставание в темпах перехода экономики к передовым технологическим укладам от других государств, деградация технологической структуры реального сектора экономики;
- депопуляцию, общее старение нации, снижение темпов рождаемости, ухудшение других основных показателей демографии и здоровья нации;
- рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления;
- подготовку или осуществление террористических актов на территории либо в воздушном пространстве РБ, использование ее территории террористическими организациями и группами против иных государств;

- проявления социально-политического, религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды на территории Республики Беларусь;

- возникновение в РБ беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей, независимости, территориальной целостности, суверенитету и существованию государства [Концепция национальной.., 2010].

Таким образом, как следует из документа, на первом месте стояли угрозы общеполитического характера, на втором – широкий спектр социально-экономических и на третьем – военные угрозы.

Проблемы обеспечения безопасности постоянно находятся в поле зрения руководства страны, соответствующие документы становятся предметом обсуждения на высшем государственном уровне. Достаточно упомянуть некоторые из них за последние два года. На совещании высшего руководства РБ 27 марта 2017 г. было принято решение создать республиканскую систему мониторинга общественной безопасности. В декабре 2017 г. Постановлением Совета министров РБ была принята Доктрина национальной продовольственной безопасности (до 2030 г.) [Совещание о республиканской.., 2017]. Значительное место национальной безопасности отводилось в Послании президента РБ А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию как в 2017 г., так и в Послании от 24 апреля 2018 г. В выступлениях главы государства подчеркивалось, что одной из серьезных угроз внешней и внутренней безопасности является обострение международной обстановки. В этой связи президент подчеркнул, что Беларусь значительно повысила свой оборонный потенциал, в стране создана новая военно-промышленная отрасль – ракетостроение. Уже в 2016 г. войска получили отечественную ракетную систему залпового огня «Полонез», боевую машину разведки «Сталкер», новейшую модификацию противотанкового комплекса «Шершень». Поскольку в одиночку сложно противостоять вызовам современного мира, РБ будет делать это коллективно, находясь в составе ОДКБ. При этом

отмечалось, что «интересам Республики Беларусь отвечает и поэтапное углубление диалога с военным блоком НАТО. Это важно для снижения потенциальных рисков с учетом того, что натовские структуры находятся уже у наших границ» [Послание к белорусскому..., 2018]. В выступлении президента РБ были поставлены также вопросы борьбы с терроризмом, контрабандой оружия и наркотиками, с нелегальными мигрантами [Там же].

Эти вопросы обсуждались и на заседании Совета Безопасности РБ 27 февраля 2018 г. Глава государства четко сформулировал свою позицию: «Если говорить объективно, нам не просто бороться с преступностью, потому что все мы видим и понимаем, что происходит вокруг нашей страны. И еще надо понимать то, что Беларусь осталась единственным безопасным, спокойным коридором для передвижения людей, грузов, наверное, и капиталов с Востока на Запад и с Запада на Восток» [Совещание о республиканской..., 2017].

К числу важных документов государственного значения относится Военная доктрина – в 2016 г. в РБ был принят ее обновленный вариант. В документе появилась новая глава, в которой раскрываются основные термины и понятия, такие как «военная опасность», «военная политика», «стратегическое сдерживание», «военная угроза», «период нарастания военной угрозы», «крупномасштабная война», «региональная война», «локальная война», «незаконное вооруженное формирование», «оборонная инфраструктура», «оборонный сектор экономики». Новая Военная доктрина более детально и комплексно оценивает военно-политическую обстановку вокруг Беларуси и в мире. На основе этого уточняются и взгляды на определение внешних и внутренних военных опасностей для Беларуси. «При формировании перечня военных опасностей максимально учитывались тенденции смещения акцентов от возможных внешних угроз к внутренним», – указывается в документе [Есть вопрос..., 2016]. В доктрине рассматриваются и концепции «цветных революций», и механизмы по силовому свержению неугодных политических режимов с помощью провоцирования внутренних вооруженных конфликтов; более детально раскрыты цели и направления военной политики

Беларуси, в том числе основные приоритетные направления в рамках приложения коалиционных усилий под эгидой ОДКБ. Согласно новой Военной доктрине, Беларусь намерена и дальше развивать взаимодействие по решению проблем безопасности со всеми странами с учетом национальных интересов на основе доверия и взаимопонимания [Есть вопрос..., 2016].

Обеспечение безопасности: фактор отношений со странами Балтии и Польшей

В значительной степени внешняя безопасность РБ зависит от отношений с соседними государствами. После распада СССР и обретения собственной государственности Беларусь должна была переформатировать свои отношения с Латвией, Литвой, Польшей, Россией и Украиной. Разумеется, с каждой из них на сегодняшний день присутствуют в разной степени области партнерских связей и линии напряженности. Таким образом, отношения РБ носят противоречивый характер. Вместе с тем она стремится учитывать в своей политике соблюдение собственных национально-государственных интересов и сохранение партнерских отношений не только со странами – участниками евразийского интеграционного процесса, но и с пограничными государствами – членами ЕС.

Тесные экономические и добрососедские отношения складываются у **Беларуси с Латвией**. Можно сказать, что современные белорусско-латвийские отношения не содержат в себе каких-либо линий напряженности или угроз, а, напротив, направлены на конкретные решения проблем безопасности. К настоящему времени достигнут качественно новый уровень этих отношений, поскольку обе страны признали возможность взаимовыгодного сотрудничества. Во время переговоров на высшем уровне, состоявшихся в феврале 2018 г., были достигнуты важные договоренности о сотрудничестве в сфере атомной энергетики и экспорта нефтепродуктов. В частности, подписано соглашение о сотрудничестве в сфере ядерной безопасности, которое предусматривает раннее оповещение о возможных ядерных авариях и обмене информацией в области радиационной защиты [Белоруссия и Латвия..., 2018].

Белорусская сторона намерена и далее развивать отношения с Латвией на основе компромиссов, готова способствовать соседней стране в поставке грузов через латвийскую портовую инфраструктуру в обмен на развитие диалога по таким актуальным для официального Минска темам, как возобновляемая энергия и электроэнергия. Следует отметить, что в перспективе Латвии отводится важная роль в качестве оператора от балтийских стран в реализации северного маршрута «Одного пояса – одного пути». По новому контейнерному трансконтинентальному маршруту, большая часть которого проходит по территории России, будут идти грузы из Китая и Казахстана в Рижский порт, а далее морским сообщением в порт Роттердама [см.: Белоруссия и Латвия., 2018].

Значимую роль в развитии белорусско-латвийского диалога сыграла конструктивная позиция Латвии по вопросу строительства белорусской АЭС в Островце¹ (недалеко от литовской границы). В свою очередь, руководство РБ считает, что АЭС открывает в будущем широкие возможности для совместного ее использования с другими балтийскими странами. Эксперты положительно оценивают соглашение по атомной энергетике между Латвией и Беларусью. Так, в своем интервью генеральный директор Фонда энергетического развития РБ А.Листовский заявил: «Я позитивно смотрю на это событие, потому что две стороны договорились об информационном взаимодействии. Это можно только одобрить. Получается, что Латвия более взвешенно (чем Литва. – *Ред.*) подходит к сотрудничеству с соседней страной, не впадает в истерику, а выстраивает нормальные отношения» [«Латвия не впадает...», 2018]. Он не исключил, что соглашение по атомной энергетике и намерение Латвии за счет этого увеличить объем транзита нефтепродуктов из Беларуси через латвийские порты взаимосвязаны². По мнению эксперта, таким образом власти в Латвии дают понять официальному Минску, что готовы сотрудничать, но в подтвер-

¹ Ввести в строй первый реактор планируется до конца 2018 г. – *Прим. авт.*

² Это затрагивает интересы России, которая считает правомерной поставку нефтепродуктов из НПЗ Беларуси через российские порты, а не через Рижский порт. – *Прим. авт.*

ждение к этому для Латвии необходимо обеспечить транзит нефтепродуктов, чтобы получить дополнительную выгоду. Такую позицию аналитик называл «конструктивной торговой позицией» [«Латвия не впадает...», 2018].

Что касается **Литвы**, то по отношению к Беларуси она играет совершенно определенную роль – зарубежного центра белорусской оппозиции. Поэтому иногда Вильнюс называют «столицей другой Беларуси». И в этом состоит, безусловно, определенная угроза для внутренней стабильности РБ, а также возможных осложнений ее отношений с соседними странами. У литовского истеблишмента вызывает раздраженную реакцию улучшение отношений Беларуси и Латвии, которая не поддерживает идею создания единого «антибелорусского» фронта из числа стран Балтии. Именно такую коалицию пыталась создать в последние годы Литва, мотивируя это тем, что строительство белорусской Островецкой АЭС несет для нее угрозу безопасности.

В Вильнюсе находятся штабы белорусской оппозиции, ее образовательные, экспертные, исследовательские центры, активно действуют белорусские организации, не сумевшие наладить легальную деятельность в Беларуси. Переходя в литовскую юрисдикцию, созданные в РБ НПО получают возможность участвовать в большем числе программ по «демократизации» республики, которые финансируются США и рядом стран ЕС. Наиболее яркий пример этому Европейский гуманитарный университет (ЕГУ) – частный вуз, который был основан в Минске в 1992 г., после его закрытия белорусскими властями в 2004 г. продолжил свою работу в Вильнюсе.

В столице Литвы довольно активно действует такой оппозиционный «мозговой центр», как Независимый институт социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Основными видами его деятельности являются исследования в области социологии, экономики, политологии; информационно-консультативная работа; проведение конференций и семинаров; издание соответствующей литературы. Имея небольшой штат сотрудников, он ежегодно на протяжении 25 лет проводил социологические опросы населения Беларуси по актуальным вопросам

внутренней и внешней политики страны с целью выявления ориентаций населения и элиты по отношению к «расширяющейся Европе». Результаты исследований публиковались в прессе, были предметом публичных дебатов. К числу спонсоров НИСЭПИ принадлежат фонд «Евразия», институт «Открытое общество», Европейская комиссия, органы Совета Европы¹.

В августе 2016 г. вокруг этого института разгорелся громкий скандал, после того как на телевидении РБ был показан фильм-расследование о деятельности НИСЭПИ. Основной вывод авторов фильма состоял в том, что реальных опросов институт не проводит, а просто «распиливает» полученные деньги. Обвинения по качеству опросов неоднократно выдвигались и руководством Института социологии НАН, а также Информационно-аналитическим центром администрации президента РБ. Основатель НИСЭПИ О. Манаев объяснил выдвинутые обвинения тем, что белорусские власти чувствуют угрозу от деятельности института. И хотя после этого конфликта он объявил о прекращении социологических опросов на территории Беларуси, но работу института в целом предполагается продолжить. *«Даже если проводить опросы общественного мнения в условиях нарастающих репрессий станет невозможно, НИСЭПИ найдет другие формы продолжать свою деятельность и выполнять свою миссию»*, – заявил он [Олег Манаев., 2016]. Безусловно, подобные особенности белорусско-литовских отношений содержат определенную опасность для внутренней стабильности РБ и требуют постоянного внимания властей к этой проблеме.

Неустойчивый характер носят **отношения Беларуси с Польшей**. После того как в апреле 2011 г. Совет ЕС принял решение о запрете въезда А.Г. Лукашенко на территорию Союза, двусторонние контакты между соседними странами на правительственном уровне были практически прекращены. На саммит «Восточного партнерства» в Варшаве (2011) президент Беларуси не был приглашен (хотя Польша позиционировала себя как посредника в отношениях РБ с объединением). Комментируя итоги саммита перед журналистами, А.Г. Лукашенко заявил: «Я очень бла-

¹ Более подробная информация о деятельности НИСЭПИ представлена на сайте: <http://www.old.iiseps.org/> – Прим. ред.

годарен балтийским государствам, Болгарии, другим странам, которые и в душе, и открыто поддерживают Беларусь... Ну, нейдется полякам! Вот это для вас не секрет: вот западная граница у нас должна под Минском проходить. Ни меньше, ни больше. И вот деятели типа Сикорского – у него перед глазами “Восточные Крессы”. Ну, так вот на счет этого я хочу сказать: с их попытками не мытьем, так катаньем оттяпать у нас часть Западной Белоруссии, так пока я живой и существую здесь как президент страны – им этого не видать, как собственных ушей. Наша страна едина, целостна и неделима» [Лукашенко: нейдется..., 2011].

После частичной отмены санкций в 2015 г. белорусско-польские отношения стали улущшаться. Но при наличии определенной выгоды в развитии торгово-экономических связей серьезную озабоченность у официального Минска вызывает активная деятельность разного рода польских организаций на территории РБ. Широкое распространение там приобрела деятельность польских НКО, получающих финансовую поддержку из западных стран, присутствие разного рода зарубежных СМИ в белорусском информационном пространстве [см.: Стариков А., Носович А., 2015]. Как считают эксперты, эти внешние силы пытаются повлиять на геополитический выбор Беларуси, организовать и поддерживать массовые протесты с целью смены существующей власти. Их задача облегчается частично тем, что в РБ проживает значительное число поляков¹, которые пользуются всеми правами национально-го меньшинства. Широко развита сеть школ и отдельных классов, ведущих обучение на польском языке. С 1994 г. действует Польский институт в Минске, активно распространяющий польскую культуру, язык, организующий контакты между представителями науки, литературы, культуры из Польши и Беларуси. Важным инструментом воздействия на белорусское общество со стороны Польши стали «карты поляков», позволяющие получить польское гражданство жителям Беларуси. К августу 2017 г. количество выданных Польшей для белорусских граждан «карт поляков» превы-

¹ В РБ почти 19% населения не являются белорусами, из них около 4% – поляки. – *Прим. авт.*

сило 100 тыс. Держатели карт имели возможность получать соответствующую финансовую помощь. Однако в результате внесенных поправок в законодательство РП о «карте поляка», требующих, чтобы предки заявителя имели польские корни, а не просто гражданство, количество заявок на такие карты в ближайшие годы в Беларуси, вероятно, уменьшится [см.: Стариков А., Носович А., 2015].

Можно сказать, что в целом деятельность многочисленных политических, правозащитных и общественных организаций, пытающихся работать в РБ с территории Польши и Литвы, нацелена на смену евразийского вектора развития Беларуси на евроатлантический.

Значение российско-белорусского сотрудничества для решения проблем безопасности РБ

Особое значение для обеспечения внешней и внутренней безопасности РБ имеют ее отношения с Россией. Связанная с РФ обязательствами Союзного договора, Беларусь изначально была ориентирована пророссийски. Это тем более становится важно в новой геополитической ситуации, когда белорусскому государству обеспечить свои национально-государственные интересы в условиях давления Запада без поддержки России не представляется возможным. Надежды, которые возлагались на Союзное государство, в полной мере не оправдались. Под влиянием разного рода факторов этот союз был подвержен разнонаправленным изменениям.

В последние годы отношения двух ранее близких славянских государств осложняются взаимными претензиями, конфликтами, «нефтегазовыми», «мясными» и «молочными» войнами, что постепенно отдаляет их друг от друга. Можно констатировать, что «ядро» этих отношений постепенно размывается, а противоречия нарастают. Разрушено общее гуманитарное пространство, экономики обеих стран носят принципиально разный характер (одна плановая, другая рыночно ориентированная), отсутствует общая стратегия внутриотраслевой интеграции. Кроме того, на внешних

рынках Беларусь и Россия иногда вынужденно становятся конкурентами.

Вместе с тем президент РБ А.Г. Лукашенко неизменно заявляет в своих выступлениях о принципиальной важности сохранения и развития дружественных, союзнических отношений с Россией, имеющих стратегический характер. «Достигнутый уровень взаимопонимания между двумя странами, доверительные отношения, личные между президентами позволяют нам откровенно обсуждать все чувствительные проблемы, находить компромисс», – отметил он в Послании белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 г. [Послание Лукашенко., 2017]. Особенно тесное российско-белорусское взаимодействие развивается в военно-политической и военно-технической сферах. Ежегодно Беларусь и Россия проводят более 40 совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки, в том числе масштабные учения с привлечением разного рода войск. Осенью 2017 г. состоялись крупные маневры под названием «Запад-2017», вызвавшие острую реакцию в странах – участницах НАТО и ЕС. Поднявшийся шум в западных СМИ по поводу этих учений вызвал ответную реакцию А. Лукашенко, который сказал буквально следующее: «Нас уже начали пугать и меня, что войска введут, меня свергнут, страну перевернут и включают в состав известного государства. Для чего это делается? А для того, чтобы разорвать наше военно-политическое единство, которое только на постсоветском пространстве и осталось с Российской Федерацией. Больше такого единства с Россией ни у кого нет» [Послание Лукашенко., 2017].

Россия и Беларусь развивают военно-политическое сотрудничество как два элемента западного (восточноевропейского) фаса ОДКБ. В этой связи необходимо отметить, что «ядро» группировки войск на двусторонней основе было создано еще в конце 1990–2000-е годы, будучи серьезно наращенным (в первую очередь, за счет высококомобильных соединений и частей) с начала 2010-х годов. Так, в 1997 г. было подписано соглашение о совместном участии в обеспечении региональной безопасности между Россией и Беларусью. 27 июня 2000 г. принято постановление Высшего государственного совета Союзного государства о создании региональ-

ной группировки войск. В 2016 г. введена в строй общая региональная система ПВО. Что касается военной базы, которую Россия хотела разместить на территории союзника, то после длительных обсуждений было принято решение закрыть этот вопрос. Отвечая на дискуссию в западных СМИ и комментируя эту ситуацию, президент РБ с присущей ему вербальной непосредственностью заявил: «Говорят – военная база. Да бросьте вы, кому нужны эти 10 самолетов, которые Россия хотела посадить в Бобруйске? Что дает эта база? Что такое в современной войне против НАТО, допустим, самолет? 10 минут боя, он взлетел – и его нет...И потом, что такое аэродром на переднем крае военных действий? Не дай Бог война – две ракеты на взлетно-посадочной полосе – ни один самолет не взлетит. Зачем их сюда?» [Встреча с представителями..., 2017]. Думается, что это решение несколько снизило накал напряженности в отношениях Запада и России, особенно на фоне разрывания США и их европейскими партнерами по НАТО воинских частей на ротационной основе и штабов в странах Балтии и Польше, особенно с конца 2016 г. В 2019 г. году заканчивается срок аренды Россией двух ее военных объектов на белорусской территории – РЛС «Волга» под Ганцевичами и узла связи ВМФ под Вилейкой. Видимо, должны будут пройти переговоры сторон о продлении аренды. Но здесь спор, если и будет, то о цене, полагают специалисты.

Исключительно сложная международная обстановка в некоторой степени «работает» на Союзный договор, поскольку он дает обеим сторонам дополнительные гарантии в обеспечении безопасности. Россия, безусловно, заинтересована иметь на своей западной границе надежного союзника, сохранить белорусский «стратегический балкон». А Беларусь, в свою очередь, нуждается в поддержке со стороны России как в экономической сфере, так и в политической. На официальном уровне руководители двух стран время от времени заявляют о позитивном характере Союзного договора и его потенциальных возможностях. Так, 2 апреля 2018 г. они обменялись поздравительными посланиями по случаю очередного Дня единения народов России и Беларуси. К сожалению, следует признать, что с течением времени Союзный договор все

больше приобретает формальный характер. Формирование общего рынка Союзного государства постоянно сталкивается с возникающими проблемами то в продовольственной, то в энергетической сферах. К их числу добавляются вопросы пограничного и визового режимов.

Весомую роль в осложнении белорусско-российских отношений сыграли кризисные события на Украине и последующие действия России. Безусловно, украинский кризис повлиял непосредственно на внешнеполитическую позицию белорусских властей и общество РБ [см.: Шаншиева, 2016]. Десятки белорусских добровольцев отправились в зону конфликта, причем по разные стороны воюющих сторон. Из Украины в Беларусь двинулись потоки беженцев. Ситуация осложнялась тем, что внутри страны активизировалась оппозиция. Белорусские власти, опасаясь «цветной революции» в собственной стране, прилагали всевозможные усилия для урегулирования конфликта на востоке Украины и нивелирования возможных рисков протестного движения в РБ [Там же].

Несмотря на то что Беларусь активно заявила о себе как участнице переговорного процесса и сделала все возможное для подписания Минских соглашений (как «Минска-1» (2014), так и «Минска-2» (2015)), она на первом этапе поддержала новую власть в Киеве, а в дальнейшем постаралась сохранить нейтралитет в спорных вопросах между Россией и Украиной. Серьезной проверкой союзнических отношений стал факт присоединения Крыма к России. До сих пор РБ не признает законность этого решения, что вызывает у российской стороны естественный вопрос: так ли должен вести себя стратегический союзник? Есть вопросы похожего порядка и у Беларуси к России. В основном они обращены к недостаточно эффективной интеграции Союзного государства, отсутствию равновесных союзнических отношений, стремлению российской стороны диктовать свои условия развития сотрудничества. Кроме того, многовекторная внешняя политика РБ под руководством А.Г. Лукашенко зачастую воспринимается российскими властями как его «заигрывание» с Западом. Между тем ограниченные ресурсы Беларуси, ее особое географическое положение, укрепление государственности и возрастающее значение суверени-

тета приводят к поиску ресурсов и взаимовыгодного сотрудничества с разными странами.

В последнее время среди экспертов и в средствах массовой информации все чаще можно услышать суждение о том, что Союзный договор, мягко говоря, не жизнеспособен. К примеру, День единения народов (2 апреля 2018 г.) послужил поводом для разного рода публикаций и дебатов. Белорусский оппозиционный политолог А. Класковский назвал этот праздник «фальшивым» и, основываясь на тексте Союзного договора, сделал ряд выводов. Прежде всего он обратил внимание на то, что документ предусматривал принятие общей конституции и единой валюты (российского рубля) с 2005 г. По его оценке, российская сторона рассчитывала на постепенное поглощение белорусского государства, а официальный Минск стал фактически саботировать невыгодные для него положения Союзного договора. Поскольку в документе говорилось о создании равных условий и гарантий для деятельности хозяйствующих субъектов, то Беларусь постоянно напоминала и напоминает об этом, когда возникают споры о цене на газ и нефть. Так как объемы субсидий со стороны России заметно снизились, то РБ, по мнению политолога, не очень заинтересована «играть в союзное государство». Таким образом, он делает вывод, что Союзное государство стало продуктом глубокой заморозки, «братская интеграция» оказалась иллюзией, но вместе с тем и вполне реальным капканом, который держит Беларусь и сегодня» [Класковский, 2018]. О причинах охлаждения двусторонних отношений пишет аналитик Центра Острогорского (Минск) Р. Астапеня. В частности, он отмечает, что с 2016 г. произошли принципиальные изменения в характере отношений между РБ и РФ: «Россия больше не готова потворствовать своему малому партнеру и больше не считает его особо важным и лояльным союзником» [Astapenja, 2017]¹. Коренной вопрос отношений в Союзном государстве – условия поставки энергоносителей из России в Беларусь. Конфликт назревал с начала 2016 г., поскольку РБ стала платить за

¹ Центр Острогорского, ранее известный как Центр переходных исследований, – частная некоммерческая организация. Аналитики центра работают в Минске, Киеве, Лондоне и Берлине. – *Прим. авт.*

поставки сырья меньше, чем предусмотрено Договором (107 долл. вместо 132 долл. за 1 куб. м), мотивируя это тем, что другие страны – члены ЕАЭС получают газ по более низким ценам. Эта ситуация повлияла на одобрение со стороны Беларуси таможенных соглашений в рамках ЕАЭС: А.Г. Лукашенко не принял участие в подписании соответствующего договора на высшем уровне 26 декабря 2016 г.¹ Белорусское руководство часто подвергает критике отношения в ЕАЭС, прежде всего за снижение объемов взаимной торговли и недостаточную эффективность. РБ стремится создать общий с Россией рынок нефти и газа, получить равноправный доступ на российский рынок для белорусских предприятий. Однако на практике постоянно возникают проблемы качества поставок белорусского продовольствия, а в последнее время и вопросы пограничного и безвизового контроля. По мнению Р. Астапени, Кремль не хочет вкладывать средства в партнера по Союзному договору, поскольку, с одной стороны, Россия сама столкнулась с проблемой ограниченности своей ресурсной базы, с другой – Беларусь не всегда поддерживает ее внешнеполитические решения. «При этом Россия не боится того, что финансовые ограничения для Минска будут подгонять его в направлении Запада, так как белорусское руководство опасается экономических и политических реформ, которых будут требовать от него Евросоюз и США» [Astapenja, 2017]. Некоторые западные и оппозиционные властям РБ эксперты высказывают предположения о возможном включении Беларуси в состав России без согласия властей РБ. Р. Астапеня считает маловероятным такое развитие событий по двум причинам. Во-первых, президент РБ держит под контролем все госорганы, а силовые структуры и армия относятся достаточно лояльно к нынешней власти. Во-вторых, несмотря на все конфликты, А.Г. Лукашенко в целом остается пророссийски настроенным политиком и не вынашивает планов выхода из интеграционных процессов с Россией. В военной области сотрудничество продолжится, поэтому нет оснований говорить о страхе Беларуси перед

¹ Беларусь подписала данный договор лишь в апреле 2017 г. – Прим. авт.

собственно «военным наступлением» [Astapenja, 2017] России. К тому же Республика Беларусь не собирается выходить из ЕАЭС, она лишь стремится внести изменения в его работу в своих интересах, прежде всего чтобы вывести белорусскую экономику из длительной рецессии. Единственно возможным сценарием развития будущих белорусско-российских отношений эксперт считает создание *новой модели отношений на основе компромисса*. Условно говоря, на принципах «большее за большее» или «меньшее за меньшее». В первом случае отношения РФ и РБ вернутся к исходной точке, а зависимость официального Минска от Кремля возрастет. В настоящее время более реалистичным представляется развитие на основе второго принципа. Возможно, будет заключен «Базисный пакет договоренностей», позволяющий действовать обеим сторонам более гибко в случае возникающих спорных вопросов. По мнению аналитика, в политической сфере отношения вряд ли улучшатся, так как президенты Беларуси и России по некоторым вопросам имеют разные точки зрения и преследуют разные геополитические интересы [Astapenja, 2017]. Перспективы развития российско-белорусских отношений вызывают неизменный интерес в других странах. После инаугурации В.В. Путина 7 мая 2018 г. немецкая радиостанция «Deutsche Welle» (DW) взяла интервью у нескольких белорусских экспертов (как провластных, так и оппозиционных) относительно перспектив этих отношений. В целом политологи прогнозируют дальнейшую «прагматизацию» этих отношений и возрастание угрозы инкорпорации Беларуси в состав России к концу срока правления Путина.

Политолог В. Ровдо напоминает, что Путин уже предлагал Беларуси вступать в состав РФ шестью областями. «Пока это отложенный проект, но Путин – человек деловой, он всегда добивается тех целей, которые он поставил» [Четвертый срок., 2018]. Отчасти эти опасения разделяет и председатель движения «За свободу» Ю. Губаревич: «Обжегшись на Украине, упершись в невозможность дальше реализовывать там свои имперские планы, очередной площадкой, плацдармом может быть избрана Беларусь, как более легкая добыча» [Там же]. Провластный политический аналитик, директор информационно-просветительского учреждения

«Актуальная концепция» А. Шпаковский в интервью DW сообщил, что не прогнозирует каких-то серьезных кризисов в отношениях Беларуси и России в рамках Союзного государства, ЕАЭС и ОДКБ. Председатель Белорусской социал-демократической партии («Грамада») И. Борисов спрогнозировал сохранение статус-кво: «Путин – это гарант стабильности режима Лукашенко. Поэтому политика в отношении Беларуси, по моему мнению, будет проходить в том же русле, что и была ранее» [Четвертый срок., 2018]. Некоторые политологи считают, что Беларусь имеет большое имиджевое значение для РФ, так как без нее Россия потеряет последнюю страну в Европе, которая остается пусть и трудным, но союзником.

На официальном уровне продолжает сохраняться поддержка Союзного договора. В Послании белорусскому народу и Национальному собранию РБ 24 апреля 2018 г. А. Лукашенко заявил: «Союзный проект с Россией не утратил своего значения. По причине исключительно сложной международной обстановки, пожалуй, самой сложной за последние десятилетия, ценность нашего партнерства многократно возрастает. Вместе с тем интеграционный потенциал взаимодействия используется не в полной мере и не всегда эффективно» [Послание к белорусскому., 2018]. В этой речи президент РБ выразил свое отношение и к Евразийскому экономическому союзу: «Было много планов, перспективных проектов. Но некоторые до сих пор далеки от реализации. По разным причинам, и не только внутренним. И если на так называемые внешние факторы влияния не окажешь, то происходящее внутри Союза полностью зависит от стран-участниц, от нас самих... Важные для полноценного развития вопросы решаются крайне медленно и зачастую неэффективно. Работа тормозится непоследовательной позицией наших партнеров по экономическому союзу. В то время как на высоком уровне декларируются углубление интеграции и устранение барьеров, на практике иной подход: вместо отмены односторонних ограничительных мер – их активное применение. Необходимо предметное рассмотрение накопившихся в ЕАЭС проблем, принятие конкретных решений, неукоснительное

их выполнение. Либо мы движемся вперед, либо имитируем движение» [Послание к белорусскому..., 2018].

Что касается роли РБ в обеспечении региональной безопасности, то она серьезно проявила себя в создании минской переговорной площадки для подписания соглашения об урегулировании вооруженного конфликта на востоке Украины (12 февраля 2015 г.). В настоящее время, чтобы не утратить роль значимого актора в выполнении Минских договоренностей (после того как лидер Казахстана предложил перенести минский мирный переговорный процесс в Астану), Беларусь заявила о готовности направить свой миротворческий контингент для урегулирования конфликта в Донбассе. С этой целью в РБ сформировали миротворческую роту из 100 человек, в состав которой входят бойцы элитных военных подразделений [Кто такие..., 2017]. Как правило, президент РБ в своих выступлениях постоянно проводит мысль о том, что Беларусь во многом обеспечивает европейскую безопасность, создавая надежные транспортные коридоры для движения из Европы в Азию, а также проводя гибкую региональную политику. Кроме того, от нее исходят инициативы по мирному урегулированию конфликтов на европейском континенте. Одно из последних предложений такого рода – проект «Хельсинки-2». В условиях наступившего серьезного и многомерного кризиса системы европейской безопасности А.Г. Лукашенко счел необходимым и возможным инициировать сначала дискуссию об организации нового Хельсинкского процесса, а затем и сам процесс. Соответственно Минск готов стать площадкой для проведения любых мероприятий в рамках этой инициативы. Выступая на сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ в июле 2017 г., глава РБ отметил: «Мы понимаем, что сформулировать уже сейчас приемлемую для всех сторон модель такого условного “Хельсинки-2” непросто. Поэтому сначала важно определить общие, устраивающие всех принципы и цели, направленные на укрепление доверия как минимум в политической и военной сферах» [Выступление Президента..., 2017]. Важными он считает прежде всего борьбу с терроризмом, снижение напряженности и предотвращение военной эскалации, координацию действий по регулированию миграционных процессов, а

также обеспечение кибербезопасности. Белорусский лидер также заявил о необходимости привлечь Китай к нынешнему переговорному процессу и призвал стран-лидеров прекратить «геополитическое соперничество в регионе» и практику создания сфер влияния и навязывания государствам определенной модели общественно-политического устройства.

В середине 2010-х годов А.Г. Лукашенко выдвигал идею «интеграции интеграций», т.е. возможном совмещении двух крупных объединений – ЕС и ЕАЭС. Очевидно, что выгода Беларуси от этого была бы огромной – как минимум вследствие ее уникального геополитического положения. Но пока оба проекта не нашли отклика вовне. Во-первых, потому что говорить о завершении холодной войны, которое предполагает «Хельсинки-2», сегодня не приходится. А во-вторых, ни среди государств – членов ЕС, ни среди стран, входящих в Евразийский союз, проект тесной интеграции никем не поддержан.

Подводя итог, следует отметить, что во втором десятилетии XXI в. Республика Беларусь стала играть возрастающую роль в обеспечении региональной безопасности в Европе. К тому же белорусское государство сохраняет относительную стабильность, а подавляющая часть белорусского общества доверяет власти, несмотря на сложное экономическое положение, рост протестных настроений внутри страны и попытки внешнего влияния.

Список литературы

Белоруссия и Латвия договорились сотрудничать в сфере ядерной безопасности. – 2018. – 7.02. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/news/478108-belorussiya-latviya-yadernaya-bezopasnost> (Дата обращения – 29.04.2018).

Встреча с представителями общественности белорусских и зарубежных СМИ // Президент РБ [сайт]. – 2017. – 3.02. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-obshchestvennosti-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-15509/?utm_source=russianpulse.ru&utm_medium=link&utm_campaign=article (Дата обращения – 29.04.2018).

Выступление Президента Беларуси на пленарном заседании, посвященном торжественному открытию 26-й сессии ПА ОБСЕ // БЕЛТА. –

2017. – 05.07. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/vystuplenie-prezidenta-belarusi-na-plenarnom-zasedanii-posvjaschennom-torzhes-tvennomu-otkrytiu-26-j-255952-2017/> (Дата обращения – 29.04.2018).

Есть вопрос. Чем отличается новая военная доктрина Белоруссии? // БЕЛТА. – 2016. – 22.02. – Режим доступа: <http://www.belta.by/society/view/est-vopros-chem-otlichaetsja-novaja-voennaja-doktrina-belarusi-178661-2016/> (Дата обращения – 29.04.2018).

Заседание Совета Безопасности Республики Беларусь // Президент РБ [сайт]. – 2018. – 27.02. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/zasedanie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-18200/ (Дата обращения – 29.04.2018).

Класковский А. Беларусь в капкане. Как от «братского единения» остались рожки да ножки // Белорусские новости. – 2018. – 02.04. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20180402/1522673808-belarus-v-kapkane-kak-ot-bratskogo-edineniya-ostalis-rozhki-da-nozhki> (Дата обращения – 29.04.2018).

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждено. Указ Президента 9 ноября 2010 г. // КГБ РБ [сайт]. – 2010. – 9.11. – Режим доступа: <http://kgb.by/ru/ukaz575/> (Дата обращения – 29.04.2018).

Кто такие белорусские миротворцы, как они могут появиться в другой стране и можно ли им стрелять. – 2017. – 5.12. – Режим доступа: https://news.tut.by/economics/571501.html?crnd=35481_ (Дата обращения – 29.04.2018).

«Латвия не впадает в истерику, как Литва»: О сотрудничестве по БелАЭС // REGNUM. – 2018. – 8.02. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2378174.html> (Дата обращения – 29.04.2018).

Литва и Белоруссия оказались на пороге ядерной холодной войны // Лента. – 2017. – 28.12. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2017/12/26/mirnyiatom/> (Дата обращения – 29.04.2018).

Лукашенко: Безопасность в единстве народа // БЕЛТА. – 2018. – 24.04. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-bezopasnost-v-edinstve-naroda-299926-2018/> (Дата обращения – 29.04.2018).

Лукашенко: неймется полякам, и у отдельных, типа Сикорского, перед глазами Восточные Крессы. – 2011. – 30.09. – Режим доступа: <http://www.ctv.by/node/57515> (Дата обращения – 29.04.2018).

Олег Манаев: НИСЭПИ воспринимается властями как угроза. – 2016. – 1.08. – Режим доступа: https://naviny.by/article/20160801/1470082158-oleg-manaev-nisepi-vosprinimaetsya-vlastyami-kak-ugroza_ (Дата обращения – 29.04.2018).

Послание к белорусскому народу и Национальному собранию // Президент РБ [сайт]. – 2018. – 24.04. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/ (Дата обращения – 29.04.2018).

Послание Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию // БЕЛТА. – 2017. – 21.04. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/lukashenko-21-aprelja-obratitsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-243565-2017/> (Дата обращения – 29.04.2018).

Совещание о республиканской системе общественной безопасности // Президент РБ [сайт]. – 2017. – 27.03. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/soveschanie-o-respublikanskoj-sisteme-monitoringa-obschestvennoj-bezopasnosti-15872/ (Дата обращения – 29.04.2018).

Стариков А., Носович А., Петровский П. Анатомия «европейского выбора»: НКО Польши и Прибалтики в Республике Беларусь // RuBaltics. – 2015. – 23.09. – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/23092015-nko-belarus/> (Дата обращения – 29.04.2018).

Четвертый срок Путина: Грозит ли Беларуси потеря независимости? – 2018. – 7.05. – Режим доступа: https://udf.by/news/main_news/173345-chetvertyj-srok-putina-grozit-li-belarusi-poterya-nezavisimosti.html (Дата обращения – 20.05.2018).

Шаншиева Л.Н. Беларусь и украинский кризис в контексте региональной безопасности // Проблемы европейской безопасности / РАН. ИНИОН. – 2016. – С. 156–174.

Astapenja R. Die Verschlechterung der belarussisch-russischen Beziehungen. Immer mehr Streit und immer weniger Kompromissbereitschaft // Belarusanalysen. – 2017. – N 31. – S. 2–6. – Mode of access: <http://www.laender-analysen.de/belarus/pdf/BelarusAnalysen31.pdf> (Date of access – 20.05.2018).

Т.Г. БИТКОВА, 2018 ©
BITKOVA TATYANA

**РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ВЗГЛЯД ИЗ РУМЫНИИ**
**RUSSIA AND EUROPEAN SECURITY:
THE VIEW FROM ROMANIA**

Аннотация. Исследуются подходы румынских авторов, изучающих характер и масштаб влияния России на процессы в системе европейской безопасности. Выявляется преобладающий интерес к оценке роли РФ в возникновении вооруженных конфликтов по периметру ее западных границ. Затрагиваются оценки российского влияния, воздействующего на глобальный контекст. Определяется взаимосвязь румынской позиции и общей стратегии ЕС и НАТО в условиях конфронтации Россия–Запад.

Abstract. The article analyses the approaches of Romanian experts towards the understanding of the character and the scale of Russian influence over the system of European security. It is revealed the prevailing interest to the Russian role in the emergence of armed conflicts along the perimeter of Russian western borders. The paper also includes the assessments of Russian influence on global context. The article determines the connection between the Romanian position and common strategy of the EU and NATO in the context of confrontation between Russia and the West.

Ключевые слова: безопасность, угрозы, гибридные войны, Румыния, Россия, Украина, Молдавия, Приднестровье, Евро-Атлантическое сообщество.

Keywords: security, challenges, hybrid wars, Romania, Russia, Ukraine, Moldavia, Transnistrian, Euro-Atlantic community.

«Румыния стала главной угрозой России после размещения ПРО США», «Румыния превращается в передовой плацдарм НАТО против России», – такого рода сообщения встречаются в российских СМИ и таков смысл заявлений со стороны МИД РФ, особенно в 2010-е годы. Так, А.А. Боцан-Харченко, директор Четвертого европейского департамента МИД РФ, отмечал в интервью «Интерфаксу»: «Что касается позиции Румынии, позиции руководства Румынии, которое превратило страну в форпост, то для нас это явная угроза» [В МИД заявили..., 2017].

Подобные оценки являются реакцией на активную милитаризацию нашего юго-западного соседа, проходящую под эгидой НАТО, а по сути – США. Сегодня в Румынии размещены и обустроены несколько военно-воздушных и одна военно-морская база НАТО, а на одной из них – Девеселу – в мае 2016 г. введен в строй первый в Восточной Европе комплекс противоракетной обороны (ПРО) Соединенных Штатов Америки.

В Румынии объясняют свои действия потенциальными угрозами со стороны России, агрессивностью ее внешней политики, подкрепленной опасными военными действиями и масштабными маневрами. Это, по мнению официального Бухареста, негативно влияет не только на российско-румынские отношения, но и на европейскую безопасность в целом.

Ряд сюжетов, особенно волнующих румынский истеблишмент, являются фоном и обязательно присутствуют в связи с оценкой роли России в системе европейской безопасности. Это:

- негативная реакция нашей страны на размещение в Румынии системы ПРО США;
- неприемлемая для официального Бухареста позиция России относительно статуса непризнанной Приднестровской республики;
- подспудная поддержка Кремлем пророссийских сил в Республике Молдова, препятствующих «воссоединению Бессарабии» с «матерью-родиной» Румынией;
- опасное для «свободного мира» усиление российского военного присутствия в Черноморском регионе после присоединения Крыма и дестабилизации обстановки на востоке Украины.

«Красным флажком» обозначен 2014 г. – Россия-2014 предстает в логике румынских авторов как коварный и неожиданный для НАТО агрессор, как будто большинство восточноевропейских стран к этому времени не присоединились к Альянсу, а сама Румыния не начала активное размещение баз НАТО на своей территории. При этом игнорируется тот факт, что Украина и Грузия планировали вступить в Альянс, а Румыния последовательно наращивала свое присутствие в Молдавии с целью ее румынизации. «Уход Америки (из Европы. – Т. Б.) и объявление о намерении сделать стратегический поворот к Азии оставили много пустого пространства, которое Москва поспешила занять. Вскоре разразились конфликты, а Украина и «аннексия»¹ Крыма показали, как далеки от реальности были западные стратеги в геополитическом анализе ситуации в Европе» [Ion M. Ionița, 2016]².

Российская угроза в оценках, отражающих официальную точку зрения

В рассуждениях на темы европейской безопасности румынские эксперты в целом следуют за логикой своих западных коллег, квалифицирующих сегодняшнюю российскую политику как «сосредоточение зла». Особо выделяется мысль, что Восточная Европа является зоной наибольшей хрупкости и опасности, регионом, где необходимы специальные материальные вложения со стороны НАТО ввиду близости потенциального противника. В первую очередь речь идет о развертывании воинских контингентов и складов военной техники. Примером рассуждений на эту тему может служить обширное интервью военно-политического аналитика, генерала в отставке Шт. Опри «Приоритетная область российской обороны – колоссальное провоцирование НАТО». Автора работы причисляют к кругу лиц, формирующих румынское обществен-

¹ Речь идет о возвращении в состав РФ. – *Прим. ред.*

² Необходимо напомнить, что в российских СМИ много писали о том, что если бы Крым не был присоединен к России, то на полуострове появились бы вскоре военные базы НАТО. В доказательство приводились разнообразные ссылки и свидетельства. – *Прим. авт.*

ное мнение. Столь важную беседу с ним проводил видный военно-политический обозреватель и эксперт И. Петреску, который сам числится в этом ряду.

Шт. Опря видит нескольких главных угроз для безопасности «свободного мира»: «путинская Россия, “человек-ракета” из Северной Кореи, сирийский лидер Башар аль-Асад, а также различные негосударственные акторы, которые часто действуют благодаря поддержке авторитарных режимов» [Petrescu, 2018]. Но именно Россия, подчеркнул генерал, является главным потенциальным разрушителем всей системы безопасности, сложившейся в Европе и мире после Второй мировой войны. В условиях, когда взаимодействие ЕС и США с Россией и Китаем сковано, наибольшую опасность представляют, в первую очередь, нетрадиционные методы борьбы со стороны российского руководства. «Россия все больше проникает и успешно воздействует на внутренние политические дела своих противников и не в последнюю очередь Соединенных Штатов» [Ibid].

Нетрадиционные методы военных и политических действий, рассуждает Шт. Опря, по сути, стали отличительной чертой процесса усилившегося российского влияния. «После Крымского вторжения¹ в 2014 г. Россия продемонстрировала свою способность улучшать использование обычных вооруженных сил невоенными средствами для поддержания своего влияния в “Восточном партнерстве”² и выступать на международной арене как признанная военная держава» [Petrescu, 2018].

Шт. Опря полагал, что даже террористическая группировка «Исламское государство» (ИГ)³ не несет такой опасности, как Россия. «ИГ сочетает при ведении боевых действий формы обычной и нетрадиционной войн, буквально демонстрируя свой флаг и тя-

¹ В России пишут об использовании Вооруженных Сил РФ для обеспечения правопорядка на Крымском п-ове в период проведения референдума 16 марта 2014 г. – *Прим ред.*

² Речь идет о территории стран – участниц программы «Восточного партнерства» ЕС (Белоруссия, Украина, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан). – *Прим. ред.*

³ ИГ – запрещенная в РФ организация. – *Прим ред.*

желое оружие, в то время как Россия действует в основном скрытыми или незаконными силами и средствами» [Petrescu, 2018]. Не последнее место в этой конфронтации занимают информационные конфликты. В этом контексте, полагает Шт. Опря, риск для Запада заключается в недооценке того, что сегодня характер конфронтации принципиально иной и что такие понятия, как ограничение, сдерживание и пропаганда, имеют уже иное значение в условиях больших объемов данных и фейковых новостей. Эти тенденции имеют особые последствия для стабильности Украины, и именно здесь они «дают представление об эволюции методов российской гибридной войны» [Petrescu, 2018].

О серьезности восприятия Румынией проблемы информационных конфликтов говорит тот факт, что в рамках Румынской академии в апреле 2017 г. была создана особая структурная единица – Лаборатория информационной войны и стратегической коммуникации. Это подразделение, состоящее из нескольких научных сотрудников под руководством Д. Дунгачиу (директора Института политических наук и международных отношений) и привлекаемых внештатных сотрудников, призвано «анализировать сообщения и пропагандистские стратегии, используемые Россией в румынском и европейском пространстве» [Popescu, 2017].

Румынское экспертное сообщество даже при сдержанности формулировок зачастую культивирует в обществе чувство беззащитности и страха перед Россией, что наиболее очевидно прослеживается в средствах массовой информации, а это поддерживает в массовом сознании неприязненное отношение к России как таковой. Даже массовые антикоррупционные акции, прокатившиеся по всей стране в 2017–2018 гг., видятся некоторыми в Румынии как событие, которое может пойти на пользу российской пропаганде. Об этом говорил, в частности, ответственный секретарь Румынской академии В. Войку. Он квалифицировал эти акции как «войну румын против румын», которую могла бы использовать Россия против Румынской православной церкви, Румынской академии, системы румынских национальных ценностей в целом [Ibid].

Одновременно такие выступления отражают реальную направленность политики руководства страны, которое постоянно

напоминает западным партнерам о необходимости наращивания сил НАТО на ее восточных рубежах – уже давно идущий процесс, приобретший резко возросшие скорость и масштаб после 2014 г. Выступая на Парламентской ассамблее НАТО в Бухаресте 9 октября 2017 г., президент К. Йоханнис заявил: «Необходимо усилить присутствие на восточном фронте, особенно на юге, в Черном море, во всех измерениях». Вместе с тем, как всегда обтекаемо и дипломатично, он сказал: «Наша цель не война, а мир. НАТО не является угрозой для России. В отношении России необходима комплексная стратегия союзников. Она должна предусматривать диалог» [Klaus Iohannis., 2017].

«Вблизи от своих пределов ЕС и НАТО, – уточняет И. Петреску, – приходится сталкиваться со сложным сочетанием локальных вооруженных конфликтов и конфронтаций на уровне государств..., но самые насущные проблемы высвечиваются в географических районах, прилегающих к их восточным и южным границам». Как резюмировал эксперт, «мы живем на границе Евро-Атлантического сообщества и зоны, которую Владимир Путин хотел бы превратить в бывший Советский Союз, но с другим названием» [Petrescu, 2018]. С И. Петреску соглашается и Шт. Опря. Хотя восточноевропейские страны «являются членами НАТО и ЕС, они... оказываются в вакууме безопасности» [Ibid]. В качестве аргументов приводятся примеры, свидетельствующие об активизации военного присутствия России. «Оккупация Крыма¹, контроль над значительной частью Юго-Восточной Украины, оккупация части суверенной территории Грузии² и, что не менее важно, усиление давления со стороны военно-морских сил на северное побережье Турции и других союзников по НАТО в Черноморском бассейне в сочетании с усиленным контролем над сирийским побережьем могут наметить геополитическую перспективу, оказывающую значительное влияние на Восточное Средиземноморье, Эгейское море и Черноморский бассейн...» [Petrescu, 2018]. Наглядные примеры

¹ Речь идет о возвращении в состав РФ. – *Прим. ред.*

² Речь идет о поддержке независимости Абхазии и Южной Осетии после инициированной Грузией августовской войны 2008 г. – *Прим. ред.*

политической активизации России присутствуют и в других суб-регионах, прилегающих к ее западным границам, полагает И. Петреску. Так, «используя недавнюю напряженность между Венгрией и Украиной¹, Кремль нацеливается на Украину через Венгрию, чтобы провести свою кампанию по ухудшению отношений между Украиной и ее соседями» [Petrescu, 2018].

Отдельное внимание румынские эксперты уделяют роли военных учений РФ для ее стратегического курса в целом. «Военные учения, которые Россия ведет с 2008 г., используются как часть стратегического послания, которое Россия направляет своим западным рубежам, показывая, что это – область ее геополитических интересов, а сближение стран Восточного партнерства с Западом может им дорого стоить...» [Ibid].

Надо подчеркнуть, что видение ситуации, представленное как в интервью Шт. Опри, так и во многих иных статьях и комментариях румынских аналитиков, полностью соответствует общему подходу ЕС к оценке места и действий России в современном мире, а также мнениям, распространенным сегодня в западной политологии, о чем упоминалось вначале. «Нарушение Россией международного права и дестабилизация ситуации в Украине наряду с затяжными конфликтами в регионе Черного моря стали вызовом для основ Европейской системы безопасности», – говорится в Глобальной стратегии Европейского союза по внешней политике и политике безопасности (2006) [A Global Strategy., 2016]. «Запад обнаруживает себя в новом “шатком” мире, в котором многие рассматривают Россию не только как помеху или соперника, но и как прямую угрозу», – таков вывод британского политолога М. Галеотти в его докладе, опубликованном Европейским советом по меж-

¹ Речь идет о принятии в Украине закона об образовании, который среди прочего сильно сокращает возможность обучения на других языках. В правительствах ряда стран, в том числе Венгрии и Румынии, заявили, что этот закон нарушает права меньшинств в Украине. В России также осудили этот закон. Министр иностранных дел Венгрии П. Сийярто заявил, что официальный Будапешт инициирует пересмотр соглашения об ассоциации Украины с Европейским союзом из-за этого документа. – *Прим. авт.*

дународным отношениям [Галеотти, 2016]. Рассуждая о перспективах выхода из сегодняшней конфронтации, румынские эксперты подчеркивают особую заинтересованность России в зонах, прилегающих к ее границам. «С точки зрения российского руководства, географическая близость присутствия НАТО не должна распространяться на область привилегированных интересов России. Серые зоны останутся буферными зонами, которые Россия будет использовать в гибридных действиях против Запада» [Petrescu, 2018]. «Россия которая продвигает худшую политику в отношении всего мира уменьшает и подрывает свой собственный международный авторитет», «Россия, с точки зрения международного права – государство ревизионистское и реваншистское», – таковы высказывания Ю. Кифу, бывшего советника экс-президента Т. Бэеску [Chifu, 2018].

Резюмируя приведенные оценки и высказывания, следует выделить несколько моментов. Внешняя политика современной России трактуется румынскими экспертами как набор якобы агрессивных действий, направленных против мира свободы и демократии. Румыния в этой ситуации, подчеркивают они, должна стремиться всеми доступными ей способами поддерживать Запад для ограничения влияния РФ.

О сильных и слабых сторонах современной России, о связи ее внешней политики с внутренней

При всем негативе, который характеризует оценки России в румынской политологической литературе, все же нельзя не видеть целого ряда нюансов. Так, авторы, не берущие на себя бремени пропагандистских задач, склонны к более детальному рассмотрению ситуации с учетом исторических и внутривнутриполитических реалий России, а также ее реальной озабоченности в вопросах внешнеполитических действий. При этом такие выступления, независимо от их содержания, более уравновешенны и логичны, хотя российские авторы могут противопоставить им свои аргументы. Такой анализ присутствует, в частности, у экспертов, знакомых с Россией не понаслышке. Среди них – политолог и историк А. Гошу.

И все же ядерные стратегические возможности и объекты А2/АD¹ в Калининграде, Крыму, Армении, Сирии делают необходимым поддерживать каналы связи с Россией. А. Гошу напоминает в связи с этим, что западные эксперты обсуждают возможность реконфигурации Совета Россия – НАТО в качестве механизма управления конфликтами на местах, особенно во время кризисов.

«Гибридные войны» также, по мнению А. Гошу, являются доказательством слабости и хрупкости России. «Москва понимает, что у нее нет шансов в прямом и обычном военном столкновении с западным блоком». Именно по этой причине РФ «была запущена адская пропагандистская машина», что явилось причиной того, что на уровне ЕС также «создаются центры для борьбы с подрывной деятельностью России» [Interviù cu Armand., 2017]. Касаясь так называемой «доктрины Герасимова», эксперт отмечает: российская пропаганда производит «альтернативные истины», распространяет их, чтобы ослабить способность противника отличать правду от лжи. «Это даже не ново. Советская разведка определяла эту тактику как “активные меры”» [Ibid].

По мнению А. Гошу, после референдума в Нидерландах по вопросу о ратификации соглашения об ассоциации с Украиной, Брежнев, но особенно президентских выборов в США, попыток повлиять на президентские выборы во Франции и парламентские в Германии, а также на недавние президентские выборы в Чехии «угроза вмешательства России в избирательные кампании остается высокой» [Goşu, 2018]. При этом Кремль меняет свою тактику в зависимости от слабостей противника, констатирует А. Гошу. «Россия определяет (чаще всего правильно) основные трещины в обществе намеченного государства и области, где можно манипулировать для возникновения кризисов... Это часть стратегии подрыва западных демократий путем использования их внутренних проблем» [Ibid].

¹ Концепция ограничения и воспреещения доступа и маневра, сдерживания потенциального противника посредством создания угрозы его группировкам и коммуникациям, по которым осуществляется их снабжение еще в мирное время. – *Прим. ред.*

Поддерживая местных экстремистов, подпитывая недовольство (часто обоснованное) пророссийских, а где их нет, антизападно настроенных кругов, «Россия пытается заставить Запад отказаться от его собственных ценностей... и принять ценности и способ поведения России и даже ее политическую модель с милитаризацией общества, с повсеместными всемогущими и вездесущими секретными службами, контролируемой властью прессой, проникновением в СМИ и организации гражданского общества, с запретом иностранного финансирования НПО и т.д.» [Goşu, 2018].

По мнению А. Гошу, российское общество, «с коррумпированным политическим классом, который легко купить и шантажировать, с населением, ослепленным такими манипуляциями, малообразованным, без твердых ценностей и убеждений, государство с нефункциональными институтами, в которые никто не верит, является легкой добычей в руках Кремля. Такая страна не сможет мобилизоваться, чтобы противостоять агрессии собственной власти» [Ibid]. Но в краткосрочной перспективе РФ будет активна в тактических целях, используя каждую открывающуюся возможность, заключал А. Гошу. Например, «она поддерживает местных политиков, лояльных Кремлю, не потому, что они пророссийские, а потому, что их действия подрывают их государство, атакуя и компрометируя оппонентов разнообразными враждебными действиями. Таким образом, Россия поддерживала Брекзит, Марин Ле Пен, Дональда Трампа и др. И не потому, что Трамп или Ле Пен – пророссийские политики. А потому, что альтернатива им не устраивала Москву» [Ibid].

Какие же цели преследует Россия в своей глобальной политике? Здесь А. Гошу разделяет мнение Шт. Опри: «Ослабить демократические режимы, привести к власти авторитарных лидеров, которые могут оказать поддержку Москве, продвигать модель многополярного мира, в котором не господствуют либеральные ценности» [Interviu cu Armand., 2017]. На что надеется Россия? «Россия знает, что имеет мало шансов продвинуть свою модель цивилизации. Она очень слаба, чтобы привлечь на свою сторону иностранцев, чтобы использовать мягкую силу. Что тогда? Тогда она фокусируется на манипулировании информацией, троллин-

ге, создании липовых новостей» [Intervi u cu Armand., 2017]. Как видно, А. Гошу, в отличие от Шт. Опри, всячески настаивает на том, что Россия более слаба, чем это часто предстает в публичных дебатах за рубежом. Сильные стороны хорошо известны: огромная территория, обилие природных ресурсов, диспропорция между ней и более слабыми соседями, географическое положение между Европой и Азией. «Слабых сторон, по моему мнению, больше: углубление демографического кризиса, экономическая модель, основанная на использовании ресурсов, низкая цена на углеводороды, экономические санкции после вмешательства в Украину, массовое уклонение от уплаты налогов, адская коррупция, отсутствие иностранных инвестиций, плохая инфраструктура. И я имею в виду не только дороги, которые необходимы для эксплуатации энергетических ресурсов» [Ibid].

Таким образом, следует вывод, что ситуация в России далека от удовлетворительной. «Это не означает, что она не может нанести ущерб другим государствам. Несмотря на слабость, России удастся стратегически использовать слабости и уязвимости нужных ей государств. Россия, возможно, не сильна, но проблема в том, что Запад показывает слабость и предлагает Москве возможности, которые он мог бы использовать сам» [Ibid].

Статьи А. Гошу представляют интерес тем, что он в уравновешенном тоне стремится связать внутреннюю и внешнюю политику России, используя конкретные детали, найти объяснение для тех или иных акций, воздерживаясь при этом от ярлыков, которых достаточно в румынской общественно-политической литературе.

Намерение связать внешнеполитические действия России с ее внутривнутриполитическими реалиями присутствует также у политического аналитика Ш. Чокулеску. Он обнаруживает одну и ту же логику во внутренней и внешней политике Кремля и делает следующий вывод: «Политическая среда, по сути токсичная, позволяющая нарушать права человека и воспринимающая саму идею оппозиции как предательство, в сочетании с презрением к международному праву и морали, представляет собой микс, который ведет Россию в ошибочном направлении, а в перспективе к изоляции, нищете, конфликту с Западом (“новой холодной войне”))»

[Cioculescu, 2015]. Ш. Чокулеску также видит преемственность между подходами сегодняшней российской и советской политики. Россия, пишет автор, «следует логике советских идеологов, которые не уважали международное “буржуазное” право, считая его неэффективным из-за отсутствия легко применимых для них установлений». Сегодня Россия, согласно Ш. Чокулеску, присоединяет Крым, нарушая международные договоры, ибо следует этноисторическому критерию. «Она претендует на Крым, потому что он “случайно” стал территорией Украины». Далее Ш. Чокулеску проводит исторические параллели: «Как будто Россия получила Восточную Польшу, часть финской Карелии и румынской Бессарабии по соглашению, мирно и законно!» [Ibid].

Румыния во внешней политике РФ

При обсуждении вопроса о месте Румынии в глобальной стратегии России румынские авторы затрагивают прежде всего болезненные точки, связанные с Республикой Молдова и Приднестровьем. Роль России в этой зоне оценивается крайне негативно, что, по мнению румынских авторов, отрицательно сказывается на проблемах европейской безопасности в целом. Этим же объясняются устойчивые антирусские настроения в румынском обществе.

Как полагает А. Гошу, Россия стремится исказить лицо Румынии в глазах международного сообщества. Она пытается поставить на одну доску стремление Румынии к национальному воссоединению с Бессарабией (Республикой Молдова) и свои притязания на территории, когда-то входившие в Российскую империю, а затем в СССР. По этой причине происходит столкновение российских и румынских интересов, влияющих на взаимные оценки политики Бухареста и Москвы. «У Москвы есть важный актив, Республика Молдова, мифическая Бессарабия, которой много лет занято общественное мнение в Румынии. И Кремлю нравится, чтобы Румыния слыла ревизионистским государством. Путем превращения Румынии в ревизионистское государство в глазах западных столиц Кремль показывает, что государство – член НАТО и ЕС продвигает те же идеи и аргументы, проводит ту же

политику, что и Россия в случае с Крымом» [Interviu cu Armand., 2017].

Отмечая, что Кремль проявляет все больший интерес к внутривнутриполитической ситуации в Молдавии, А. Гошу подчеркивал использование Кремлем местных ресурсов: «И она пользуется бесплатными услугами удивительно многих добросовестных людей, которые откровенно борются с российским влиянием, но которые не понимают, как это работает, они даже ведут игры в Москве. Но эти игры – самые опасные» [Ibid].

В связи с политикой России на постсоциалистическом пространстве отдельное внимание уделяется в Румынии проблемам безопасности Черноморского региона и Балкан. В июне 2017 г. в Констанце была проведена представительная конференция на эту тему. Конференция проводилась Новым стратегическим центром – неправительственной организацией, название которой фигурирует исключительно на английском языке («New Strategy Center»). На сайте организации говорится, что центр призван обеспечить дискуссионную структуру по темам, представляющим большой интерес для Румынии, особенно в тех областях, в которых страна должна быть региональным центром, а также привнести вклад в ее стратегическое партнерство с США [Who we are., 2017].

То, что произошло в Черноморском регионе в последние годы, резко изменило парадигму безопасности в Европе, отмечалось участниками этой конференции. Война 2008 г. в Грузии, «вмешательство в Украину», «незаконная аннексия Крымского полуострова», милитаризация Черного моря и Крыма – вот фундаментальные проблемы, связанные с ролью России в этом регионе, подчеркивалось на конференции. Почему Черное море и Балканы находятся в одном контексте безопасности, с румынской точки зрения? Потому, что румынский субрегион Добруджа является географическим мостом на Балканы. Балканы же с точки зрения безопасности являются очень сложной областью. Это регион, где интеграционные процессы еще не закончились, где имеются глубокие этнические и экономические разногласия, где до сих пор ведется геополитическая игра, проистекающая из многовекового исторического наследия, когда вся эта территория была местом

противостояния между империями. Сегодня этот регион имеет большую значимость для России. «Анализ показывает, что интерес России к милитаризации Черного моря – это как раз возможность создания силы на Балканах и в Восточном Средиземноморье, как это уже произошло в результате российской военной операции в Сирии. Кроме того, кто контролирует Юго-Восточную Европу, может спроецировать свою силу и в Центральную Европу» [Ion M. Ionița, 2016].

Анализируя политику России на Балканах, Шт. Опря увидел в ней некоторые успешные для нее подвижки, что, несомненно, вызывает у него опасения. «Западные Балканы занимают особое место во внешней политике России, тактика России материализуется здесь благодаря своевременному и дешевому подходу, который переносит самую большую часть нагрузки на местных участников. Чувство несправедливого к себе отношения со стороны «лицемерного» Запада благоприятствует беспрецедентной дружбе между русскими и сербами, которые живут не только в самой Сербии, но и имеют влиятельные меньшинства в соседних странах» [Petrescu, 2018]. Но и здесь имеются трудности: «...отношения России с Западными Балканами страдают от отсутствия экономической составляющей (внешняя торговля Белграда с Россией составляет 6,7% по сравнению с 64,4% с ЕС), даже если отказ Сербии, Македонии, а также Боснии и Герцеговины присоединиться к санкциям ЕС против Москвы и преследует цель оживить экономическое сотрудничество региона с Россией» [Ibid].

Румынские политики, как правило, отрицают принадлежность Румынии к Балканам как культурно-цивилизационному региональному пространству. За этим стоят прежде всего не очень приятные для румын исторические ассоциации: османское владычество, отсталость, удаленность от западной цивилизации. И все же когда речь заходит о РФ, в Румынии обеспокоенно следят за ее действиями в этом регионе и демонстрируют свою близость с балканскими народами. Что касается Черного моря, то Румыния всегда ревниво относилась к тому, что предпринимает здесь Россия. Сегодня, когда влияние нашей страны в Черноморском регионе

усилилось, Румыния постоянно вызывает к западным партнерам наращивать здесь свое военное присутствие.

Разбирая сюжеты, связанные с внешней политикой Кремля и местом Румынии в ней, эксперты нередко демонстрируют резкость суждений, несдержанность и повышенную эмоциональность. Бурная реакция в румынских СМИ последовала на оценки размещения системы ПРО США в Румынии, прозвучавшие из уст российского президента на пресс-конференции в Афинах по итогам его визита в Грецию в мае 2016 г. В Румынии размещаются ракеты дальностью 500 км, а через несколько лет будут дальностью 1 тыс. км, отметил Путин. «Мы даже знаем срок, когда эти ракеты будут поставлены на вооружение... Но хуже другое, хуже то, что в эти компактные установки могут быть погружены ударные комплексы, ударные ракеты прямо сейчас, а это дальность 2400 км... И заменить одну ракету на другую не представляет никакого труда... Никто этого не заметит. Даже и румыны не заметят... Мы будем вынуждены сейчас соответствующим образом отреагировать, и если вчера еще те части территории Румынии, которые просто не знали, что такое быть под прицелом», теперь оказываются потенциальными объектами для нанесения ударов [Путин: РФ., 2016].

Уже упомянутый директор Института политических наук и международных отношений Д. Дунгачиу, комментируя это высказывание, заявил: «Россия объявляет нам войну, даже ядерную, Россия возмущена. Возникает мысль, что, глядя на Румынию, Россия видит непримиримого врага, который должен быть уничтожен... Если мы спросим себя, что видит Россия, глядя на Румынию, то короткий ответ заключается в том, что... она не видит Румынию. Более того, она упрямо рассматривает Бухарест как несамостоятельное приложение антироссийского проекта, управляемого исключительно из Вашингтона» [Dungaci, 2016].

Хотя действительно в целом российско-румынские отношения оставляют желать лучшего, но именно в этом и других комментариях румынских политологов можно уловить контекст не включения Румынии в переговорный процесс «5+2» (РФ, США, ЕС, Украина, ОБСЕ + Молдова и Приднестровье) между сторонами

«замороженного» вооруженного конфликта, против чего категорически выступает Кремль и о чем настойчиво печется официальный Бухарест.

О единстве Запада и опасном влиянии России

Осторожно относится к распространенной как на Западе, так и в Румынии антироссийской риторике и преувеличенной ответственности в отношении России А. Лэзеску – главный редактор либерального еженедельника «Ревиста 22». Его главная мысль состоит в том, что Запад сегодня не един, и он будет вынужден договариваться с Россией по многим причинам. На первый взгляд, у российского президента нет серьезных партнеров и союзников. Но не надо преувеличивать солидарность и прочность традиционных связей между западными странами [Lăzescu, 2018].

В «едином фронте» Запада очевидны бреши. Это, на взгляд эксперта, показал и недавний скандал с отравлением бывшего российского разведчика С. Скрипаля. 28 стран из числа государств – членов ЕС и НАТО присоединились к акции Лондона по высылке российских дипломатов, но не все страны – участницы Евро-Атлантического сообщества этому последовали, подчеркивал А. Лэзеску. Австрия, Греция и Кипр полностью отказались реагировать на ситуацию, а Болгария, будучи на посту председателя Совета Европы, лишь отозвала своего посла в Москве «для консультаций». За ней следовали Португалия, Люксембург, Словакия, Словения. А. Лэзеску даже приводит следующую иллюстрацию: некий греческий чиновник отмечал, что россияне немедленно направили в Афины сигналы о том, что позиция их страны оценена [Ibid].

Вслед за этим А. Лэзеску обращал внимание на то, что «Россия на самом деле далека от политической и дипломатической изоляции... На Среднем Востоке престиж Москвы растет впечатляюще. Путин использовал в свою пользу конфликт в Сирии, в то время как Америка была отодвинута на второе место. А решение Трампа о замораживании средств для поддержки операций в Сирии только укрепило позиции Москвы в регионе. Кремлевский лидер воспринимается с уважением и принимается тепло в Каире

и других арабских столицах, имеет дружеские отношения с Эрдоганом, лидером страны, которую все больше и больше рассматривают лишь как формального члена НАТО» [Lăzescu, 2018].

И идеологическим влиянием России нельзя пренебрегать, подчеркивал эксперт. Решительная позиция Австрии твердо отмежевывается от других стран ЕС в ответ на «дело Скрипалей» основывалось не только на экономических интересах, но и на некоторых идеологических связях на уровне нового правительства в Вене. «Народная партия» Австрии давно поддерживает дружеские отношения с проправительственной «Единой Россией». Более того, в 2016 г., через два года после вхождения Крыма в состав России, в условиях широкого режима санкций против России Путин был чрезвычайно сердечно принят в Вене. Это был «символический разрыв» с политикой изоляции Москвы из-за кризиса в Украине [Ibid].

О негативном идеологическом воздействии России более развернуто писал Ю. Кифу, разбирая особенности доктрины сегодняшнего российского руководства. Идейной основой сегодняшнего режима в Москве, полагает Ю. Кифу, является консерватизм, но надо понимать, что он не аналогичен британскому консерватизму и американскому неоконсерватизму. На самом деле «православно-авторитарные и популистские, а по сути неоимпериалистические», подходы имеют другие основания. «Это не что иное, как спекуляция, подражание и публичное проявление радикального авторитаризма Путина, поддерживаемого камарильей силовиков, экономически ориентированных на поддержку путинского режима, что не имеет никакой связи с естественными и достойными проявлениями, но строго в демократических рамках, британского и американского вариантов консерватизма или консерватизма других европейских государств» [Chifu, 2018]. «Коллективная идентичность и национализм патриотической закваски» являются результатом поиска корней, групповой легитимности, а иногда и государственной функциональности. «А ведь в Европе сегодня “в топе” евроскептики. Как правило, это консерваторы-националисты, популисты, несистемные деятели. И именно они являются объектом манипулирования со стороны Кремля для разрушения

Европы и европейских обществ... Эти группы неоднородны. Из значение нельзя абсолютизировать, но не следует и недооценивать силу таких групп. Они могут усиливаться, а это опасно, ибо консервативно-националистические подходы разрушают Европу, ЕС, общеевропейские ценности. По этой причине к консерваторам-националистам должен быть подход, исключающий неизбирательное осуждение», – заключает Ю. Кифу.

Системная коррупция, развитая в основных областях европейского демократического общества, является также подходящей почвой для продвижения российской политической модели, продолжает Ю. Кифу. Постсоветская клептократия и коррупция дикой рыночной экономики, коррупция нерегулируемых зон, где правила изменяются по политическому усмотрению, обращение к теории заговора и пресловутой борьбе с глобализацией и униформизацией – все это должно внимательно обсуждаться в рамках защиты европейских ценностей [Chifu, 2018].

Имея в виду сложности европейского развития сегодня, А. Лэзеску, со своей стороны, настаивает: существует явная опасность того, что даже впечатляющая, на первый взгляд, западная солидарность в «деле Скрипаля» может быть переоценена, если проанализировать как меру твердости Запада по отношению к России, так и серьезный сдвиг в позиции Д. Трампа в том же направлении. При этом Д. Трамп, обращал внимание эксперт, никогда не критиковал В.В. Путина с тех пор, как стал президентом, и не имел ни единого твитта на тему высылки российских дипломатов [Lăzescu, 2018].

«Дипломатическая война», вызванная нападением в Солсбери, вызвала много комментариев, использовавших термин «холодная война 2.0». Однако, как полагал А. Лэзеску, «у нас больше нет биполярной глобальной арифметики “Восток-Запад” времен советской эпохи, и такой ярлык больше не годится, ибо в реальности мы больше не можем говорить об объединенном западном фронте. Напротив, сегодня допускаются серьезные ошибки, расширяются трещины, разделяющие Америку и Европу... Агрессивная риторика Трампа в экономической области.., его враждебность к ЕС на фоне развивающегося европейского антиамериканизма плюс

Брекзит, который выведет из Европы главного адвоката Америки, – все это только усилит основополагающие тенденции разобщения» [Lăzăescu, 2018]. К этому, по мнению А. Лэзеску, следовало добавить «предсказуемую трансатлантическую напряженность, вызванную вероятной денонсацией администрацией Трампа договора с Ираном¹ при резком несогласии с европейскими державами, продвижение PESCO – европейской оборонной инициативы (в которой Великобритания не участвует) – и волна санкций Брюсселя к большим американским технологическим корпорациям, и вы увидите довольно пессимистическую картину» [Ibid].

Некоторые в Европе понимают, что конфронтация с Россией ни до чего разумного не доведет, констатировал эксперт. «После обсуждения выборов в России и на фоне “дела Скрипаля” Юнкер не только поздравил Владимира Путина с переизбранием, но и говорил об “общей цели восстановления общеевропейского порядка безопасности”... Это, по-видимому, свидетельствует о том, что нынешнее равновесие системы европейской безопасности, основанное на ведущей роли НАТО с Соединенными Штатами в качестве главного действующего лица, больше не будет отвечать потребностям современности». Если посмотреть на вещи в целом, то позиция Юнкера, «по-видимому, более значима в среднесрочной и долгосрочной перспективе для эволюции отношений между все более раздробленным Западом и Россией, нежели имиджевые упреждения по высылке целой когорты дипломатов с обеих сторон» [Ibid].

Роль России в системе европейской безопасности интересует румынских авторов, конечно, в первую очередь в контексте собственных региональных проблем. Однако, будучи страной, традиционно обращенной к Западу даже в историческом контексте, Румыния демонстрирует сегодня безусловную приверженность политике Североатлантического альянса, а следовательно, и полную поддержку соответствующих посылов и инициатив, исходящих от его членов, включая санкции в отношении России после

¹ 8 мая 2018 г. президент США Д. Трамп денонсировал соглашение о ядерной программе Ирана. – *Прим. авт.*

присоединения Крыма. Из последних событий следует упомянуть, что Румыния поддержала акцию стран, выславших российских дипломатов в знак осуждения Москвы после отравления в Великобритании С. Скрипаля и его дочери. Отвечая на вопрос, ухудшатся ли в результате российско-румынские отношения, А. Гошу отметил: «Просто Румыния присоединяется к акции других стран ЕС и НАТО – по очевидной просьбе Великобритании, согласно решению Совета ЕС от 23 марта... Здесь нет абсолютно ничего необычного... У нас нет диалога с Россией, и Россия долгое время не общалась с нами. Тон в отношении другого может быть жестче, если вы с ним встречаетесь, разговариваете. О чем мы говорим? Если между нами толстая стена, и мы не слышим друг друга, каким образом тон может ужесточиться?» [Armand Goşu., 2018].

Так чего же ожидать от России? Закончилась ли эпоха Путина? Что следует за ней? Такими вопросами активно и публично задаются румынские аналитики. «Нет никаких признаков того, что это скоро закончится. Путин сильнее, чем когда-либо. В России нет институтов, власть персонифицирована. Все окружено тайной, мы даже не знаем, кто участвует в принятии решений. Советское Политбюро было несколько более прозрачным, чем первый круг Кремля», – делал вывод А. Гошу [Interviu cu Armand., 2017].

Итак, румынские авторы признают: положение сегодняшней России в мире достаточно устойчиво. Несмотря на внутренние сложности, во внешней политике ей удастся следовать собственным приоритетам. Что же это за приоритеты? Используя проблемы Запада, который не един перед своим оппонентом, Россия проводит политику, направленную, по сути, на подрыв статус-кво послевоенного мира, направленную против цивилизационных ценностей Запада, – таково заключение румынских политологов.

Список литературы

В МИД заявили об угрозе России от Румынии после размещения там ПРО США // Интерфакс. – 2017. – 9.02. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/549137> (Дата обращения – 01.11.2017).

Галеотти М. Шпионократия России: О составе и методах работы российских спецслужб // Exrus.eu [site]. – 2016. – 6.06. – Режим доступа:

<https://ru.exrus.eu/Shpionokratiya-Rossii-o-sostave-i-metodakh-raboty-rossyskikh-spetssluzhnb-id5755c528ae2015ec798b4785> (Дата обращения – 10.04.2018).

Путин: РФ примет ответные действия на угрозу от ПРО США в Румынии // ТАСС. – 2016. – 27 мая. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/3320780> (Дата обращения – 09.11.2017).

Armand Goșu decriptează mutarea României contra Rusiei: N-avem dialog de multă vreme // Psnews. – 2018. – 27 martie. – Mode of access: <https://psnews.ro/armand-gosu-decripteaza-mutarea-romaniei-contra-rusiei-n-avem-dialog-de-multa-vreme-exclusiv-209103/> (Date of access – 01.04.2018).

Chifu I. Orban, Putin, May și Trump – la judecata perspectivelor lumii de mâine // Adevarul. Bloguri [site]. – 2018. – 20 aprilie. – Mode of access: http://adevarul.ro/international/in-lume/orban-putin-may-trump-judecata-perspectivelor-lumii-maine-1_5ad99dcdf52022f7509c35a/index.html (Date of access – 01.04.2018).

Chifu I. Politicile agresive ale Rusiei în epoca Putin first! // Adevarul. Bloguri. – 2018. – 6 martie. – Mode of access: http://adevarul.ro/international/rusia/politicile-agresive-rusiei-epoca-putin-first-1_5a9e5f1ad52022f75437b55/index.html (Date of access – 23.03.2018).

Cioculescu S. Rusia, între lăcomia de teritorii și fobia de dușmani interni: o explicație a criminalizării statului // Adevarul. Bloguri [site]. – 2015. – 9 martie. – Mode of access: http://adevarul.ro/international/rusia/rusia-lacomia-teritorii-fobia-dusmani-interni-explicatie-criminalizarii-statului-1_54fd5d66448e03c0fd60c614/index.html (Date of access – 01.11.2017).

Dungaci D. Ce vede Rusia cand se uita la Romania // Ziare [site]. – 2016. – 10 iunie. – Mode of access: <http://www.ziare.com/international/rusia/ce-vede-rusia-cand-se-uita-la-romania-1425000> (Date of access – 19.11.2017).

A Global Strategy on Foreign and Security Policy for the European Union // European Commission [site]. – 2016. – 2.06. – Mode of access: <https://europa.eu/globalstrategy/en/global-strategy-foreign-and-security-policy-european-union> (Date of access – 01.11.2017).

Goșu A. Țintele Rusiei în Europa // Revista 22 [site]. – 2018. – 20 februarie. – Mode of access: <https://revista22.ro/70269579/intele-rusiei-n-europa.html> (Date of access – 23.03.2018).

Interviu cu Armand Goșu. Rusia, de la bolșevici lui Lenin la silovici lui Putin // Contributors [site]. – 2017. – 6 noiembrie. – Mode of access: <http://www.contributors.ro/administratie/interviu-cu-armand-gosu-rusia-de-la-bol%C8%99evici-lui-lenin-la-silovici-lui-putin/> (Date of access – 01.12.2017).

Ion M. Ioniță: Marea iluzie a Occidentului față de Rusia și ce se mai poate face acum // Ora Noua [site]. – 2016. – 1 iunie. – Mode of access: <http://www.oranoua.ro/ion-m-ionita-marea-iluzie-a-occidentului-fata-de-rusia-si-ce-se-mai-poate-face-acum/> (Date of access – 01.12.2017).

Ion M. Ioniță: Securitatea la Marea Neagră și în Balcani. Ce vrea Rusia și cum răspunde NATO // Ora Noua [site]. – 2017. – 14 iunie. – Mode of access: <http://www.oranoua.ro/ion-m-ionita-securitatea-la-marea-neagra-si-in-balcani-ce-vrea-rusia-si-cum-raspunde-nato/> (Date of access – 15.12.2017).

Klaus Iohannis: NATO nu este o amenințare pentru Rusia // Realitatea [site]. – 2017. – 9 octombrie. – Mode of access: https://www.realitatea.net/iohannis-participa-la-adunarea-parlamentara-nato-i-il-prime-te-la-cotroceni-pe-jens-stoltenberg_2111228.html (Date of access – 25.12.2017).

Lăzescu A. Un Război Rece 2.0? // Revista 22 [site]. – 2018. – 3 aprilie. – Mode of access: <https://revista22.ro/70270422/un-rzboi-rece-20.html> (Date of access – 20.04.2018).

Petrescu I. Generalul Ștefan Oprea: «Arealul privilegiat al defensivei ruse este o provocare imensă pentru NATO» // Adevărul [site]. – 2018. – 24 ianuarie. – Mode of access: http://adevarul.ro/international/statele-unite/generalul-Stefan-opreaarealul-privilegiat-defensivei-ruse-provocare-imensa-nato-1_5a682316df52022f75cef3d4/index.html (Date of access – 23.03.2018).

Popescu A.L. Academia Română și-a făcut laborator de analiză a «războiului informațional». Cum se vede propaganda Rusiei și Ungariei de la București // Gândul [site]. – 2017. – 27 aprilie. – Mode of access: <http://www.gandul.info/stiri/academia-romana-si-a-facut-laborator-de-analiza-a-razboiului-informatiional-cum-se-vede-propaganda-rusiei-si-ungariei-de-la-bucuresti-16247874> (Date of access – 20.04.2018).

Who we are // New Strategy Center [site]. – 2017. – Mode of access: <https://newstrategycenter.ro/who-we-are-3/> (Date of access – 17.05.2018).

Раздел III.
НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
Part III.
NEW DIMENSIONS OF EUROPEAN SECURITY

A.B. БЕЛИНСКИЙ, 2018 ©
BELINSKY ANDREY

**ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ СИСТЕМЫ
ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
RIGHT POPULISM AS A CHALLENGE FOR THE
SYSTEM EURO-ATLANTIC SECURITY**

Аннотация. В статье рассматриваются риски безопасности, связанные с усилением позиций правых популистов в странах ЕС на примерах Германии, Австрии и Франции. Сравниваются позиции ключевых партий «новых правых» в этих странах по вопросам социально-экономического и миграционного курсов, реформы политической системы и международной безопасности. Отмечается, что реализация этих планов может привести к серьезному кризису либеральной демократии и институтов системы евро-атлантической безопасности. При этом делается вывод о практической значимости отдельных тезисов «новых правых» для модернизации политических систем стран ЕС и архитектуры евро-атлантической региональной подсистемы в целом.

Abstract. The article considers the security risks, connected with the strengthening positions of the right populists in the EU member states on the examples of Germany, Austria and France. It is compared the positions of the key parties of the „new right“, in these countries on the questions of social-economic and migration politics, the reforms of the political system and international security. The paper notes that the realization of these plans may cause the full-scale crisis of liberal democracy and also institutions of the Euro-Atlantic security system. Also the article concludes about practical meaning of some theses of the „new right“, for the modernization of the EU member states political systems and the architecture of the Euro-Atlantic regional subsystem in the whole.

Ключевые слова: *праворадикальный популизм, угроза демократии, «Альтернатива для Германии», Австрийская партия свободы, Национальный фронт, ЕС, НАТО, безопасность.*

Keywords: *right-wing populism, threat of democracy, «Alternative for Germany», «The Austrian Party of Freedom», «National front», EU, NATO, security.*

Успехи праворадикальных популистских партий и движений по обе стороны Атлантики за последние четыре года наглядно продемонстрировали, что популизм, выражаясь терминологией В.И. Ленина, «это всерьез и надолго». В США, Австрии, Польше и Венгрии праворадикальные популисты пришли к власти. Их единомышленники во Франции и Германии (Национальный фронт и «Альтернатива для Германии» (АдГ)) значительно усилили свои позиции, хотя в ближайшей перспективе практически не имеют шансов войти в правительство. Но главное состоит в том, что, будучи во власти или оставаясь в оппозиции, праворадикальные популистские партии и ключевые политики этого толка оказывают влияние на общий политический расклад сил и на общественные настроения. При этом следует отметить, что праворадикальный популизм уже вышел за границы национальных государств: он постепенно становится значимым фактором на региональном и даже международном уровнях. Так, в Лионе М. Ле Пен создает Академию политических наук, которая должна готовить кадры для «новых правых».

Следует признать, что праворадикальный популизм уже превратился в постоянный фактор политической жизни, а это значит, что старые стратегии противодействия, такие как создание «санитарного кордона», замалчивание или демонизация политических оппонентов, не приносят нужного эффекта. В свою очередь, это требует совершенно иного подхода к вопросам противодействия популистским партиям и их программным требованиям.

«Демократия, построенная на свободных выборах, – отмечает германский политолог В. Патцельт (Дрезденский технический университет), – кстати, остро нуждается в “коммуникативных рукопашных” с политическими противниками. Их цель не в том, чтобы лично переубедить лидеров-популистов, а в том, чтобы по-

бить их аргументами перед максимально широкой аудиторией. Но для этого и противников надо допустить к широкой аудитории, т.е. нельзя уклоняться от конфронтации с популистами под тем предлогом, к примеру, что они, мол, не заслуживают такого разговора» [Патцельт, 2018, с. 25]. Однако, чтобы выиграть эту «коммуникативную рукопашную», нужно знать сильные и слабые стороны противника. Кроме того, интеллектуальная конфронтация необходима и для корректировки внутри- и внешнеполитического курса правительств европейских стран, поскольку далеко не все требования популистских партий являются заведомо неприемлемыми. Напротив, многие положения их программ могли бы быть реализованы на практике. «Знай противника и знай себя, и ты будешь непобедим», – писал еще в VI веке до н.э. известный китайский стратег Сунь-Цзы [Сунь-Цзы, 2012].

Ключ к решению обеих задач лежит, с точки зрения автора, в анализе партийных и избирательных программ трех праворадикальных популистских партий – «Альтернатива для Германии», Австрийская партия свободы, Национальный фронт – по следующим вопросам: политическая система, социально-экономическая политика, миграционная политика и международные отношения и особенно система евро-атлантической безопасности.

Именно такой подход позволяет объективно оценить все риски, исходящие от правопопулистских идей, а также отделить «зерно» от «плевел».

Праворадикальный популизм: судьба демократических институтов

Одним из ключевых тезисов праворадикального популизма является утверждение о том, что существующая модель либеральной демократии переживает кризис, поскольку правящая политическая элита не знает интересов народа. «Тайным сувереном в Германии является маленькая, могущественная политическая олигархия, которая сформировалась внутри существующих партий. Она несет ответственность за ошибки последних десятилетий», – говорится в избирательной программе «Альтернативы для Германии» [Wahlprogramm der Alternative., 2017]. Схожие идеи выдвигает

ет Национальный фронт во Франции и Австрийская партия свободы в Австрии.

Проблема «представительского разрыва»¹ (В. Патцельт) между элитами и обществом реально существует и требует решения. Однако какие же конкретные меры предлагают праворадикальные популисты, чтобы выйти из кризиса и решить проблему политического представительства между элитой и обществом? Ответ, который дают на этот вопрос М. Ле Пен, А. Гауланд, Х.-К. Штрахе, одновременно и прост, и заманчив. «Альтернатива для Германии» требует проведения референдума по швейцарскому образцу также и для ФРГ [Wahlprogramm der Alternative..., 2017, S. 6]. Близкую к ней позицию занимает и Австрийская партия свободы, в чьей предвыборной программе было отмечено, что «прямая демократия – лучший путь для того, вернуть доверие к политике, а также реализовать те меры, которые блокировались бенефициарами этой крайне нуждающейся в реформах системы» [Freiheitliches Wahlprogramm..., 2017, S. 6]. Такой же точки зрения придерживается и французский Национальный фронт.

Праворадикальные популисты, говоря об условиях проведения референдума, сознательно (в чем мы убедимся ниже) не ставят четких рамок и ограничений. Так, «Альтернатива для Германии» придерживается точки зрения, что «изменения Основного закона или принятие значимых международных договоров» невозможны без проведения референдума. Вслед за эти выдвигается следующий тезис: «Народ должен получить возможность вносить законопроекты и принимать их на референдуме» [Wahlprogramm der Alternative..., 2017, S. 8]. При этом австрийские коллеги АдГ настаивают на том, чтобы порог явки на референдуме был как можно ниже, мотивируя это заботой о расходовании бюджетных средств: «Чем проще будет провести референдум, тем рациональнее будут расходоваться средства налогоплательщиков» [Freiheitliches Wahlprogramm..., 2017, S. 5].

¹ Речь идет о том, что парламент, партии и политическая элита все меньше выражают интересы общества. – *Прим. авт.*

На первый взгляд, требование популистских партий о применении практики референдумов выглядит более чем демократично. Народное голосование было и остается основной формой прямого волеизъявления граждан, которые посредством него могут выразить свою точку зрения или недоверие правящей элите, как это имело место быть в ходе референдумов по вопросу о принятии конституции ЕС во Франции и Нидерландах (2005). Однако тот вариант реализации прямой демократии, который предлагают «новые правые», с точки зрения автора, является неприемлемым и таит в себе немалые риски и опасности для самой демократии.

Во-первых, как уже отмечалось выше, в программных документах праворадикальных популистских партий нет четкого обозначения круга вопросов, которые должны выноситься на референдум. Можно с большой долей уверенности предположить, что праворадикальные популисты не собираются ограничиваться вынесением на народное голосование только наиболее важных проблем. Об этом прямо свидетельствует следующее положение избирательной программы АдГ: «Мы хотим дать народу право контролировать депутатов, изменять и отклонять принятые парламентом законы» [Wahlprogramm der Alternative., 2017, S. 8].

А вместе с реализацией права граждан на законодательную инициативу с последующим вынесением законопроекта на референдум это может иметь далеко идущие последствия для либеральной демократии. Главная опасность этих требований заключается в «выхолащивании» демократических принципов и институтов. А оно будет абсолютно неизбежным, поскольку в случае реализации планов праворадикальных популистов любое решение парламента может быть заблокировано посредством референдума (*нем. Veto – Volksabstimmung*), что неизбежно ведет к дискредитации партий и института парламента.

Во-вторых, референдумы дают прекрасную возможность таким политикам, как Г. Вилдерс или М. Ле Пен, реализовать свои идеи. В условиях парадигмы традиционной либеральной демократии праворадикальным популистам, даже если они располагают внушительной фракцией в парламенте (как это имеет место в случае с АдГ), сложно провести необходимый им законопроект,

поскольку он будет заблокирован другими партиями. Совсем иначе обстоит дело с референдумом и плебисцитом. В этой связи исследователь австрийского правого популизма Х.-Х. Шарзах отмечал: «Референдумы и народные опросы подходят как ни один другой инструмент для эмоционализации политики, мобилизации своих сторонников, для подтверждения или укрепления своей власти» [Scharsach, 2017, S. 72]. При этом сама процедура референдума предполагает упрощенную форму выбора только между двумя опциями (да/нет или поддерживаю/не поддерживаю). Именно поэтому праворадикальному популизму довольно часто удается представить референдум не искушенным в тонкостях электоральных процедур массам, чье мировоззрение, как правило, колеблется между двумя полюсами, как экзистенциальную битву между «добром» и «злом», «справедливостью» и «обманом».

Действительно, история знает немало примеров, когда референдумы использовались экстремистскими партиями или авторитарными правителями в своих целях, совершенно не совпадавшими с подлинными интересами народа. Так, 19 августа 1934 г. по приказу А. Гитлера в Германии был проведен плебисцит по вопросу об объединении постов рейхсканцлера и президента, который позволил ему сконцентрировать огромную политическую власть в своих руках и окончательно ликвидировать Веймарскую республику. Состоявшийся в 1979 г. после победы «исламской революции» в Иране референдум одобрил новый проект Конституции, который предоставил аятолле Р. Хомейни практически неограниченную власть. А в 2017 г. турецкий президент Р.Т. Эрдоган посредством референдума добился превращения Турции из парламентской в президентскую республику, в которой полномочия законодательной власти были урезаны в пользу исполнительной¹.

В-третьих, все эксперты сходятся в том, что в последние десятилетия политика под влиянием таких факторов, как глобализация, возникновение новых вызовов (терроризм, миграция и т.д.),

¹ В этой связи можно также вспомнить и прошедший в мае 2016 г. референдум о нахождении Британии в составе ЕС, который стал триумфом для правых популистов из Партии независимости Соединенного Королевства (англ. UKIP). – *Прим. авт.*

становится все сложнее. При этом международные отношения или вопросы обороны требуют значительно больше времени и сил, чем прежде. Если даже действующим государственным деятелям, которые располагают массой экспертов, советников, аналитических институтов и доступом к самой конфиденциальной информации, крайне не просто прокладывать верный курс в беспокойном море «большой политики», то что же говорить об обычных среднестатистических гражданах, у которых нет ни соответствующего образования, ни стратегического мышления, ни часто даже времени для анализа многочисленных политических рисков и проблем.

В-четвертых, референдумы и плебисциты вопреки распространенному стереотипу, далеко не всегда отражают волю всего народа. В Швейцарии, которую традиционно приводят в качестве эталона «прямой демократии» праворадикальные популисты, относительно высокая явка обеспечивается проведением сразу нескольких референдумов в стране, в то время как в среднем она составляет лишь 15–30% [Scharsach, 2017, S. 74]. Как мы видим, идея увеличения числа референдумов в том виде, в котором она представлена в программах «новых правых», имеет своей целью отнюдь не укрепление демократии или обеспечение прав граждан¹. В первую очередь референдум представляет для них прекрасную возможность реализовать планы на практике, избегнув при этом парламентской волокиты и необходимости компромиссов. Впрочем, лидеры праворадикальных популистов особо и не скрывают этого. Об этом прямо записано в программе «Альтернативы для Германии», в которой после тезиса о необходимости расширения прямой демократии сразу идет требование о проведении референдума по вопросу о пребывании страны в составе ЕС.

¹ О том, что риторика о защите демократических ценностей носит для «новых правых» скорее утилитарный характер, лучше всего свидетельствует негативная позиция Австрийской партии свободы в отношении голосования по почте (*нем.* Briefwahl). Это объясняется тем, что проживающие за рубежом австрийцы предпочитают голосовать за Австрийскую народную партию и социал-демократов. – *Прим. авт.*

Не меньшую опасность для демократических институтов представляет и сам приход к власти «новых правых», в рядах которых немало сторонников «жесткой руки», антидемократических методов правления. И сами лидеры праворадикальных популистов, как, например, М. Ле Пен или Х.-К. Штрахе, вопреки декларируемой приверженности демократическим принципам в своих собственных партиях придерживаются авторитарного, не терпящего никаких возражений стиля руководства. В этом отношении победа праворадикальных популистов на выборах может привести к серьезному расколу общества, который чреват опасными конфликтами¹.

Значительно более продуктивными выглядят требования правых по увеличению финансирования полиции и спецслужб, усилению борьбы с преступностью и поддержанию правопорядка в крупных городах, криминогенная ситуация в которых в последние годы серьезно ухудшилась. Именно эти требования и обеспечили такую широкую поддержку праворадикальным популистам на выборах.

Социально-экономические модели праворадикальных популистов: между антикапитализмом и неолиберализмом

Говоря о социально-экономических программах праворадикальных популистов, нужно сразу отметить, что среди них нет единого взгляда на эти вопросы. Если Национальный фронт при М. Ле Пен стал выступать за восстановление социального государства², то совсем иначе выглядит ситуация с Австрийской партией

¹ О возможности реализации такого сценария свидетельствует, например, проведенный в 2015 г. французским журналом «L'Obs» опрос членов Национального фронта. Многие сторонники М. Ле Пен выразили опасения, что в случае ее прихода к власти в стране произойдут открытые вооруженные столкновения между сторонниками и противниками Национального фронта [«Marine... qu'est-ce...», 2015].

² В программе Национального фронта, в частности, присутствуют такие требования, как установление контроля за движением капитала, национализация в случае необходимости банков, введение протекционистских тарифов и т.д. – *Прим. авт.*

свободы и «Альтернативой для Германии», на программные документы которых большой отпечаток наложил неолиберализм, в частности Австрийская экономическая школа¹.

Именно предлагаемые «Альтернативой для Германии» и Австрийской партией свободы меры по оздоровлению экономики на самом деле могут привести к обратному эффекту и поставить под угрозу социальную стабильность. Будучи ограниченным рамками статьи, автор останавливается только на ключевых аспектах их социально-экономических программ: роль государства в экономике, налоговая политика и политика в сфере труда.

С точки зрения австрийских и германских «новых правых», современный институт государства с его якобы непомерно раздутым штатом чиновников слишком вмешивается в экономические вопросы, что самым негативным образом сказывается на ведении бизнеса, тормозит частную инициативу и приводит к необоснованному росту государственных расходов. В конечном счете это приведет к ухудшению конкурентоспособности страны на мировой арене. «В рейтинге глобальной конкурентоспособности Австрия опустилась с 14-го места (2010) до 24-го (2016). Это связано с высоким налоговым бременем, манией регулирования, повышением трудовых издержек, а в целом с медленным темпом реформ, недостаточным доступом к рынку капитала» [Das freiheitliche Wirtschaftsprogramm., 2017, S. 9]. Именно поэтому часть праворадикальных популистов предлагает ограничить вмешательство государственных органов в социально-экономическую сферу. Так, в программе «Альтернативы для Германии» говорится: «Государство распыляется. Необходима новая концентрация на четырех

¹ При этом нужно отметить, что в этих партиях существуют два течения, которые можно условно обозначить как (нео-) либеральное и социал-популистское. Если первое выступает за экономический либерализм, дерегуляцию экономики, приватизацию государственных предприятий, то второе – за увеличение социальных расходов и даже за ограничение капитализма. Однако в силу того, что партийное руководство в целом ориентируется на интересы национального крупного и среднего бизнеса, то программы праворадикальных популистских партий имеют отчетливый (нео-) либеральный характер. – *Прим. авт.*

классических сферах: внутренняя и внешняя безопасность, юстиция, международные отношения, управление финансами» [Wahlprogramm der Alternative., 2017, S. 9].

Однако подобного рода выводы представляются нам более чем сомнительными, поскольку социально-экономическая ситуация и в Австрии, и в ФРГ вопреки той алармистской картине, которую так часто любят рисовать представители радикально-рыночного крыла популистских партий, выглядит относительно устойчивой. Так, например, в марте 2018 г. безработица в Германии и Австрии составила соответственно 3,4 и 5%, в то время как в среднем по ЕС она колебалась в районе 7,1% [Europäische Union., 2018]. В этой связи идея ограничения этатизма, якобы тормозящего экономическое развитие, никак не подтверждается эмпирическими данными. Более того, политика радикального дерегулирования экономики, которая проводилась М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейганом в США в 1980-е годы, привела не только к усилению социального расслоения, но и стала глубинной причиной мирового экономического кризиса (с 2008 г.).

Неолиберальный подход к решению экономических проблем проявляется и в таких вопросах, как налогообложение и политика в отношении рынка труда. В предвыборной программе Австрийской партии свободы указаны следующие меры: сокращение налогов и отчислений до 40%¹, упрощение налогообложения, упразднение «холодной прогрессии»² [Freiheitliches Wahlprogramm., 2017, S. 9]. По мнению составителей программы, эти меры позволили бы сэкономить предприятиям до 12 млрд евро. Подобной логики придерживаются и представители Австрийской партии свободы, в чьих программных документах четко зафиксировано требование о снижении налогового бремени для предпринимателей. При этом сами «новые правые» аргументируют значение этой

¹ В настоящий момент общая налоговая ставка на прибыль предприятий составляет в Австрии около 52%. – *Прим. авт.*

² «Холодная прогрессия» – фактическое увеличение ставки налога, когда вследствие инфляции увеличивается облагаемая номинальная сумма, а вместе с тем осуществляется переход к более высоким налоговым ставкам. – *Прим. авт.*

меры необходимостью привлечения иностранных инвестиций и тем, что бизнес создает новые рабочие места [Freiheitliches Wahlprogramm., 2017, S. 9]. Соглашаясь отчасти с этой позицией, необходимо отметить, что от реализации этих мер в первую очередь выигрывает крупный капитал, в то время как правительство получает меньше налоговых поступлений, необходимых для финансирования социальных программ.

Неоднозначность политики по снижению налогов отчетливо проявляется и в вопросе отмены налога на наследство. С одной стороны, во многих странах ЕС этот вид обложения ложится тяжким бременем на плечи рядовых граждан [Bensmann, 2017, S. 37]. С другой стороны, от ликвидации налога на наследство выиграет в первую очередь 1% сверхбогатых, в чьих руках, по данным Германского института изучения экономики (Deutscher Institut für Wirtschaftsforschung), находится 32% всей собственности. «Здесь речь идет о гигантских суммах. Германский институт изучения экономики установил, что в ФРГ каждый год наследуется собственности на сумму от 200 млрд до 300 млрд евро. В 2015 г. государство благодаря налогу на наследство получило 6,29 млрд евро. АдГ хочет полностью отказаться от этих денег» [Bensmann, 2017, S. 38]. С точки зрения автора, гораздо более продуктивным было бы применение дифференцированного подхода, в основу которого положена оценка стоимости наследуемого имущества. Компенсировать потери государства от сокращения налогов на прибыль и упразднения налога на наследство праворадикальные популисты собираются за счет увеличения НДС и других косвенных налогов, т.е. за счет масс средне- и малообеспеченных граждан.

Что касается Австрийской партии свободы, то она выступает за отказ от обязательного членства в Палатах труда (профсоюзы в Австрии. – А. Б.). Это требование правые популисты объясняют якобы заботой об интересах наемных работников. «Обязательное членство полностью противоречит принципам свободы» [Freiheitliches Wahlprogramm., 2017, S. 28]. Однако, как и в случае с налогами, в действительности речь идет о защите прежде всего интересов крупного бизнеса. Во-первых, эта мера опять же позво-

лит предпринимателям сэкономить крупные суммы денег¹. Во-вторых, отказ от обязательного членства в Палатах труда неизбежно приведет к ослаблению последних, что в свою очередь облегчит проведение (нео-) либеральной политики². Претворение в жизнь социально-экономической программы праворадикальных популистов в Германии и Австрии (вопреки предвыборным обещаниям и рекламируемому имиджу социальной партии) приведет к дальнейшему социальному расслоению, ухудшению положению социальных низов и части среднего класса и в итоге станет серьезным ударом по и без того «обветшавшему зданию» социального государства. В этой связи директор Института макроэкономики Г. Хорн отмечал: «Фатально то, что “Альтернатива для Германии” с самого начала проводит программу, направленную на уничтожение благосостояния широких групп населения» [Warum das Wirtschaftsprogramm..., 2016]. Именно это и происходит сейчас в Австрии, где коалиционное правительство Австрийской народной партии и Австрийской партии свободы в настоящее время обсуждают возможность введения 12-часового рабочего дня и 60-часовой рабочей недели³.

Конечно, в программных документах «новых правых» присутствует и ряд требований, которые можно охарактеризовать как социал-демократические или патерналистские. К ним, в частно-

¹ По данным, которые приводит Австрийская партия свободы в своей экономической программе, только за 2014 г. экономическая палата (Wirtschaftskammer) 870 млн евро в качестве взносов получила от предпринимателей. – *Прим. авт.*

² Ярким примером того, каким серьезным препятствием на пути проведения неолиберальной политики могут быть профсоюзы, служит «шахтерская война» в Великобритании 1984–1985 гг. Тогда забастовки горняков, протестующих против планов кабинета М. Тэтчер закрыть шахты, серьезно расколола общество и едва не привела к отставке правительства [Милн, 2004].

³ Закрепленный законом 8-часовой рабочий день должен сохраниться, однако правительство хочет предоставить предприятиям возможность увеличивать продолжительность рабочего дня, если будет достигнута договоренность между владельцем и трудовым коллективом [Türkis-Blau will., 2018].

сти, относятся повышение минимальной заработной платы, закрытие ряда секторов экономики для мигрантов и т.д. Однако эти меры носят скорее компромиссный, вынужденный характер, а главное – они не затрагивают такие проблемы, как прекаризация труда, безработица. Например, в предвыборной программе АдГ можно встретить всего пару строк о необходимости ограничения наемного труда, а в официальных документах Австрийской партии свободы нет вообще никакого упоминания этой проблемы.

«Чужие здесь не ходят!» – проблема миграции и праворадикальные популисты

Миграционная тематика занимает центральное место в программах всех праворадикальных популистских партий. Насколько же продуктивны предлагаемые М. Ле Пен или «Альтернативой для Германии» рецепты по спасению Старого Света и какие последствия они могут иметь для европейских стран? Говоря о проблеме миграции, следует выделить в ней две составные части: 1) беженцы из Сирии, Ирака, Афганистана и иных нестабильных стран Ближнего и Среднего Востока; 2) отношения с мусульманскими общинами в самих европейских странах.

Радикализация мигрантской молодежи, кровавые теракты в Париже, Брюсселе, Берлине и, наконец, начавшийся в 2015 г. миграционный кризис, который многие эксперты сравнили со вторым Великим переселением народов, наглядно продемонстрировали тупиковость нынешней политики мультикультурализма. Косвенным образом провал этой политики признала и немецкий канцлер А. Меркель, которая недавно выразила обеспокоенность антисемитскими настроениями в среде беженцев из арабских стран. Более того, она привела к расколу между глобализованной элитой и основной массой населения¹, обострению отношений

¹ Проведенное в 2017 г. Институтом общественного мнения во Франции исследование показало, что в крупных европейских странах мигранты рассматриваются как потенциальная угроза. Например, у 40% французов понятие «мигрант» ассоциируется с криминалом, у 35 – с проблемами, еще у 33% – с бедностью [Fourquet, 2017, S. 7].

между официальным Брюсселем и «Вышеградской группой» (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), которая последовательно выступала против приема беженцев. В этой связи требования «новых правых» о необходимости кардинального пересмотра политики в отношении миграции представляют особый интерес. В первую очередь, стоит отметить, что именно правые популисты вернули в политический дискурс такие ранее табуированные темы, как необходимость защиты национальной идентичности, культуры, т.е. всего того, что совсем недавно подвергалось критике либеральным и левоцентристским истеблишментом и журналистами как «пережиток прошлого» и «наследие колониализма». В условиях, когда мультикультурализм не столько объединяет общество, сколько раскалывает его, создавая национальные гетто, реализация концепции ведущей культуры (*нем. Leitkultur*) могла бы стать столь необходимым цементирующим элементом. Исходя из этого, лишение гражданства исламистов, участвовавших в боевых действиях на стороне «Исламского государства»¹ в Сирии и Ираке, высылка радикальных имамов, усиление государственного контроля над мусульманскими общинами (в том числе поиск «спящих ячеек»), как того требуют праворадикальные популисты, представляются логичными шагами, хотя и встречают сопротивление демократической общественности.

«Беспрепятственной и неограниченной миграции, которая происходила в последние годы, должен быть положен конец», – указывалось в программных установках Австрийской партии свободы [Freiheitliches Wahlprogramm., 2017]. Ключ к решению данной проблемы, по мнению лидеров правых популистов, заключается в закрытии «балканского маршрута», усилении пограничного контроля в Средиземном море, а в случае необходимости – закрытии внутренних границ стран – участниц ЕС для беженцев. Что касается срока пребывания мигрантов на территории Европы, то с точки зрения «новых правых», их нахождение возможно только до тех пор, пока не произойдет стабилизация обстановки в их странах [Ibid.]. При этом правые ратуют за введение австралийской и ка-

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация. – Прим. авт.

надской моделей миграционной политики, в основу которых положен принцип привлечения лишь высококвалифицированных специалистов вместо масс экономических беженцев. Подобные меры уже начинают реализовываться в последние годы в Дании, где правительство взяло курс на ужесточение миграционной политики. Так, право на постоянное пребывание на территории страны могут получить лишь те мигранты, которые прожили в данном государстве не менее семи лет и успешно сдали экзамен на знание языка (и истории и культуры страны пребывания). При этом за совершение преступлений они (даже если обладают правом на жительство) могут быть высланы из страны.

**«Дом, разделившийся в себе, не устоит» – правый популизм
и угроза европейской и трансатлантической безопасности**

Главную опасность правый популизм представляет именно для системы евро-атлантической безопасности. Безусловно, нынешняя модель ЕС далека от совершенства, а широта полномочий и сложность критики бюрократии центрального аппарата Европейского союза, стремящейся контролировать максимум из сферы своих формальных компетенций, стали объектом общественной критики и растущего недовольства. Однако те планы, которые праворадикальные популисты намерены реализовать в случае своего прихода к власти, могут нанести серьезный удар по всей архитектуре евро-атлантической безопасности и обнулить тот прогресс, который был достигнут в деле институционализации сотрудничества в этой сфере стран так называемого коллективного Запада.

Ядро внешнеполитической программы праворадикальных популистов определяется тремя положениями: 1) выходом из состава ЕС (в более мягком варианте, существенными ограничениями полномочий объединения в отношении национальных государств); 2) отказом от подписания таких договоров, как Трансатлантическое соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и США (ТТИП/ТТП), Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой (СЕТА); 3) реформированием НАТО (в пользу уменьшения компетенций военного и политического комитетов блока) или даже выходом из состава Альянса.

Реализация любого из этих требований даже одним государством может привести к масштабным изменениям в евро-атлантической региональной подсистеме. Выход из состава ЕС посредством референдума, что наглядно показал пример Брекзита (с 2016 г.), или отказ от евро может иметь весьма негативные последствия для экономики как самой страны-инициатора, так и для всего континента. «Непосредственно после голосования (референдум в Британии о членстве в ЕС. – А. Б.) министр финансов Дж. Осборн подсчитал, что Брекзит обойдется каждому британскому домохозяйству в 4300 ф. ст. (5430 евро)», – указывал Х.-Х. Шарзах [Scharsach, 2017, S. 75].

Однако существенно большими, чем экономические издержки, могут стать политические последствия выхода ведущих стран из ЕС, в эпоху, когда усиление кооперации между различными странами, формирование экономических и военно-политических союзов являются залогом выживания и дальнейшего развития для абсолютного большинства стран – участниц евро-атлантической региональной подсистемы. Потенциальный распад ЕС может привести к тому, что Старый Свет утратит субъектность в мировой политике. Ни у Великобритании, ни у Франции, ни даже у ФРГ, по мнению автора, недостаточно ресурсов, чтобы в одиночку решать глобальные проблемы (миграция, борьба с терроризмом, защита национальной экономики от конкуренции со стороны США и Китая).

Гораздо сложнее обстоит дело с отказом от подписания соглашений о свободной торговле и ставке на протекционизм. Многие противники ТТІР и СЕТА справедливо утверждают, что подписание подобного рода торговых договоров приведет к закрытию многих предприятий, потере десятков тысяч рабочих мест и в конечном счете станет «троянским конем» для экономик стран – участниц ЕС. Однако и политика протекционизма, на которой так настаивают многие праворадикальные популисты, вряд ли станет панацеей. Это хорошо видно на примере разворачивающегося в настоящее время конфликта между Д. Трампом и государствами – членами Европейского союза относительно пересмотра принципов свободной торговли и введения таможенных пошлин. Так, в

ответ на решение президента США ввести пошлины на сталь и алюминий руководство ЕС заявило о возможности ответных мер в отношении некоторых категорий товаров из Соединенных Штатов [EU will., 2018]. Таким образом, протекционистская политика может дать обратный эффект для национальной экономики, не говоря уже о подрыве доверия между западными странами.

Не меньшую опасность для Европы представляет требование о выходе из НАТО (Национальный фронт) или ограничение полномочий Альянса («Альтернатива для Германии») вкупе с отказом от идеи общеевропейских вооруженных сил. Это может подвергнуть евро-атлантическую архитектуру безопасности серьезному риску, поскольку Старый Свет может лишиться инструмента, столь необходимого для разрешения таких проблем, как терроризм, нелегальная миграция, защита внешних границ. Не выдерживает критики и призыв праворадикальных популистов отказаться от использования вооруженных сил за пределами Европы. Значение военных операций в неспокойных регионах (как, например, в Мали или Афганистане) заключается в том, что они направлены на борьбу с исламским экстремизмом, стабилизацию ситуации и потенциальное возвращение беженцев в страны, ставшие на путь постконфликтного развития.

Превратившись в серьезную силу, правый популизм начинает воздействовать на политическую систему, курс «старых» партий, настроения в истеблишменте государств Европы и мира. Однако насколько эффективны предлагаемые праворадикальными популистами решения накопившихся проблем? Является ли праворадикальный популизм «могильщиком» демократии, как утверждают его политические оппоненты, или же ее спасителем? Анализ основных программных документов правопопулистских партий наглядно демонстрирует, что дать однозначный ответ на этот вопрос крайне сложно. Основные требования этих партий содержат положения, которые несут как риски, так и возможности для либеральной демократии и сложившегося миропорядка.

Главная угроза, которую несет в себе праворадикальный популизм, заключается в ослаблении или дискредитации демокра-

тических институтов (парламент, законодательная власть в целом, партии), усилении авторитарных тенденций в политике, расколе общества. Не меньшую опасность представляет и требование «возврата национального суверенитета» посредством выхода из ЕС и (или) НАТО, поскольку реализация этого сценария неизбежно поставит под угрозу безопасность Старого Света, его субъектность в мировой политике, не говоря уже об экономических издержках.

Вместе с тем необходимость ограничения миграции, борьба с преступностью, защита национальной культуры, которая всегда составляла «ядро» национально-государственной идентичности, сегодня прочно вошли в риторику (а местами – и в практику) основных политических партий. В этом плане особенно показателен пример Австрии, где еще в 2016 г. «большая коалиция» приняла решение закрыть «балканский маршрут»¹. А избранный в 2017 г. канцлером Австрии С. Курц стал реализовывать линию на ужесточение миграционной политики.

Список литературы

Ле Пен М. Во имя Франции / Пер. с фр. И.А. Кондаковой; под ред. О.Г. Андреевой. – М.: Кучково поле, 2016. – 288 с.

Милн Ш. Другая Британия // Скеписис. – 2004. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2754.html (Дата обращения – 25.05.2018).

Патцельт В.И. Популизм – и что с ним делать // Популизм как общий вызов / Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров; Фонд Конрада Аденауэра. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – С. 16–26.

Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 192 с.

Bensmann M. Schwarzbuch AfD: Fakten, Figuren, Hintergründe. – Essen: Essen CORRECTIV, 2017. – 224 S.

Dietl S. Die AfD und die soziale Frage: Zwischen Marktradikalismus und «völkischem Antikapitalismus». – Münster: UNRAST Verlag, 2017. – 168 S.

¹ Под «балканским маршрутом» понимается передвижение масс беженцев, а также мимикрирующих под них террористов из нестабильных стран Ближнего Востока в государства – члены ЕС по территории Западных Балкан. – *Прим. ред.*

EU will US-Strafzölle nicht hinnehmen. – 2018. – 02.03. – Mode of access: <https://www.tagesschau.de/ausland/usa-import-strafzoelle-103.html> (Date of access – 14.04.2018).

Europäische Union: Arbeitslösenquoten in den Mitgliedsstaaten im April 2018 // Statistische Amt [site]. – 2018. – 05.04. – Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/160142/umfrage/arbeitslosenquote-in-den-eu-laendern/> (Date of access – 21.04.2018).

Fourquet J. Europa und die Zuwanderung. Die Wahrnehmung von Migration in Europa und die damit verbundenen Vorstellungen in Frankreich / Friedrich-Ebert Stiftung (Hrsg.). – Berlin, 2017. – 12 S. – Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/paris/13831-20171213.pdf> (Date of access – 21.04.2018).

Das freiheitliche Wirtschaftsprogramm. Fairness, Freiheit, Fortschritt. – Wien (Österreich): FPÖ-Bildungsinstitut, 2017. – 56 S. – Mode of access: <https://www.fpoe.at/artikel/fairness-freiheit-fortschritt-fpoe-praesentiert-wirtschaftsprogramm/s>: <https://www.fpoe.at/artikel/fairness-freiheit-fortschritt-fpoe-praesentiert-wirtschaftsprogramm/> (Date of access – 25.05.2018).

Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017. – Wien (Österreich): FPÖ-Bildungsinstitut, 2017. – 29 S. – Mode of access: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (Date of access – 25.05.2018).

Les 144 engagements présidentiels. – 2017. – Mode of access: <https://www.rassemblementnational.fr/le-projet-de-marine-le-pen/> (Date of access – 25.05.2018).

«Marine... qu'est-ce qu'on risque à l'essayer?»: Paroles de néolepénistes. – 2015. – 02.02. – Mode of access: <https://www.nouvelobs.com/politique/elections-regionales-2015/20151202.OBS0550/marine-qu-est-ce-qu-on-risque-a-l-essayer-paroles-de-neolepenistes.html> (Date of access – 25.05.2018).

Scharsach H.-H. Stille Machtergreifung. Hofer, Strache und die Burschenschaften. – Wien: Kremayr & Scheriau, 2017. – 208 S.

Siebenhaar H.-H. Österreich. Die zerrissene Republik. – Zürich: Orell Füssli Verlag, 2017. – 272 S.

Türkis-Blau will 12-Stunden-Tag rasch und leise einführen // Der Kurier [site]. – 2018. – 21.04. – Mode of access: <https://kurier.at/politik/inland/tuerkis-blau-will-12-stunden-tag-rasch-und-leise-einfuehren/400024531> (Date of access – 25.05.2018).

Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. – Berlin: Alternative für Deutschland, 2017. – 76 S. – Mode of access: <https://www.afd.de/wp->

content/uploads/sites/111/2017/03/2017-03-08_afd_leitantrag-bpt-btw-programm_mit-zeilennummern-1.pdf (Date of access – 25.05.2018).

Warum das Wirtschaftsprogramm der AfD Wohlstand vernichtet // Business Insider Deutschland [site]. – 2016. – 14.03. – Mode of access: <https://www.businessinsider.de/das-wirtschaftsprogramm-der-afd-im-kern-neoliberal-nationalistisch-2016-3> (Date of access – 25.05.2018).

В.Б. БЕЛОВ, 2018 ©
BELOV VLADISLAV

**РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
КООПЕРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ
САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ
RUSSIAN-GERMAN ECONOMIC COOPERATION
IN THE CONDITIONS OF SANCTION REGIMES**

***Аннотация.** В статье рассматриваются динамика и результаты российско-германского экономического сотрудничества в условиях санкционного давления со стороны ЕС и США. Исследуется взаимная перцепция России и нынешнего украинского истеблишмента, сравниваются их позиции по выполнению Минских соглашений (2015). Отмечается, что возможность смягчения и отмены санкций со стороны ЕС отодвигается на неопределенную перспективу, показываются макро- и микроэкономические потери обеих сторон. В этой связи изучаются особенности приспособления российского и германского бизнеса к санкциям ЕС и РФ, а также США, особенно после принятия ими закона CAATS (август 2017 г.) и его последующей имплементации (апрель 2018 г.). Делается вывод о последствиях новых санкций США для развития экономического сотрудничества между Германией и Россией.*

***Abstract.** The paper considers the dynamics and results of Russian-German economic cooperation in the conditions of sanctions pressure from the EU and the USA. The author explores the mutual perception of Russia and modern Ukrainian establishment, compares their positions towards the realization of the Minsk agreement (2015). The paper notes, that the opportunity of the mitigation and cancellation of sanctions from the EU pushed for an uncertain future, and shows the macro- and microeconomic losses for the parties. In this regard the article considers the features of the*

Russian and German business to the EU and Russian sanctions and also the USA, mainly after the USA passed the law CAATS (August 2017) and then implemented it (April 2018). It is concluded about the aftermaths of the new US sanctions for the development of economic cooperation between Germany and Russia.

Ключевые слова: Германия, Россия, хозяйственная кооперация, санкции, ЕС, Нормандский формат, Минские соглашения, Украина, США, CAATS, прямые инвестиции, внешняя торговля.

Keywords: Germany, Russia, economic cooperation, sanctions, regimes, Normand format, Minsk agreement, Ukraine, the USA, CAATS, direct investment, external trade.

Крайне быстрый переход Крыма в марте 2014 г. из одной государственной юрисдикции в другую вызвал резкую критику и неприятие в странах и институтах Запада. С точки зрения политического истеблишмента и гражданского сообщества стран – участниц ЕС, особенно Германии, это событие означало насильственный пересмотр послевоенных границ в Европе [Sanktionen in Zusammenhang., 2017]. Это вызвало в коллективной и индивидуальной исторической памяти абсолютного большинства германских граждан печальные аналогии с известными событиями первой половины XX в.

Практически сразу Европейский союз и США приняли решение о необходимости принятия санкций в отношении России, точнее сказать в отношении ее политического руководства и его ближайшего окружения¹. Затем к ним присоединился ряд других государств (Австралия, Япония, Норвегия, Швейцария). Первоначально были составлены списки лиц, которым запрещен въезд на

¹ Наиболее значимыми стали решение Евросоюза № 2014/145/CFSP от 17 марта 2014 г. «Касательно ограничительных мер в связи с действиями, подрывающими или угрожающими территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины» (Council Decision N 2014/145/CFSP concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine) и указы Президента США № 13660, 13 661 и 13 662 от 6, 16 и 20 марта 2014 г. [Перечень актов, 2018]. – Прим. авт.

территорию стран, введших санкции. Финансовые средства на счетах вошедших в санкционные списки лиц в западных странах должны быть (в случае обнаружения) заморожены¹. Затем был наложен запрет на внешнеэкономические операции с компаниями, владельцами которых эти лица являлись или которые были аффилированы с ними (март-апрель 2014 г.). После событий июля 2014 г. (трагедия с малайзийским «Боингом») и в целом ухудшении ситуации на юго-востоке Украины в два этапа были введены жесткие секторальные санкции (август-сентябрь 2014 г.), среди прочего существенно ограничившие доступ отечественных экономических субъектов к внешним рынкам капиталов. Так, были запрещены поставки товаров военного и двойного назначения, любые проекты с предприятиями российского ОПК, наложены существенные ограничения на экспорт оборудования, необходимого для разработки нефтяных и газовых месторождений на арктическом шельфе и в сланцевых пластах (в частности, буровых платформ, оборудования для горизонтального бурения, насосов высокого давления).

Российское руководство ответило введением санкций, ограничивших импорт основных видов аграрной продукции из государств, которые приняли решение о введении экономических ограничений в отношении РФ. Санкционный список охватил мясные и молочные продукты, овощи, фрукты, орехи и ряд иных категорий продуктов.

Таким образом, секторальные санкции Европейского союза затронули финансовую, энергетическую и оборонную сферы экономики РФ. Сначала срок их действия составлял один год. Затем Совет ЕС, несмотря на рост протестных настроений среди своих государств-членов, стал продлевать их каждые полгода. Аналогично ведет себя и российская сторона в отношении своих ответных мер, не торопясь отменять или смягчать существующие запреты.

¹ В первый санкционный список ЕС входил 21 человек, США – 7. Списки постоянно расширялись и в конечном итоге под санкции разных стран попали более сотни федеральных политиков, чиновников и военных, политики Крыма и Севастополя, а также бизнесмены и общественные деятели. – *Прим. авт.*

С точки зрения западных партнеров, принятые решения о применении экономических санкций в тот момент представлялись наиболее эффективным инструментом влияния на руководство России. Формально США и ЕС как основные их инициаторы заявили о том, что они стремятся оказать давление на В.В. Путина через его ближайшее окружение, которое будет требовать отказа от действующего курса в отношении Украины вследствие существенных экономических потерь.

Со стороны Соединенных Штатов Америки расчет также делался и на ухудшение экономического положения в экономике РФ, на рост недовольства среди предпринимателей и более широких слоев населения, что должно было побудить российского президента к выполнению требований Запада.

Требования ЕС и США были сформулированы в самом общем виде – отказ от «аннексии» Крыма и прекращение активного участия в конфликте на юго-востоке Украины посредством поставок вооружения и военной техники, а также направления туда частей и соединений кадровых войск. Никаких количественных параметров, по которым можно было бы судить о выполнении требований коллективного Запада, предъявлено и сформулировано не было. В конечном итоге общим положением с их точки зрения стала почти абсолютная ответственность России за ведение боевых действий и поддержку повстанцев в кризисных регионах [Россия – ЕС., 2014]. При этом руководство западных стран наверняка было знакомо с существующими исследованиями результативности применявшихся во второй половине прошлого века санкций в отношении конкретных стран (среди прочего: Куба, Северная Корея, Иран) – в 90% случаев они не достигали поставленных целей¹.

Российская позиция однозначна: единственным источником легитимных санкций может быть только Совет Безопасности ООН – только он имеет право принимать решения об их введении, причем на коллегиальной основе и после всестороннего рассмотрения.

¹ См., например, фундаментальные работы ученых из Peterson Institute for International Economics [Peterson Institute., 2018]. – *Прим. авт.*

Поэтому односторонние меры одной или группы стран по принуждению других суверенных государств с их экстерриториальным характером неприемлемы и противоречат международному праву. Это положение зафиксировано в действующей Концепции внешней политики РФ (ноябрь 2016 г.) [Тимофеев, 2018]¹.

Макро- и микроэкономические последствия санкционных режимов

Именно запрет на кредитование российских банков и компаний в западных кредитных институтах в наибольшей мере затронул народнохозяйственные интересы РФ. Российские экономические субъекты лишились доступа к относительно недорогим ресурсам европейских и североамериканских финансовых рынков, которые позволяли им на постоянной основе «перекредитовываться», оплачивая ранее полученные кредитные средства и успешно финансируя текущие проекты. По данным «Pricewaterhouse Coopers», российские эмитенты в 2013 г. без проблем привлекли на рынке еврооблигаций 46,4 млрд долл. В 2015 г. эта сумма сократилась до 5 млрд долл. [Россия возвращается., 2017]. По оценке Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН), потребность экономики РФ в заемных ресурсах в 2015 г. составляла от 160 млрд до 200 млрд долл. – невозможность быстро найти альтернативное финансирование существенно ограничила развитие отечественного бизнеса. Одновременно запрет на кредитование российских компаний снизил доходы европейских банков – согласно расчетам экспертов ИНП РАН, их ежегодные потери от неполученных процентов составили около 8–10 млрд долл. [Три

¹ Российский исследователь И.Н. Тимофеев справедливо указывает на существенные характеристики санкций: «Санкции являются важным инструментом принуждения в международных отношениях, а в большинстве случаев означают прямое или косвенное вмешательство одной страны в процесс принятия решений другой. Санкции можно понимать как попытку ограничить или повлиять на суверенитет и суверенный политический курс при помощи мер экономического характера» [Тимофеев, 2018]. – *Прим. авт.*

года санкций... [2017]. Частично российские компании смогли найти альтернативное финансирование на азиатских финансовых рынках, а также за счет поиска заинтересованных стратегических партнеров. Например, в условиях запрета западным инвесторам приобретать акции «Роснефти» руководство последней смогло договориться с международным консорциумом «Glencore» и суверенным фондом Катара о продаже им 19,5% своих акций. Удачным ответом на попытки ограничить расчеты ряда российских банков в системах «Visa» и «Master Card» стало создание национальной платежной системы «Мир».

Российское эмбарго на поставки в страну отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран, введших санкции в отношении РФ, принесло положительный эффект – с одной стороны, по многим видам было достигнуто замещение импорта, существенно увеличена степень обеспечения страны собственными мясом и молоком. С другой стороны, возрос экспорт сельскохозяйственных продуктов. Россия вновь стала одним из крупнейших экспортеров зерна в мире.

При этом российские санкции нанесли ощутимый ущерб сельхозпроизводителям ряда европейских стран. Например, в 2015 г. экспорт продовольственных товаров из стран ЕС в Россию сократился примерно на треть. Под угрозой оказались 130 тыс. рабочих мест. Согласно расчетам немецких экономистов Ю. Гюнтера, М. Кристаловой, У. Людвига, санкции ЕС привели в 2014–2015 гг. к сокращению производства в компаниях ФРГ, экспортирующих продукцию в Россию, на 13,5 млрд евро. Потери в 2016 г. оценивались в 7,8 млрд евро [Folgen der Sanktionen..., 2016]. Исследования известного австрийского Института экономических исследований (нем. WIFO) в целом подтверждают эти данные. Анализ, регулярно проводимый его экспертами, свидетельствует о ежегодных многомиллиардных потерях европейского бизнеса от сокращения поставок товаров на российские рынки, обусловленных санкциями¹. Основная доля потерь приходится на малый и средний бизнес.

¹ См., например: [Russland-Sanktionen..., 2017]. – *Прим. авт.*

Роль Германии в санкциях ЕС

ФРГ в рамках Европейского союза была одним из основных инициаторов введения санкций против России. Основной целью для германского политического руководства было убедить Кремль в неправомерности предпринятых шагов в отношении Крыма и востока Украины, в необходимости признать нарушение международного права (в контексте «насильственного изменения государственных границ») и побудить его к «возвращению» в международно-правовую плоскость. В отличие от США, у Германии не было далеко идущих стратегических целей, связанных с изменением политической ситуации в России и снижением ее международной конкурентоспособности, в первую очередь на мировых рынках углеводородов.

С лета 2014 г. германское государство существенно усилило экспортный контроль за поставками товаров двойного назначения в РФ, что привело к увеличению времени на получение фирмами-экспортерами разрешительных документов. Для ускорения обработки заявок в Ведомство по экспортному контролю были наняты дополнительные эксперты. К концу 2014 г. ситуация с проверкой документации стабилизировалась. Германские политики очень быстро поняли, что для РФ судьба Севастополя и Крыма навсегда снята с повестки дня – с марта 2014 г. они стали полноправными субъектами России. Поэтому в кратко- и среднесрочном плане официальный Берлин сосредоточил усилия на урегулировании кризисной ситуации на юго-востоке Украины. В начале февраля 2015 г. в рамках так называемого «Нормандского формата» во многом благодаря усилиям федерального канцлера А. Меркель Германия, Франция, Украина и Россия согласовали Комплекс мер по выполнению Минских соглашений («Второе Минское соглашение»¹).

¹ Первое Минское соглашение было подписано 5 сентября 2014 г. Контактной группой из представителей Украины, России, ОБСЕ и непризнанных народных республик с целью деэскалации вооруженного конфликта. Однако в конце января – начале февраля 2015 г. последовал новый виток боевых действий, что означало срыв договоренностей «Минск-1». – *Прим. авт.*

Запад, в первую очередь ЕС, практически сразу возложил на РФ основную ответственность за невыполнение пунктов Минских договоренностей, увязывая с этим возможности смягчения и отмены санкций (США в этом вопросе заняли более жесткую позицию). Москва постоянно напоминает, что является только одним из гарантов процесса реализации «Минска-2», а не стороной конфликта.

Содержание соглашения вызвало неоднозначную реакцию в Киеве – многие группы по интересам выступили против его содержания, отказав в поддержке украинскому президенту П. Порошенко и призвав к продолжению решения конфликта насильственными методами. Попытки найти общий знаменатель для переговоров между официальными властями Украины и руководством непризнанных республик в 2015–2017 гг. и начале 2018 г. оказались безуспешными. Официальный Киев предпринимал различные усилия, чтобы Минские соглашения (2015) не наполнялись конкретным содержанием, одновременно перекладывая вину за это на Россию и называя ее «агрессором». Соответственно, ЕС регулярно продлевает санкционный режим, соглашаясь с украинским руководством в том, что ответственность за невыполнение договоренностей лежит на российской стороне, которая каждый раз опровергает обвинения и подчеркивает, что не является участником внутриукраинского конфликта. В последние два года это происходило на фоне призыва различных германских политиков (в первую очередь, социал-демократов) и представителей бизнес-сообщества ФРГ перейти к смягчению санкций в случае прогресса в деле реализации «Минска-2». Однако с 2015 г., несмотря на все конструктивные усилия и инициативы Кремля, этого так и не произошло.

В новом коалиционном договоре, подписанном блоком ХДС/ХСС и СДПГ 7 февраля 2018 г., Россия рассматривается как долгосрочный экономический и политический партнер ФРГ, к которому (как и к Украине) обращен ставшим уже традиционным призыв к выполнению Минских соглашений [Ein neuer Aufbruch..., 2018]. Возможно, у официального Берлина есть понимание того, что от властей Украины до новых президентских (намечены на 2019 г.) и парламентских выборов в стране никакого прогресса

ожидать не следует. Наоборот, ситуация на юго-востоке может только ухудшиться, причем виноватой в этом, с точки зрения Запада, вновь будет Россия. Поэтому смягчения санкций ЕС в ближайший год не произойдет. Очевидно, что до весны 2018 г. официальный Киев намеренно противодействовал реализации соглашений, что соответствовало его внутривластным интересам, а также возможности сохранить санкционное давление на РФ.

Новый этап – принятие закона США CAATS

Отечественный и германский/европейский бизнес в целом приспособился к действующим ограничениям (тем не менее постоянно выступает за их отмену). Не произошло принципиального внешнеэкономического разворота России в сторону азиатско-тихоокеанских партнеров. За последние три года существенного возросли взаимные прямые капиталовложения компаний РФ и ФРГ, повысилась эффективность отечественных механизмов локализации и импортозамещения, с ростом нефтяных цен и оживлением российской экономики значительно увеличился внешнеторговый оборот, стало постепенно восстанавливаться доверие.

В этих условиях относительно неожиданным стало внесение 24 июня 2017 г. республиканцем Э. Ройсом в Палату представителей законопроекта H.R. 3364 «О противодействии противникам Америки с помощью санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATS), суть которого в ужесточении санкционного режима в отношении Ирана, Северной Кореи и России [Законопроект о санкциях..., 2017]. Через месяц члены нижней палаты Конгресса почти единогласно поддержали законопроект. В начале августа он был подписан Д. Трампом и приобрел статус закона (PL 115-44).

Примерно половина от объема текста CAATS посвящена РФ. Он предусматривает далеко идущие карательные меры не только для США, но и европейских субъектов, сотрудничающих с подвергшимися санкционному гонению российскими секторами экономики, частными и юридическими лицами. Обоснованием стали «нарушение территориальной целостности Украины, дерзкие кибератаки и вмешательство в президентские выборы в США, а так-

же продолжающаяся агрессия в Сирии» [Законопроект о санкциях., 2017]. Россия оказалась в одном списке с международными террористами и названа «врагом» Соединенных Штатов. Наказание может применяться к любым контрагентам компаний из санкционного списка, заключившими с ними существенную сделку. В частности, меры могут быть введены в отношении любых предприятий, которые вовлечены в развитие, обслуживание, модернизацию или ремонт российских экспортных нефте- и газопроводов, в т. ч. обслуживающих страны ЕС. Объем капиталовложений в такие проекты не должен превышать 1 млн долл. единовременно, а в сумме – не более 5 млн в течение года. По экспертным оценкам, у России 90 экспортных трубопроводов, поставляющих углеводородное сырье в 13 стран мира, пять из которых являются членами ЕС. Из них – три нефтепровода и три газопровода с долевым участием западноевропейцев или Соединенных Штатов Америки. Закон вводит ограничения на передачу РФ технологий США по разведке и добыче нефти на больших глубинах, арктическом шельфе и в сланцевых месторождениях. Они касаются российских компаний с долей государства от 33%. Кроме того, в санкционные списки могут быть включены принадлежащие России предприятия железнодорожной, транспортной, металлургической отраслей. Ужесточается действующий режим финансовых санкций – максимальный срок финансирования российских банков сокращается до 14 дней, компаний нефтегазового сектора – до 60 дней [Владислав Белов, 2017].

Единственный конкретно названный в законе проект – «Северный поток-2», который якобы оказывает «вредное влияние на энергетическую безопасность ЕС, развитие газового рынка в Центральной и Восточной Европе, а также энергореформы на Украине»¹.

¹ В середине марта 2018 г. группа из 39 американских сенаторов призвала администрацию Дональда Трампа использовать «все имеющиеся в ее распоряжении средства» для предотвращения строительства газопровода и ввести санкции против компаний, участвующих в реализации второй очереди трубопровода. 15 марта они направили письмо на имя Ст. Мнучина (министр финансов) и Дж. Салливана (заместитель государственного секретаря). – *Прим. авт.*

Ограничения также могут затронуть критически важные для ЕС проекты, как, например, «Балтийский сжиженный природный газ». Несмотря на ссылки на трансатлантическое партнерство и необходимость согласовывать свои действия с европейскими союзниками, их позиция в ходе обсуждения законопроекта практически не была принята во внимание. Впервые санкции напрямую затрагивают «священную корову» российско-европейских отношений – добычу и поставки газа. Может пострадать вся трубопроводная инфраструктура РФ – вместе с ней в зоне существенных рисков оказывается отечественный экспорт углеводородов.

Политическая подоплека не скрывает очевидные геэкономические цели США – постепенное вытеснение российских компаний с европейского рынка углеводородов и завоевание их сегментов и долей. Это объективно повышает вероятность не только ухудшения конкурентоспособности хозяйственно-политического пространства ЕС, но и снижения уровня его энергетической безопасности. В отличие от санкций 2014 г., новые со стороны США вносят элемент непредсказуемости в поведение экономических субъектов. Санкции будут накладываться не автоматически, а по решению президента. Определять, является ли сделка существенной, каждый раз будет Государственный департамент. Рост неопределенности (неизвестно, как, когда и против кого могут применяться те или иные санкции) и связанные с этим риски вновь оттолкнули от российских рынков часть европейского малого и среднего бизнеса, который только планировал выйти на них.

Опасения германского и общеевропейского бизнеса оправдались. 6 апреля 2018 г. Управление по контролю над иностранными активами (OFAC) при Министерстве финансов США расширило «Список лиц особых категорий» (SDN) и впервые включило в него 7 крупных российских предпринимателей, 12 контролируемых ими компаний, один банк, а также 17 российских чиновников и государственную оборонную компанию. Их капиталы замораживаются. С этого момента гражданам США запрещено совершать с ними какие-либо операции и вести дела. Более того, под действие этих экстерриториальных санкций теперь могут попасть и граждане других стран, в т. ч. ФРГ, в случае осу-

ществления «значительных транзакций» с участниками списка SDN (либо членами их семей). В этом случае они могут быть также включены в этот список со всеми вытекающими последствиями (например, лишение доступа к рынку США и долларovým транзакциям). Впервые экономические субъекты ФРГ и других стран ЕС, имеющих кооперационные связи с Россией, оказались под прямым действием экстерриториальных санкций Соединенных Штатов и, соответственно, под угрозой существенных потерь.

Попытки противодействия санкциям США

В середине июня 2017 г. глава МИД Германии З. Габриэль и федеральный канцлер Австрии К. Керн подвергли жесткой и весьма эмоциональной критике проект новых экстерриториальных (и незаконных с их точки зрения) санкций США в отношении России из-за возможного ущерба европейским компаниям, участвующим в обеспечении энергоснабжения стран ЕС. Совместное заявление опубликовано на сайте внешнеполитического ведомства ФРГ. В частности, в нем сказано: «Энергоснабжение Европы является делом Европы, а не Соединенных Штатов Америки! Мы сами решаем, кто и как поставляет нам энергию – согласно правилам открытости и рыночной конкуренции!» [Außenminister Gabriel., 2017]. Но призыв европейских политиков не был услышан.

Наряду с июньским протестом З. Габриэля и К. Керна жесткую позицию по отношению к закону и его поэтапной реализации заняло германское деловое сообщество – в первую очередь, его лоббистские структуры, ратующие за обеспечение интересов на восточном внешнеэкономическом векторе их деятельности: Восточный комитет немецкой экономики и Германо-Российская внешнеторговая палата (ГРВТП). Последняя проводит регулярные опросы своих членов, где вопросам санкций против России уделяется особое внимание. Согласно результатам опроса ГРВТП (август 2017 г., приняли участие 193 компании), 97% опрошенных оценили СААТС отрицательно, среди них 77 – «однозначно негативно». 52% сообщили, что новые санкции затронут их бизнес косвенно – через поставщиков и клиентов. Именно этого опасается основная часть компаний. Около трети респондентов указали, что новые

американские санкции США их не затронут. 18% опрошенным было не ясно, каким образом повлияют санкции на их бизнес, 65 – ожидали негативных последствий возможных санкций для их бизнеса: 12% опрошенных готовились к серьезному снижению оборота, 53 – к менее серьезному снижению, а 35% полагали отсутствие влияния на оборот компании. Большинство было уверено, что штрафные санкции коснутся прежде всего новых проектов (особенно в сфере строительства трубопроводов), скажутся на участвующих в них поставщиках, а также на компаниях, сотрудничающих с российскими энергетическими концернами. 44% считали, что они повлияют на уже реализуемые проекты, 23% были уверены в обратном [Результаты опроса., 2017].

Кроме того, в августе 2017 г. представители германского бизнеса отметили психологические последствия возможных санкций США – они уже тогда побуждали фирмы к осторожности и выжидательной позиции, что объективно в среднесрочной перспективе ведет к снижению инвестиционной активности, сдержанности в планировании, ориентации на минимизацию рисков. Этому способствует нечеткость формулировок закона и связанная с этим неясность в отношении проектов, которые могут попасть под действие санкций. 70% респондентов указали на преимущественно экономическую направленность этих мер: санкции призваны продвигать хозяйственно-политические интересы США и их компаний. 73% призвали ЕС и правительство ФРГ к возможным ответным мерам – в случае, если от СААТС пострадают европейские компании [Результаты опроса., 2017].

В апреле 2018 г. ГРВТП провела очередной «санкционный» опрос, в котором приняли участие 154 компании, представляющие ключевые отрасли промышленности (машино- и станкостроение, химия, электротехника и электроника) и сферы услуг (строительство, оптовая и розничная торговля, консалтинг) [Опрос., 2018]. Многие из них имеют деловые отношения с компаниями или лицами из американского «Списка лиц особых категорий». Заявленные США в начале апреля 2018 г. санкции впервые напрямую затрагивают их бизнес, что может привести к падению оборотов/снижению объемов поставок на российские рынки. Не исключены по-

тери вследствие вынужденного отказа от исполнения договоров, срыва сделок, отмены проектов, потери потенциальных клиентов; налаженные и строившиеся годами деловые отношения с компаниями из санкционного списка оказались под угрозой разрыва. Многие германские инвесторы предпочтут занять выжидательную позицию, а общее количество инвестиционных проектов с германским участием может сократиться.

Новые санкции США существенно осложняют бизнес германских кредитных и финансовых институтов, в т. ч. в области проектного финансирования. Российские клиенты могут теперь столкнуться с еще большими проблемами в поиске заемных средств для закупок германских машин и оборудования. Не исключено дальнейшее снижение активности банков ФРГ в России и потере ими позиций в своих нишах, что окажет косвенное негативное влияние на деятельность их немецких клиентов на российских рынках. Треть опрошенных компаний заявили, что апрельские санкции существенно или очень существенно затронут их бизнес; треть оценили степень воздействия санкций как среднюю и еще одна треть считает, что санкции едва затронут их бизнес либо не затронут совсем. Краткосрочные потери в текущем финансовом году респонденты оценили в диапазоне от 271 млн до 377 млн евро; среднесрочные – около 0,82 млрд евро. При наихудшем сценарии, по оценкам опрошенных компаний, они могли потерять 1,5 млрд евро [Опрос., 2018]. Тем не менее, несмотря на все риски и опасности, немецкий бизнес намерен сохранить высокий уровень своей активности в России или даже повысить его. 79% респондентов считают, что правительство ФРГ должно открыто критиковать новые санкции и содействовать тому, чтобы немецкие компании и их представители не попали под американское санкционное воздействие. 19% опрошенных считают более эффективной лоббистскую работу и ожидают от немецкой исполнительной власти последовательного воздействия на Вашингтон на политическом уровне.

Резко выросшие внешнеэкономические риски в кооперации с российскими партнерами побудили немецкий бизнес обратиться к федеральному канцлеру А. Меркель с просьбой включить в по-

вестку переговоров с президентом США Д. Трампом вопрос об исключении компаний ФРГ и других стран ЕС из экстерриториального действия санкционного списка SDN. Она пошла навстречу этим пожеланиям, но успехов на переговорах 27 апреля 2018 г. в Вашингтоне ей достичь не удалось. Можно выразить осторожную надежду, что Д. Трамп, возможно, перенесет обсуждение важного для европейцев вопроса на встречу с президентом РФ В.В. Путиным.

В течение 2017 г. внешняя политика США продемонстрировала превращение в часть внутренней – Конгрессом был принят закон CAATS, который тактически направлен против нынешнего президента Соединенных Штатов, а стратегически – на обеспечение геополитических интересов нефте- и газодобывающих компаний США в Европе. Политики Соединенных Штатов Америки прекрасно понимают, что он не окажет существенного влияния на поведение высшей российской власти. Самое неприятное в этой связи – закон CAATS вряд ли будет отменен в ближайшие годы. Это особенность законодательной практики Соединенных Штатов Америки. Известная поправка «Джексона – Вэника» об ограничении на торговлю между США и СССР, принятая в 1974 г., была отменена только спустя 38 лет. На сегодняшний день ясных и понятных рецептов противодействия протекционизму Соединенных Штатов Америки пока нет.

Во вторую половину 2018 г. российско-германские экономические отношения вступили в весьма неблагоприятных условиях. К действующим с 2014 г. санкциям ЕС добавляется новый жесткий санкционный режим США с трудно предсказуемыми последствиями для ведущих отраслей экономики России и ее хозяйственной кооперации с ФРГ и другими европейскими странами. Постепенное смягчение и даже отмена санкций ЕС в среднесрочной перспективе не смогут изменить ситуацию. Частично риски могут быть компенсированы через сотрудничество с Китаем, но особых успехов здесь вряд ли можно достичь. Как и в прежние годы, остается надеяться на собственные силы, а именно на продолжение непростых процессов дебюрократизации отечественной экономи-

ки, борьбу с коррупцией, усиление судебно-правовой защищенности экономических игроков и разумную государственную поддержку малого и среднего бизнеса (без которого не может быть достигнуто новое качество народнохозяйственного развития), на рост конкуренции между регионами РФ.

Список литературы

Владислав Белов. Лекарство от давления // Коммерсант. ru. – 2017. – 22.11. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3473394> (Дата обращения – 30.04.2018).

Европа XXI века: Новые вызовы и риски / Отв. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федоров; РАН. Институт Европы. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 584 с.

Законопроект о санкциях: Детально и в подробностях // Голос Америки. – 2017. – 26.07. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/amp/house-sanctions-resolutions/3960313.html> (Дата обращения – 10.10.2017).

Опрос: Новые санкции США против российских компаний и их влияние на немецкий бизнес в России // АНК. – 2018. – 25.04. – Режим доступа: https://russland.ahk.de/fileadmin/АНК_Russland/Newsroom/2018/04/25_PM_US-Sanktionen/2018-04-25_PM_АНК-Umfrage-US-Sanktionen_Auswertung_RU.pdf (Дата обращения – 28.04.2018).

ПЕРЕЧЕНЬ АКТОВ И ДОКТРИНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ, КАСАЮЩИХСЯ САНКЦИЙ. – 2017. – Режим доступа: <http://sanctionsregulations.ru/wp-content/uploads/Перечень-актов-и-доктринальных-источников-касающихся-санкций-2.pdf> (Дата обращения – 28.04.2018).

Результаты опроса: Новые санкции США и их последствия для немецкого бизнеса в России // АНК. – 2017. – 13.09. – Режим доступа: https://russland.ahk.de/fileadmin/АНК_Russland/Newsroom/Newsarchiv/2017/09/13_PK_US-Sanktionen/2017_Ergebnisse_Umfrage_US-Sanktionen_RU.pdf (Дата обращения – 20.09.2017).

Россия возвращается на мировой рынок // Вести. – 2017. – 26.06. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/articles/86975> (Дата обращения – 30.04.2018).

Россия – ЕС: Особенности экономических отношений в современных условиях. Часть II / Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.), К.Н. Гусева, А.А. Масленникова; РАН. Институт Европы. – М., 2014. – 114 с.

Тимофеев И.Н. Санкции против России: Направления эскалации и политика противодействия. Российский совет по международным делам (НП РСМД): Доклад № 37/2018. – М.: НПРСМД, 2018. – 32 с.

Три года санкций против России: Потери и приобретения. – 2017. – 18 марта. – Режим доступа: <http://новости-россии.ru-an.info/новости/три-года-санкций-против-россии-потери-и-приобретения/> (Дата обращения – 30.04.2018).

Фёдоров В.П. Нужны ли экономические санкции? // Современная Европа / РАН. Институт Европы. – 2015. – № 3. – С. 134-136.

Außenminister Gabriel und der Österreichische Bundeskanzler Kern zu den Russland-Sanktionen durch den US-Senat // Auswärtiges Amt [site]. – 2017. – 15.06. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/170615-kern-russland/290664> (Date of access – 30.04.2018).

Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. – Berlin, 2018. – 7. Februar. – 179 S.

Folgen der Sanktionen zwischen der EU und Russland für die deutsche Wirtschaft // Wirtschaftsdienst [site]. – 2016. – Mode of access: <https://archiv.wirtschaftsdienst.eu/jahr/2016/7/folgen-der-sanktionen-zwischen-der-eu-und-russland-fuer-die-deutsche-wirtschaft/> (Date of access – 30.04.2018).

GTAI-Special Russland-Sanktionen. – 2018. – 11.04. – Mode of access: <http://www.gtai.de/GTAI/Navigation/DE/Trade/Maerkte/Specials/russland-sanktionen.html> (Date of access – 30.04.2018).

Peterson Institute for International Economics. – 2018. – Mode of access: <https://piie.com/> (Date of access – 30.04.2018).

Russlandsanktionen: Alle Nachrichten und Informationen der F.A.Z. zum Thema. – 2018. – 8.05. – Mode of access: <http://www.faz.net/aktuell/politik/thema/sanktionen-gegen-russland> (Date of access – 30.04.2018).

Russland-Sanktionen kosteten die EU-Länder 30 Milliarden Euro. – 2017. – 6.10. – Mode of access: http://www.wifo.ac.at/jart/prj3/wifo/resources/person_dokument/person_dokument.jart?publikationsid=60666&mime_type=application/pdf (Date of access – 30.04.2018).

Sanktionen in Zusammenhang mit der Ereignissen in der Ukraine // Bundestag [site]. – 2017. – 15.06. – Mode of access: <https://www.bundestag.de/blob/515820/75b18131eead30b280426665c489b2c2/wd-2-052-17-pdf-data.pdf> (Date of access – 30.04.2018).

**А.В. МАНОЙЛО, 2018 ©
MANOYLO ANDREY**

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
THE MAIN PRINCIPLES AND DIRECTIONS OF THE
CREATION OF CYBERSECURITY AREA:
INTERNATIONAL EXPERIENCE**

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию принципов, направлений, форм и методов формирования единого пространства коллективной безопасности стран БРИКС в информационной сфере. В этой связи изучается опыт противодействия таким новым вызовам и угрозам, как киберпреступность, информационный терроризм и экстремизм, операции информационной борьбы, с которыми не способна справиться каждая по отдельности из стран БРИКС. Показывается целесообразность формирования системы наднациональных органов БРИКС, отвечающих за обеспечение информационной безопасности объединения в целом.*

***Abstract.** The article devotes to the exploration of the principles, directions, forms and methods of the creation of common area of collective security among BRICS member states in the information field. In this regard the author investigates the experience to counteract such new challenges and threats as cybercrimes, information terrorism and extremism, struggle in the information field. The paper notes that no one of BRICS countries individually is able to cope with these problems. The author shows the expediency of forming a system of supranational bodies BRICS which are responsible for ensuring the information security of BRICS as a whole..*

Ключевые слова: безопасность, Россия, киберпреступность, информационный терроризм, БРИКС.

Keywords: security, Russia, cybercrimes, information terrorism, BRICS.

В условиях дигитализации различных процессов развития стран, региона и мира в целом – экономических (в частности, переход к «Индустрии 4.0» ведущих промышленных стран мира), политических, военных – значимость решения вопросов обеспечения кибер- и информационной безопасности резко повышается. Так, удачно проведенная организованная хакерская атака на автоматизированные системы связи и управления войсками могут фактически «выключить» штаб части (или соединения), тем самым резко понизив ее (его) боеспособность, что, в свою очередь, может иметь критическое значение для исхода боя. Именно по этой причине как в институтах (ЕС, НАТО), так и в странах – участницах Евро-Атлантического сообщества наблюдается процесс создания нового рода войска – киберзащиты (с отдельным командованием), ответственного за защиту критически важной инфраструктуры военного и двойного назначения. Так, в 2016 г. оно было создано во французских ВС [France unveils., 2016], а в 2017 г. – в бундесвере [German army., 2017]. Примечательно, оба они сразу стали тесно взаимодействовать с профильными гражданскими компаниями, в том числе в ходе проведения учений по отражению угроз в киберсфере [Ibid.]. Это сонаправленность усилий военных и гражданских структур показывает, сколь значима для государств в современных реалиях эта проблема.

В полной мере сталкивается с ней и Россия. К сожалению, на Западе предпринимаются активные попытки по ее «демонизации» и обвинения в якобы осуществленных кибератаках на сайты различных государственных учреждений в ходе электоральных циклов на Западе (в частности, во время выборов президента США 2016 г.). В этой ситуации возможность практической кооперации РФ со странами и особенно институтами Евро-Атлантического сообщества по противодействию угрозам кибербезопасности сведена к минимуму. Фактором компенсации этого для РФ выступает

наращиваемое сотрудничество в данной сфере со странами БРИКС. С учетом процессов глобализации, а также веса и значимости России в системе европейской безопасности, оно оказывает и будет оказывать существенное влияние на развитие ситуации в ней.

Обеспечение информационной безопасности любого государства в современном мире находится в прямой зависимости от наличия высокоразвитой и конкурентоспособной информационно-коммуникативной инфраструктуры. Информационно-коммуникативная инфраструктура государства подразумевает под собой наличие двух составляющих: технологической и смысловой (содержательной).

Технологическая (кибер-) составляющая национальной информационно-коммуникативной инфраструктуры представляет собой совокупность информационных систем, подсистем и центров, баз знаний и данных, систем связи, центров управления, средств и технологий сбора, хранения, обработки и передачи информации и т.д. Таким образом, кибербезопасность государства подразумевает под собой наличие таких организационных мер и структур, как национальные системы спутниковой связи, навигации и вещания, система платежных карт базы данных и знаний, государственные системы защиты и блокировки информации, национальные поисковые системы и т.д. Следует отметить, что список требований, предоставляемых к высокоразвитым информационно-коммуникативным инфраструктурам, с каждым годом становится все более и более обширным.

Состояние информационно-коммуникативной инфраструктуры и информационной индустрии государства в реалиях глобального информационного общества является важнейшим условием успешности реализации внутренней политики. Однако процесс информатизации в разных государствах неравномерен, что приводит к существованию такого феномена, как «цифровая асимметрия». «Цифровая асимметрия» заключается в неравномерности распределения информационных ресурсов между различными государствами и, как следствие, неравномерных возможностях использования глобального информационного пространства. В связи с этим борьба за информационные ресурсы и информаци-

онное пространство между государствами приобретает принципиально важное значение.

Не менее значимой для вопроса информационной безопасности является и смысловая (содержательная) сторона информационно-коммуникативной инфраструктуры государства. Если говорить упрощенно, она представляет собой тот посыл (контент), который транслирует государство в общество и/или международное сообщество посредством наличествующих у него информационно-коммуникативных ресурсов. Также к содержательной стороне обеспечения информационной безопасности относятся вопросы ее концептуального и стратегического оформления и нормативно-правового регулирования.

С одной стороны, значимость данных вопросов нашла отражение в концептуальных документах России в области безопасности. Так, в действующей (2014) Военной доктрине РФ указывается, что «наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство» [Военная доктрина., 2014]. В Стратегии национальной безопасности, принятой в 2015 г., также отмечается: «Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [Стратегия национальной., 2015]. С другой стороны, в России до сих пор не принято официального профильного документа по вопросам обеспечения кибербезопасности, хотя необходимость его принятия и проработка предварительных вариантов (в том числе на площадке Совета Федерации) ведутся как минимум с начала 2010-х годов.

Из системной сложности и разветвленности информационно-коммуникативной инфраструктуры государства логически проистекает идея формирования единого пространства информационной безопасности в наднациональных рамках международных интегративных организаций с участием России (БРИКС, ЕАЭС,

ОДКБ). Это, с одной стороны, позволит соединить самые передовые технологии стран-участниц, произвести обмен бесценным опытом в сфере обеспечения информационной безопасности, снизить ресурсные затраты и издержки каждого отдельного государства. С другой – может стать «рупором» развития единого информационного пространства, основанного на общих принципах и ценностях для государств объединения. Это позволит организовать культурный и символический обмен между различными обществами, усилить сотрудничество в различных областях экономики за счет ее высокой информатизации. Кроме того, станет возможно формирование, например, единой платежной системы, а в отдаленной перспективе – даже единого рынка товаров и услуг.

Актуальные вызовы и угрозы информационной безопасности РФ

С точки зрения автора, те вызовы, которые встают перед Россией в информационной сфере, можно условно разделить на три группы. Первая из них связана с имиджевыми аспектами. К их числу следует отнести:

- формирование негативного восприятия России якобы как «продюцента угроз», «спойлера миропорядка», т.е. не вписывающегося в парадигму либеральной демократии государства в понимании отдельных граждан, гражданских обществ, элит стран – участниц Евро-Атлантического сообщества;

- активизацию СМИ, блогеров внешних государств, стремящихся дискредитировать не только действующую власть, но и институт государства в России в глазах граждан РФ, стран СНГ, ЕАЭС, ОДКБ с целью создания соответствующих моделей негативного в отношении РФ политического поведения у граждан данных стран.

Вторая группа рисков включает в себя проблемы технологического характера, уменьшающие нынешние, и потенциальное место и роль России в мировом информационном пространстве. К числу таковых относятся:

- ослабление международного авторитета России за счет вытеснения ее с внешнего информационного рынка;

- формирование информационной зависимости российского общества, заключающейся в доминировании на внутреннем рынке и рынках стран – партнеров зарубежных систем спутниковой связи, навигации, вещания и платежей;

- содействие повышению зависимости России от импорта высоких технологий;

- возникновение комплекса новых угроз, связанных с феноменами «Интернета вещей» и технологиями Big Data, к которым Россия может быть технологически не готова;

- усиление информационного влияния на территории России, а также стран СНГ и ЕАЭС международных террористических организаций (в частности, «Исламского государства» (запрещено в РФ)).

Наконец, третья группа включает в себя вызовы, имеющие существенное военно-политическое измерение. Она представлена следующими положениями:

- разработкой рядом государств концепций информационных и гибридных конфликтов, направленных против России и ее союзников и партнеров;

- потенциальной угрозой вторжения ряда стран и террористических организаций в информационное пространство России и ее партнеров, а также нарушением нормального функционирования национальных информационных и телекоммуникационных систем России, стран БРИКС, СНГ и ЕАЭС;

- попытками нарушения систем связи и управления Вооруженными силами и войсками союзников РФ на всех уровнях (тактическом, оперативном, стратегическом), в том числе войсками, используемыми за пределами территории стран – участниц ЕАЭС;

- угрозой возрастания уровня киберпреступности на территориях России, ее союзников и партнеров.

Наличие широкого перечня новых вызовов и угроз требует от России активизации усилий по формированию единого пространства коллективной безопасности в информационной сфере и привлечение к этому строительству стран БРИКС.

Каковы особенности обеспечения своей безопасности в кибер- и информационной сфере другими странами объединения?

Импульсом для развития системы безопасности в области кибер- и информационной безопасности для **Бразилии** стал доклад Э. Сноудена о слежке различных ведомств США за гражданами страны в Интернете (2013). Уже в апреле 2014 г. Национальный конгресс Бразилии утвердил так называемый «Билль Марко», более известный как «Интернет-конституция» страны, который посвящен декларированию прав и свобод личности в интернет-пространстве, а также мерам и механизмам их соблюдения [Brazil lays., 2014]. Основные положения документы должны быть, с точки зрения автора, учтены при разработке концептуальных документов РФ в исследуемой сфере.

Закон стал отправной точкой для создания обособленной от США национальной системы в информационной сфере. Так, государственные служащие Бразилии отказались от использования поставщиков услуг электронной почты из США и перешли на бразильские. В 2015 г. в Бразилии начата реализация крупномасштабного проекта по прокладыванию интернет-кабеля из Европы в Бразилию по дну Атлантического океана в обход США, в дальнейшем планируется также соединение Бразилии с Африкой и Азией. В развитие этого 17 февраля 2017 г. официальная Бразилиа заявила о необходимости создания киберполиции, ответственной за предотвращение киберпреступлений (незаконное использование персональных данных, кибершпионаж, кибертерроризм и т.д.). Интересно, что уже в 2017 г. началась институционализация сотрудничества по этому направлению между Бразилией и Европолом [Europol and Brazil., 2017], что демонстрирует заинтересованность в этом ЕС как института на фоне расхождений с администрацией Д. Трампа по широкому кругу вопросов.

Индия занимает одно из лидирующих мест в мире по числу киберпреступлений, хакерских атак и распространения вредоносного программного обеспечения. В 2012 г. правительством страны был утвержден пятилетний план «по повышению уровня информационной безопасности учреждений критически важной инфраструктуры на территории всей страны». В рамках данного плана предполагалось претворение в жизнь следующих мер: создание структуры быстрого реагирования на киберугрозы; национальной

операционной системы; полное обеспечение информационно-коммуникативной безопасности правительственных структур; создание национальных баз данных и знаний; использование биометрических технологий для получения доступа граждан к сети Интернет и осуществления финансовых онлайн-операций. В развитие этого в 2013 г. был создан Национальный центр защиты критически важной инфраструктурной информации и учреждена полиция по кибербезопасности. В феврале 2017 г. была создана Команда при правительстве Индии по реагированию на чрезвычайные ситуации, которая запустила проект «Cyber Swachha Kendra» [Cyber Swachhta., 2017]. Думается, что опыт учреждения профильных гражданских (и смешанных, т.е. с участием военных) структур по обеспечению кибербезопасности на различных уровнях исполнительной власти, в том числе при правительстве, может быть весьма востребован в России.

Китай по праву считается одним из государств-лидеров по части технологий национальной информационной и киберзащиты, направленных на контроль и регулирование интернет-пространства на своей территории. С 1998 г. в рамках общего проекта «электронного правительства» в Китае существует 12 так называемых «золотых проектов», направленных на регулирование интернет-пространства. Наиболее известным является проект «Золотой щит», представляющий собой систему фильтрации содержимого Интернета за счет ограничения доступа к ряду ресурсов и страниц на территории КНР [см.: Golden projects, 1997]. На данный момент «Золотой щит» использует следующие методы фильтрации: блокировка IP-адресов; фильтрация DNS-запросов и их переадресация; блокировка интернет-адресов (URL); фильтрация на этапе пересылки пакетов; блокировка соединений, осуществляемых через VPN.

Параллельно еще с начала 2000-х годов Народно-освободительной армией Китая реализуются проекты по модернизации радиоэлектронной разведки и контрразведки. Еще в середине 1990-х годов в КНР были введены в эксплуатацию четыре новых центра радиоразведки и Тихом океане, а в 1999 г. на Кубе был развернут китайский центр радиоперехвата.

В развитие этих мер в 2016 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло решение о создании киберполиции. Борьба с кибертерроризмом и кибершпионажем в Китае осуществляется за счет деятельности 10-го (сбор научно-технической информации) и 11-го (радиоэлектронная разведка и компьютерная безопасность) бюро Министерства государственной безопасности КНР, подчиняющегося КПК.

В **Южно-Африканской Республике** уже в 2010 г. были впервые созданы специальные подразделения киберполиции, деятельность которых направлена на предотвращение и отслеживание киберпреступлений экономического характера и против личности и значимых государственных инфраструктурных объектов. В конце 2016 г. правительством ЮАР был издан Билль о киберпреступлениях и кибербезопасности, поставивший первоочередной задачей в рамках постепенной информатизации общества создание пространств общенациональной и личной информационной безопасности [CYBERCRIMES AND CYBERSECURITY..., 2016]. Согласно данному Биллю, в 2017 г. в ЮАР был создан Центр кибербезопасности при Национальном университете Йоханнесбурга при содействии правительства Южно-Африканской Республики. Данный центр занимается подготовкой профессиональных кадров, созданием нормативно-правовых основ регулирования информационного пространства ЮАР, информационно-технической подготовкой деятельности правительственных органов в данной сфере, а также научными исследованиями по вопросам кибер- и информационной безопасности. 6 сентября 2017 г. между Россией и ЮАР было подписано Соглашение о сотрудничестве в области кибербезопасности [Девятый саммит, 2017].

Таким образом, основная масса шагов по созданию национальных систем обеспечения безопасности в кибер- и информационной сфере была предпринята партнерами России по БРИКС с середины 2010-х годов. Это связано как с общим ростом значимости угроз в данной области, так и с повышением неопределенности как результата бурных изменений мирополитической системы на региональном и глобальном уровнях.

Перспективные направления деятельности для РФ в рамках создания пространства коллективной безопасности БРИКС

Каковы же конкретные направления углубления сотрудничества РФ со странами БРИКС? С точки зрения автора, требуется скорейшая институционализация сотрудничества киберполиций указанных стран с профильными структурами МВД РФ. Кроме того, опосредованно (через Бразилию) имеет смысл налаживать взаимодействие и с ЕС, а также отдельными странами-участницами. Необходимость этого продиктована прежде всего тем, что ни одна страна самостоятельно не способна полностью быть готовой к отражению широкого спектра угроз в кибер- и информационной сферах.

Параллельно должны реализовываться меры по созданию:

- единой системы предупредительных мер противодействия киберпреступлениям, международному терроризму в Интернете и информационным атакам;

- программных документов в области обеспечения коллективной информационно-коммуникативной безопасности: концепции информационной безопасности, стратегий коллективного противодействия информационным и гибридным конфликтам, имиджевой стратегии;

- возможностей приоритетного доступа РФ к информационному пространству стран – участниц БРИКС, например точечное проникновение российских ресурсов и компаний под «Золотой щит»;

- ряда совместных инфраструктурных проектов, например единой платежной системы стран – участниц БРИКС, единых систем поиска и навигации;

- единых медиа: агентств новостей, телеканалов, периодических изданий, информационных онлайн-ресурсов и т.д.

Кроме того, требуется углубление сотрудничества между сторонами в области IT-технологий с компаниями стран – участниц БРИКС и по вопросам обмена информацией и обеспечения равного доступа к информации всех граждан членов – государств БРИКС. Немаловажной задачей является обеспечение доступа аудитории стран – участниц БРИКС к российским информацион-

ным ресурсам и телеканалам («Первый канал», «Russia Today» и т.д.) на русском и национальных языках и проведение совместных информационных и имиджевых компаний странами – участниками БРИКС в рамках позиционирования на международной арене.

В этой связи автором предлагается двухосновная организационная структура пространства коллективной информационной безопасности БРИКС.

1. Совет коллективной информационной безопасности БРИКС призван явиться центральным концептуальным и стратегическим органом. В состав совета следует включить высших должностных лиц, руководящих вопросами развития ИКТ и информационной безопасности в соответствующих странах – участниках объединения.

2. Центр обеспечения кибербезопасности БРИКС будет заниматься технологическим обеспечением единого киберпространства, стратегическим планированием операций, предупреждением кибератак и оперативным реагированием на них. В качестве одного из подразделений данного центра предлагается создание общей киберполиции БРИКС.

К основным сферам ведения Центра информационной политики и коммуникаций БРИКС будут относиться вопросы совместных информационных и имиджевых кампаний, международного сотрудничества, внутренних коммуникаций и связей с общественностью.

В условиях стратегического отчуждения Запада и России для РФ важным направлением наращивания своих возможностей в области решения проблем обеспечения кибер- и информационной безопасности выступает сотрудничество со странами БРИКС. Оно может существенно повысить возможности России в рассматриваемой сфере и тем самым повысить интерес к сотрудничеству с ней со стороны стран и институтов Евро-Атлантического сообщества. При этом укрепление мер доверия со странами БРИКС (особенно с Бразилией и Индией) позволит России получить опосредованный канал для убеждения западных стран в непричастности

РФ к попыткам повлиять на электоральные циклы в странах Европы и США посредством осуществления кибератак и иных мер в информационной сфере. Таким образом, сотрудничество со странами БРИКС в исследуемой области может содействовать делу постепенного доверия в отношениях России и Запада в целом.

Список литературы

Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. – 2014. – 30.12. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (Дата обращения – 31.05.2018).

Девятый саммит БРИКС: Заявления о дружбе, открытости и сотрудничестве // РИА Новости. – 2017. – 05.09. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170905/1501845256.html> (Дата обращения – 31.05.2018).

Стратегия национальной безопасности // Российская газета. – 2015. – 31.12. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (Дата обращения – 31.05.2018).

Brazil lays down the law with Internet 'Bill of Rights' // CNET [site]. – 2014. – 23.04. – Mode of access: <https://www.cnet.com/news/brazil-lays-down-the-law-with-internet-bill-of-rights/> (Date of access – 31.05.2018).

CYBERCRIMES AND CYBERSECURITY BILL. REPUBLIC OF SOUTH AFRICA. – Capetown: Ministry of Justice and Correctional Service, 2016. – 85 p. – Mode of access: <http://www.justice.gov.za/legislation/bills/CyberCrimesBill2017.pdf> (Date of access – 31.05.2018).

Cyber Swachhta Kendra: BrickerBot: IoT Malware. – 2017. – 25.04. – Mode of access: https://www.cyberswachhtakendra.gov.in/alerts/BrickerBot_IoT_Malware.html (Date of access – 31.05.2018).

Eupol and Brazil agree co-operation on cyber crime. – 2017. – 11.04. – Mode of access: <https://www.computerweekly.com/news/450416640/Europol-and-Brazil-agree-co-operation-on-cyber-crime> (Date of access – 31.05.2018).

German army launches new cyber command // Deutsche Welle. – 2017. – 01.04. – Mode of access: <http://www.dw.com/en/german-army-launches-new-cyber-command/a-38246517> (Date of access – 31.05.2018).

Golden projects // CNET [site]. – 1997. – 27.06. – Mode of access: <https://www.cnet.com/news/golden-projects/> (Date of access – 31.05.2018).

France unveils cyber command in response to 'new era in warfare'. – 2016. – 16.12. – Mode of access: <https://www.scmagazineuk.com/france-unveils-cyber-command-in-response-to-new-era-in-warfare/article/579671/> (Date of access – 31.05.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ABOUT AUTHORS

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела европейской безопасности ИНИОН РАН. (belinskii_andrei@mail.ru).

Belinsky A.V. – candidate of sciences (Ph.D. in Political Sciences), senior research fellow, Department of European security, INION RAS.

Белов Владислав Борисович – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований Института Европы РАН. (vladisbelov@yandex.ru)

Belov V.B. – candidate of sciences (Ph.D. in economics), deputy director (on scientific work), head of Department for Country Studies, head of the Center for German Studies, Institute of Europe RAS.

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. (tgbitkova@mail.ru)

Bitkova T.G. – candidate of sciences (Ph.D. in Philology), senior research fellow, Department of Europe and America, INION RAS.

Карпова Ксения Александровна – магистрант Российского университета дружбы народов, практикант ИНИОН РАН. (ksusha.studies@gmail.com).

Karpova K.A. – graduate student, Peoples' Friendship University of Russia, +rainll INION RAS.

Кочегуров Дмитрий Александрович – редактор Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам НИУ ВШЭ. (kochev.dima007@yandex.ru)

Kochegurov D.A. – editor, Department of Europe and America, INION RAS, postgraduate student, Doctoral school of political science, Higher school of economics.

Кутырев Георгий Игоревич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ. (kutyrevgeorge@gmail.com)

Kutyrev G.I. – candidate of sciences (Ph.D. in political sciences), senior research fellow, Department of Europe and America, INION RAS, senior research fellow.

Манойло Андрей Викторович – ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, доктор политических наук, профессор Факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. (cyberhurricane@yandex.ru)

Manoylo A.V. – leading research fellow, Department of Europe and America, INION RAS; doctor of sciences (Sc.D. in political sciences), professor, Faculty of Politology, Moscow State University.

Никуличев Юрий Владимирович – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела европейской безопасности ИНИОН РАН. (987 nic@mail.ru)

Nickulichev Yu.V. – doctor of sciences (PhD in cultural studies), leading research fellow, Department of European security, INION RAS.

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. (1 trunov@mail.ru)

Trunov Philipp Olegovich – candidate of sciences (Ph.D. in political sciences), senior research fellow, Department of Europe and America, INION RAS.

Уткин Сергей Валентинович – кандидат политических наук, заведующий сектором стратегических оценок Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. (s.utkin@imemo.ru)

Utkin S.V. – candidate of sciences (Ph.D. in political sciences), Head of sector of strategic assessments, Primakov Institute of World Economy and International Relations RAS.

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. (v.n.tchernega@gmail.com)

Tchernega V.N. – doctor of sciences (Sc.D. in Jurisprudence), leading research fellow, Department of Europe and America, INION RAS. Plenipotentiary envoy.

Шаншиева Лариса Николаевна – кандидат философских наук, заведующая сектором Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. (shlara@rambler.ru)

Shanshieva L.N. – candidate of sciences (Ph.D. in Philosophy), head of sector Eastern Europe, Department of Europe and America, INION RAS.

**ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ =
EUROPEAN SECURITY CHALLENGES**

**Сборник научных трудов
Выпуск 3**

**ЕВРОПА В ЭПОХУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ**

**EUROPE IN THE PERIOD
OF GEOPOLITICAL UNCERTAINTY**

Редактор сборника:
Трунов Филипп Олегович

Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект,
51/21,
ИНИОН РАН. Отдел Европы и Америки
E-mail: ape@inion.ru

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 28.09.1999 г.
Подписано к печати 20/XI – 2018 г. Формат 60×84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена
Формат 60×84/16 Усл. печ.л. 18,0
Тираж 450 экз. (1-150 экз. – 1-й завод)
Свободная цена Заказ № 113

Адрес редакции и издателя: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21,
ИНИОН РАН. Отдел Европы и Америки
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У

